

Кажется, С.Л. Романов — типичный неудачник по жизни. Ему не только "не перло" по современной жизни, но и попал он попаданцем в тело великого князя, но в СССР, да еще на волне сталинских репрессий, в 1937 год. В итоге, еще не охнул в новом времени, а ему уже попало в морду. и не только. Особенно в почки оказалось больно. А еще соседний зэк в камере сообщил, что им всех ждет неизбежный расстрел. Хоть волком вой!

Грустное начало попаданства (Великий князь в СССР — 1)

Для начала этого незамысловатого, но изрядного в целом повествования начну с некоего философского экзерсиса небольшого объема об устойчивости человеческих типажей в конкретной исторической эпохе.

Фу-ух, сказал до конца!

Ведь, например, согласитесь, господа (если желаете, товарищи), что словосочетание «советский великий князь», т. е. великий князь в СССР, даже в наше время (в бестолковый XXI век) звучит как-то неестественно и нежизненно и вызывает только граничные эмоции, типа ужаса и брезгливость. Словно остро-сладкий соус, красный перец и сахар вместе перемешали и вас приглашают отведать, бяку такую. Сказать это можно, понять на вкус, пожалуй, нет. Что я вам извращенец?

Хотя и то, надо сказать, уже хорошо. В давние не очень мягкие времена Великого Кормчего даже за разговор по этой теме могли просто отправить под суд по политической 58 статье, где, что ни пункт, то и расстрел, а в лучшем случае максимальный срок (а зависимости от эпохи — десять или двадцать пять лет). И шагай, ваше императорское высочество по этапу золотишко мыть или лес варить, не торопись.

А многие даже и не подумают попробовать такое остро-сладкое крутое блюдо. Сразу побрезгуют и совсем не напрасно. Вот если бы быстренько расстрелять великого князя в СССР, тогда большинству как бы можно. Однако же не в этом литературном произведении, да-с!

Здесь мы только пофилософствуем для затравки темы, что все же существовало и в реальности такое несуразное, я имею в виду великий князь и Страна Советов. Поскольку в жизни, как и плотской любви бывает все по-разному. И в позах, и в партнерах, вы уж извините за примерный цинизм старого пройдохи. Или глубокий реальный прагматизм опытного человека, кто как понимает.

Вот и в последние годы нашего тысячелетия в первую очередь в интернете появились в довольно массовом количестве статьи о судьбах и изменениях взглядов Романовых после революции и Гражданской войны. Ну чего сказать, поскольку некоторые, если не многие родом прямо из желтой прессы, то фактам в них читателям не очень-то верится. М-да.

Только ведь и я в данном случае выступаю, как литературный автор, не в качестве ученого — историка, а как романист, создатель чисто фантастического романа, в чем и честно признаюсь.

Самому интересно. Все-таки есть определенный сюрреализм в этой теме. Великий князь и И.В.Сталин, ха. Так скоро и в зеленых человечков начнешь верить.

Впрочем, ладно. Итак, вашему вниманию, дорогие читатели, предлагается совершенно нереальный роман о жизни и деятельности великого князя, назовем его, например, Сергей Константинович Искандер, обычный советский гражданин в статусе великого князя, в которого нечаянно попал некий бестолковый попаданец из XXI века. Все это лукавство, от сих до сих, вы вольны ничему не верить. Только имейте в виду — отдаленный прототип великого князя был в СССР реально, хотя и не столь ярко. И, родившись примерно во время Октябрьской революции, умер естественной смертью уже при Л.И. Брежнев, пережив всех пламенных и не очень революционеров.

Адю!

Глава 1

Сергей, кажется, Логинович Романов был наш сугубо типичный российский современник XXI века возраста где-то тридцати шести лет. Еще без лысины, но уже солидным животиком, так сказать внутренним резервом для непредвиденных случаев.

Как и положено, в наличии находилась любимая ненавистная работа, жена — ненаглядная гадюка белобрысая Лариса, двухкомнатная квартира в ипотеке, за которую предстояло выплачивать кредит за много лет вперед. Детей вот Господь не давал, что немало стало беспокоить обоих в последнее время. В общем, хватало проблем у Сергея. А у кого их нет в жизни? Только у сумасшедших в их розовых мирах!

А впереди ничего у него не было интересного и, может быть, и совсем ничего бы и не писали о нем, даже знатная дворянская фамилия Романов ни чем не была озвучена.

Вот если бы он не стал нечаянно обычным попаданцем. Простым таким героем тяжелого, но героического прошлого, попавшим туда из нашего мирного и, что греха таить, серого будущего.

День, когда он так геройски стал хронопопаданцем, был осенний, относительно прохладный, по сезону для октября. А еще для Сергея он был какой-то бестолковый и несуразный, как в странном и ужасном сне, из которого никак не можешь выбраться. Как будто и не в демократическом XXI веке он находился, а в каком-то тоталитарном сталинизме, о котором современные либералы рассказывают так страшно — безнадежно, как о древнем деревенском сортире, в который, однако, надо обязательно идти.

С женой ни за что поругался, с коллегой соседом на работе поконфликтовал на равном месте, начальник на той же работе накатил изрядную административную бочку за плохую, дескать, нетрудовую деятельность. И в конечном итоге он еще и глупо попал не в свой автобусный маршрут и почему-то вышел на неведомую остановку. Теперь вот смотрел как обалделый Наполеон на текущую замшелую, но все-таки столичную местность, такую как-то очевидно чужую и одновременно смутно когда-то знакомую.

«Где же я ныне нахожусь? — гадал он (Сергей, а не Наполеон Бонапарт), изумленно глядя на какие-то неизвестные здания, — куда он проехал? Это еще столица нашей Родины Москва или уже какое-то замшелое далекое Подмосковье?»

При чем, местность, вообще-то, была Романову, надо еще раз подчеркнуть, чем-то знакома. Здесь бы убрать пару небольших деревянных дома, суцая древняя рухлядь, будто и не Москва уже совсем. Да нелепую кирпичную лабуду, стоявшую, похоже, еще с незапамятного XIX века. Эх, вместо них построить бы пятиэтажные хоромы, да постелить асфальт вместо булыжника. И Сергей вполне бы признал Лубянку где-то около «Детского мира». То есть самый центральный район Москвы.

А так он почувствовал совершенно по-дурацки и подозревал, что вчерашняя водка или была откровенно плохой, и он отравился. Или туда ненароком был насыпан какой-то дурманящий галлюциноген и он просто бредит, не узнавая об этом.

В пользу последнего указывало и то, что голова постоянно голова была какой-то мутной, словно бы его утром пыльным мешком хорошенько досталось. Ведь не хотел он тогда пить, но зараза Федор (еще один коллега на работе) натужно настоял и буквально матерно заставил пить полстакана горячительного напитка. Дескать, один пьешь — это пьянство, а двоим — плодотворный творческий разговор. И вот теперь Сергей ни за что, ни

про что страдал.

Он постарался сильно напрячься и навести в голове относительный порядок, но, к своему удивлению, сумел только упасть в обморок, как стеснительная барышня при голом мужчине. Больше он ничего не видел.

«Какая барышня, да еще стеснительная, — недовольно удивился Романов напоследок, — черт знает, что творится сегодня на белом свете! Вроде бы не дьявольское тринадцатое число сегодня в мире?»

Надо сказать, что наш герой особо мнительный не был, бедные черные кошки и прочие нехорошие приметы оставляли его равнодушными. XXI век на дворе, какие черные метки! Но в тринадцатое число он все же верил, особенно, когда в этот день в один из прошлых годов вдруг умерла его милая мама.

Впрочем, некие хозяева в нквдешных мундирах сталинской эпохи его быстро привели его в себя, дав по паре звонких и очень больших оплеухи. Обморочное положение сразу исчезло, превратившись в некую озабоченность своего тела (еще отнюдь не разума!).

Он, кажется, начал активизироваться и даже начал крутить головой, которая, хотя и не думала, но по крупницам собирала полезную (бесполезную?) информацию. Как он понял, его почему-то притащили, пока он был в бессознательном состоянии, во что-то навроде застенка со стенами. Они были окрашены краской: — нижняя часть — синего цвета, верхняя часть — белого. Небольшая комната с одной стороны, была похоже на тюремную камеру — одиночку, с другой, кабинет следователя, в которой проводят допросы с пристрастием, а потому не держат цветы в горшках и различными мужскими безделушками. Больше он ничего не видел.

Где это он так? И зачем вдруг оказался в этом дрянном, пропитанном казенщиной помещении? И почему, гады, они с ними дерутся? Точнее, они ведь его били, он будет на них обязательно жаловаться!

Нет, вы только не думайте, что плакса и сентиментальный еврей-либерал, он просто как-то потерялся, интуитивно чувствуя не в своей эпохе. Но все же где он? Разум задницей чувствовал, что он где-то в сталинском времени, но глупое сознание все еще барахталось, отбиваясь от этих страшных фактов. Домой хочу с любимой гадюке!

— Пришел в себя, ваше благородие? — враз прекратив драться, весьма спокойно спросил его лейтенант госбезопасности.

Профессионал, — одобрительно и немного с надеждой подумал Романов, — просто так бить не будет, а только для стимула. Пустите меня отсюда!

Лейтенант госбезопасности (приравненный к армейскому капитану) Кирилл Дьяконов, видимо, был здесь главным. Поскольку второй — темноволосый в форменных брюках и закатанной белой рубашке — угрожающе приподнялся к Романову, но бить не стал. Звание у него было не видно, но явно меньше спецзвания лейтенанта госбезопасности. Логично ведь, правда?

Тринадцатый день, похоже, не прекратился. Более того, он зримо ухудшился. Ведь до того вообще его не били. Ни понарошку, ни всерьез смертным боем.

«Господи Боже мой! — в отчаянии почти осмысленно подумал Сергей. Потом мысли у него пошли в другую сторону: — А что милиция опять, полиция ведь? Или опять переименовали? А его не уведомили, ха-ха.

— Простите, а когда опять переименовали полицию в милицию? — на всякий случай вежливо поинтересовался Сергей.

Джентльменские манеры не очень и помогли. Их как бы и не увидели совсем или решили, что карательные органы находятся выше этого.

.... себе! — удивился лейтенант, — ... божественная мать. Ты ведь Романов, мать его, как сам сказал на предыдущем допросе! И теперь что, играешь только под это, сука!

Ну если сам сказал, не я, конечно, прежний Серега, — подумал Сергей, — тем более, он действительно Романов. Знали, или, скорее, угадали? Может, хоть бить так не будут, — наивно запрогнозировал он, буквально вися на руках нквдешника в рубашке.

— Тогда, скорее всего, ты еще и великий князь, — предположил лейтенант, хохотнув. И опять пояснил причину такого смелого факта: — сам сказал!

На этот раз доказательство было выдвинуто как-то нетвердо. Лейтенант явно это только что придумал и теперь навешивал на арестанта. Раз один получилось, то и второй раз получится.

Сергей хотел жестко отказаться. Нечего ему какие-то нелепые факты на него брать. Эти сумасшедшие полицейские-милицейские силы ему сейчас такого навесят. Может быть, это воровской авторитет по кличке Великий Князь и на нем куча трупов?

Или еще, совсем фантастическое предположение, Сергей вдруг предположил, что он оказался попаданием во времени. Это была совершенная нелепость, но на железобетонной основе. С другой стороны, тогда бы все разные мелочи подходили в общую картину с четкостью шестеренки в швейцарском механизме. Больше он вариантов не знал, кроме как, что он неожиданно сошел с ума, а все это всего лишь сумасшедший дурман и на самом деле его бьют санитары (не больно и не в действительности, а остальное чокнутый разум пририсовывает).

Но, во всяком случае, он на каком-то примитивном сознании где-то в копчике, понимал, что Великим Князем ему подписываться нельзя, это был настоящий расстрел или, в случае смягчающих обстоятельств, десять лет настоящей каторги без права переписки.

Но неожиданно губы сами без помощи головного мозга подтвердили:

— Я — великий князь Сергей Александрович.

— Вот и все, — обрадовался лейтенант, — сознался ведь. И бить не надо. Теперь пусть решает начальство, к кому тебя привязать и дадут ли под это расстрельные статьи?

Вот опять факты в ту же корзине. Расстрельных статей в современной России уже нет, — подумал Сергей аналитическим отделом мозга, — а при И.В. Сталине, пожалуйста. И потом, какой Александрович, он же Кириллович. Похоже, меня с кем-то перепутали, и я сам, как дурак, ляпнул, не подумавши.

Лейтенант подмигнул Сергею, как старому знакомому, и поманил пальцем к столу:

— Подпиши протокол прошедшего допроса.

Тот попытался объяснить, поскольку явно оказалось недоразумение, в том числе и с его стороны, но второй белорубашечник внезапно сильно врезал ему в живот. Сергей лишь обессилено прижался к столу, понимая, что на большее его не хватит. Тем более, улыбчивый Дьяконов вдруг больно врезал его по почкам и он поплыл. Казалось, он одновременно находился в кабинете в XX веке и в голубом будущем в XXI.

Сергей еще слышал, как лейтенант ругался и предлагал Андрею, похоже, тому самому белорубашничку, самому подписаться, причем очень похоже. А потом он потерял чувство реальности и ничего уже не помнил.

Нет, сознания он уже не терял, просто головные отделы мозга напрочь отказались работать и он механически пошел обратно в свою камеру, в которой он не был в новом

состояние. Подпираясь когда об стенку, когда о милосердного надзирателя (вертухая, подсказал мозг), а когда и о воздух. Так и дошел до места назначения и буквально рухнул у порога. Вертухай его, конечно же, дальше не повел. Сказано до камеры, он и сопровождал, а дальше уже пусть сам, не маленький.

Впрочем, и дальше ему помогли теперь уже такие же заключенные. Так называемые сталинские зека, как и он. Арестованы и наказаны в основном по надуманным преступлениям против сталинского государства люди. В отличие от уголовников не профессиональные преступники, если так можно сказать. Зато уголовники были к советским гражданам классово не чуждые, в отличие от сталинских зека. Они-то как раз были классово чуждые. Особенно он, великий князь.

Кстати о последнем статусе, который теперь носил он. Он что действительно попаданец? Охти мне, ну я и попал!

Прошел в «свой» угол, который его указали сердобольные люди. Лег у стенки, чтобы никому не мешал. Ему охотно уступали, понимая, что после допроса он еще, как минимум, будет час отходить. Хотя, что уж там постельное место. Ни кровати, ни матраса, просто свободное место на полу, где он и лег, не протестуя. Пиджачком укрылся, пиджачок вместо простыни постелил. Хорошо, хотя и твердо. Отвернулся от остальных лицом к стене. И неоштукатуренные кирпичи компрессом приятно холодят разгоряченный лоб, позволяя хотя бы думать.

А здорово они меня на допросе избили. И ведь не пожалуешься, следов побоев нет, где синяки и шишки? А что почки болят, так это у него явный нефрит. Или какой-нибудь рак появился. Ха-ха.

Видимо, он все же попаданец. Что же, дело такое, жизнь. И, похоже, тело у него от реципиента — от Великого Князя Сергея Александровича Романова, а вот разум уже от нег самого — Сергея Логиновича просто Романова.

Тело, находясь в своей эпохе, пусть и в чрезвычайном положении, оставалось в покойном состоянии. Поэтому, видимо, и разум не подвывает, не скулит. Хотя в предыдущей обстановке он бы был весь на нервах.

Сергей осторожно повернулся на живот, так легче. О-ох!

— Писять не тянет? — спросил кто-то рядом. А ведь его, пожалуй, спрашивают! Сергей осторожно повернул голову. Мужчина, уже немолодой, как минимум, лет сорок. Хотя, может и меньше.

— Я говорю, хорошо, что у вас почки работают, — пояснил он Сергею, видя, что он его слышит, — то, что они болят, так это и младенцу понятно. На допрос же водили, а там собака Дьяконов, сволочь такая. У него любимый удар называется «кружка пива». По любому поводу врежет сволочь, потом несколько дней в области поясницы болит. Сам пережил это. Не переживайте поэтому. Вот если кровь с мочой пойдет, тогда будет куда хуже. Сходите, проверьтесь, хотя бы для собственного спокойствия, помочитесь.

А его помощник, сержант ГБ Решетов, тот больше мастер по удару в грудину. Так ведь даст, только искры в глазах полетят!

Хм, а ведь человек дело говорит. Тем более, пока шел разговор, ему уже и захотелось облегчиться. Только куда? А, вон. люди, хотя какие люди, зека, то и дело ходили строго к одному месту, где, судя по звукам и вони, делали свое дело.

О-ох, Сергей, морщась и постанывая, поднялся. Потом сходил к заметному месту, помочился. Моча оказалась без крови и он прямо-таки почувствовал благодарность \тому

Дьяконову. Хоть и сволочь изрядная, а мастер своего дела. Ударил, но не убил и не инвалидировал. И ничего, что он сделал это не из гуманизма, а боязни неприятности по службе. Главное жив, пусть и не здоров.

С хорошим чувством приятно проведенного времени, Сергей вернулся обратно и сообщил пока еще незнакомому собеседнику, что у него все замечательно.

— Прелестно, — порадовался занего мужчина, отрекомендовался: — я, кстати, Алексей. Алексей Дуринцев, если полностью.

— Сергей, — представился он, — по фамилии Романов.

— Я знаю, — улыбнулся Алексей, — у нас в камере уже все знают, что вместе с ними сидит целый великий князь. Хоть кого-то расстреляют по делу, а не оговору.

— А что, вы думаете, нас действительно расстреляют? — Сергей почувствовал, что у него даже пальцы похолодели от неприятной новости.

— Статистика, мой милый друг, показывает, что подавляющие сталинские зека, то есть люди, идущие по 58 статье, как правило, заканчивают свою земную юдоль расстрелом. Да и действительно, куда нас девать, зачем кормить. Пуля в лоб и до свидания.

Обидно другое. Здесь, по крайней мере, в камере большинство обвиняется в троцкизме. В том числе и ваш покорный слуга. А что такое, мы не знаем. И кто они, настоящие троцкисты, не ведаем. Досадно, знаете, идти в последний путь не понято за что. Лично я, как статистик с многолетним стажем, уже понимаю, что попал в числовую погрешность. В Кремле решили зачистить страну от отребья и дали задание расстрелять, например, триста тысяч. И они расстреляют, потому как иначе расстреляют их. Ничего не сделаешь, это даже не жизнь, математическая погрешность. И ты ничего не сделаешь, забьют и тебя, и твоих родственников.

Вот я признался, что троцкист. За это, как вы знаете, не судят. Судебная система СССР при всем при этом весьма мягкая. Так что пришлось признаться еще и в подготовке к убийству товарища И.В. Сталина. А вот это уже уголовная статья с расстрельным приговором. Так что жду спокойно суда, оглашения приговора и расстрела.

— И вы об этом так спокойно говорите! — ужаснулся Сергей.

— А что еще сделаешь? — философски ответил Алексей, — с точки зрения государства, оно право. Заговоришь на суде, что ты не виноват и тебя оговорили, так снова попадешь к Дьяконову и Ко. Отлупщуют, добьются признания и снова в суд. Или, если вы твердый, вас забьют во время допроса. Как видите, даже здесь, на смертном одре, есть варианты. Какой пожелаете, гражданин Романов?

Сергей угрюмо промолчал. Действительно, положение хуже губернаторского. Что за жизнь такая пошла у попаданца!

— Так что я и говорю, вам легче идти на расстрел, хоть есть за что. Ведь вы действительно великий князь!

А? — понял, наконец-то, Сергей всю глубину задницы, в которую он как-то умудрился залезть. И ведь вроде бы и не хотел и стройными колоннами не лез, а вот на теле. Безвременно почивший в бозе раб божий Сергей Александрович, тьфу!

Грустно все это, телу хочется покаяться и всплакнуть. Но разум, прибитый к этому берегу неведомым хронологическим течением аж из XXI века, покорно каятся и ложится под нож палача, как телец, не хотел и взбунтовался.

«Ладно, пусть, если уж так меня перенесло в прошлое и теперь здесь с неведомого счастья меня расстреляют, — ожесточенно думал Сергей, — но свой последний путь я

пойду, до конца борясь, а на расстреле встану с гордо поднятой головой!»

Разумеется, он понимал, что всяко в жизни повернется. Сам читал, что жертвы иногда ставили на колени, чтобы выстрелить в затылок. Пусть, главное непреклонный дух и железная воля, а остальное приложится.

С тем он неожиданно уснул, хотя избитое тело ныло, а местами простреливало и как-то неприятно кололо, пол был не только твердый, но и весь в острых бугорках и комочках и Сергей никак не мог выбрать спокойную позу для сна. А разум беспокоился на счет неприятного пессимистического будущего.

А вот поди ж ты! То на мягкой постели полночи маешься без сна, дергаешься от любого сна, как проклятый. А тут в переполненной камере, в которой, похоже, никогда не бывает тишина и всегда горит тусклая, грязная лампочка, он уснул!

Недолгий сон принес ему покой и отдых и для тела, и для разума. Правда, тело уже другими частями жаловалось на твердость и неровности, зато побои на допросе заметно утихли. Сергей порадовался за себя и за свое будущее. Он жив и будет жить несмотря не на что!

Даже его разум, вчера заметно пришибленный новостями о другом временном пространстве и мрачным будущем, сегодня приободрился. Он в темном прошлом? Ха, можно сказать, что для него и то современное будущее было светлое! Зато не будет этой гадкой Ларисы, постоянных проблем с деньгами, которых постоянно не хватало. В новой эпохе и он будет с нового листа. Гм, как бы.

Хотелось бы, правда, провентилировать свой двусмысленный статус. Великий князь в советской даже сталинской действительности. Сюрреализм какой-то. Неужели они не все бежали за границу, а в Советской России в годы Гражданской войны не всех перестреляли? Впрочем, видимо не всех, коли его предшественник дожил до сталинских репрессий! Прожил же в СССР почти двадцать лет... так, а какой сегодня год? У кого спросить — прежнего собеседника Алексея Дуринцева?

Сергей поднял голову и посмотрел на соседей. Нет, все еще крепко спят. Он бы даже сказал — жарко спят. Говорят про себя вслух, кто шепотом, кто громко, шевелятся и вздрагивают, как еще соседей не будят.

Кажется, он слишком рано проснулся, на его субъективный взгляд сейчас часиков пять, не ранее.

Надо и ему немного еще поспать!

Он все-таки уснул тогда, пусть и изрядно поворочался. Думал, уже не уснет, но порядком измученный организм снова оказался в царстве Морфея. Второй раз, наоборот, явно всех проспал, хорошо хоть уголовники не шалили. И все равно скудный завтрак он не проспал только благодаря своему соседу Алексею.

Завтрак, кстати, был откровенной дрянью. Чуть теплая бурда под видом чая без сахара и кусочек черного хлеба с отрубями и всяким мусором. Хлебные лари, что ли, они дотошно подметали?

Но, глядя на соседей, Сергей сел и тоже выпил и съел все выданное. Ему надо на сегодня, да и, пожалуй, на завтрашние дни, много сил, а пищи и так мало. Своих же внутренних ресурсов у него оказалось мало — он был излишне даже худощав. Хотя за качество завтрака беспокоился не только он.

Алексей Дуринцев, выхлебав этот так сказать напиток — а его налили за неимением другой посуды в те же чашки, задумчиво сказал, обращаясь непосредственно к попаданцу:

— Знаете, слышал, что в годы Гражданской войны был такой морковный суррогатный чай. А это, интересно, какой?

Сергея вопрос откровенно поставил в тупик. Чай он пил сравнительно медленно — быстрее не мог никак — но опознать вкус, кроме как противного и горьковатого, ему не удавалось. Так и сказал, ведь оценка официального чая, это не критика официозного курса?

Посмеялись, хотя и с некоторой долей натуги. Впереди были очередные круги ада — кровавый и зубодробительный допрос, ведь врагов народа не жалели. Советская власть и лично гениальный вождь товарищ И.В. Сталин требовали спрашивать с троцкистами и проч. вредителям с физическими мерами воздействия. Ох, как им влетит! А если еще будут упорствовать в невинности, так и вдвойне!

Но позавтракать спокойно им еще дали. А потом начался «конвейер» допроса. Уходили туда люди, хоть и чуждые классовой принадлежности, а возвращались сплошные кровавые ошметки.

Толстовец, как его про себя именовал Сергей, Алексей Дуринцев, с его примиренческой мирной политикой, говорил, чуть не плача:

— Бьют напропалую, как собаки. А, главное, непонятно за что! с просили только Фамилию-Имя-Отчество, а потом началась катавасия. Бьют и бьют — и голыми руками, и палками и нагайками!

А ведь ему еще повезло — хоть были сильно, но жалеючи, и вернулся Дуринцев своими ногами в некотором сознании. А вот других тюремные вертухаи просто волокли за ноги и швыряли в камеру. Единственное человеческое сочувствие заключалось в ведре холодной воды на тело перед завершением похода. Да и то не от доброты, так надзиратели определяли — жив еще узник или мертв. Последнее требовалось, как понимал Сергей, для установления количества пайков. А то ведь уголовники, шустрые ребята, хоть и классово свои, быстро приноровятся такать неположенные им нормы продовольствия.

Гм, а, может, и из санитарных норм. Тюрьмы-то переполнены, только пропусти, как эпидемии начнутся. Это тоже местные власти понимали. Ежедневно «тюремный врач» — «фершал», если по-простому, проводил просмотр. Правда, только взглядом, стоя у порога камер, но и так, кашляющих и чихающих немилосердно отфильтровывал, чтобы потом

возвращать уже относительно здоровыми.

Так вот, вертухаи обливали «жертву допросов» и после этого, швыряли его в камеру, прямо на других зеков. Шуму при этом поднималось много, но тюремные работники на это не обращали внимания.

Но дважды уже при попаданце Сереге узники после обработке на допросе, на воду не реагировали. Мертвец, стало быть. Тогда вертухаи сначала сами окончательно определяли смертное состояние, потом, закрыв дверь, продолжали манипулировать в коридоре с уже покойником. Приводили к нему «тюремного врача», как понимал Сергей, для официальной процедуры опознания, разворовывали, что можно. А потом волокли уже в тюремный морг. Финита ля комедия!

Обстановка в камере становилась тяжелой, но Сереге только оставалось сжать кулаки. От него, как и от скота перед воротами мясокомбината, ничего уже не зависело. Все равно будут бить, но если станет вести себя смирно, то меньше. Вот и вся разница. Хотя ведь, пусть что-то. Сопrotивляющихся вертухаи начинали бить уже в камере, вбивая жертв произвола в комнату со следователями.

Наконец, уже после обеда, прилась и его очередь. Он раздал все вещи, которые еще могли сказать подозрительному человеку на его попаданское происхождение, Хотя что уж там. И, получив хлестко по спине резиновой палкой вертухаем — просто так, для профилактики, пошел на допрос. Сам еще, а вот обратно сумеет ли? Говорят, они не только руками бьют, но и ногами пинают сильно. Вот если нквдешник даст страшно ногой в сапоге по голове лежащего человека, выживет ли он?

Но в самой допросе его ожидала приятная неожиданность — его не били. То есть пока не били. Следователи сами прямо сказали, а что им скрывать? Вчера в наркомат ушло донесение о наличии среди зеков великого князя Романова. Монстр уже редкий, типа как бронтозавр, которых когда-то в прошлом было много, но в современности они исчезли.

Нет, отпускать его они не собирались. Время шло такое, у узников по 58 статье (были и другие политические, но гораздо реже) было всего лишь два варианта — шлепнут сразу или через некоторое время. Другое дело, вдруг в комиссариате начальство захочет само с ним повозиться, нехорошо будет избитым его отправлять.

Так что у его высочества, как ернически сказал лейтенант госбезопасности Дьяконов, тоже было два пути — или его возьмут непосредственно в наркомат и там забьют, или, мы потом возьмем в коробочку. А потом, если повезет, и он выживет, то будет и показательный расстрел. А то такой обидный анахронизм, — опять же объяснил Дьяконов, — Советская Власть уже двадцать лет существует, а тут вдруг великий князь. Ай-яй-яй! Расстрелять и забыть.

В общем, объяснили попаданцу, что обрушилась на него великое счастье — его будут только допрашивать без никакого физического воздействия. Но только сегодня, а уж завтра точно забьют, что в центральных органах, что здесь.

— Так что радуйся, сука, сегодня, — резюмировал Дьяконов, — а уже завтра радоваться будем мы, а ты только отхаркиваться кровью станешь!

Серега, откровенно говоря, был двусмысленном настроении — то ли ему радоваться, ведь его не будут бить, и даже насмерть. То ли горевать, поскольку бить его тогда будут точно и смертным боем. Криво улыбнулся. А что делать, вероятно, осталось просто жить пока!

— Так, — лейтенант ГБ деловито макнул перо в чернильницу, — сейчас мы просто

напишем черновик протокола допроса. Обозначим вопросы, по которым станем бить тебя.

— Можно лучше взять других заключенных, — проворчал подчиненный Дьяконова сержант ГБ Решетов (точно он, больше некого), — их-то бить по-всякому можно, раз специальный приказ пришел.

Ага, — понял попаданец Романов, — 1937 год же! Сверху сначала по партийной линии, а потом по советской пришло распоряжение — бить заключенных посильнее, если они упираются и не признаются в содеянных антисоветских проступках.

Но лейтенант ГБ совсем не слушал Решетова. Он священнодействовал. Ведь бумаги с допроса этой романовской шишки наверняка попадут самому наркому НКВД генеральному комиссару госбезопасности Н.И. Ежову. Как тут не постараться!

— Первое, — стал он диктовать для Сергея и одновременно писать: — признаете ли вы, гражданин заключенный Романов свой статус великого князя.

Дьяконов договорил и хищно посмотрел на допрашиваемого. Деваться тому некуда, вчера он уже признался. А не будет признаваться, у них завтра будет великолепная возможность бить напрапалую. Впрочем, по этому пункту зеку бы чистосердечно признаться. А то ведь командиры из центрального аппарата тоже могут засомневаться. И тогда в кровь разобьют еще чего-то морду, на этот раз его!

Он почти облегченно вздохнул, когда зэк Романов недоуменно пожал плечами:

— Говорил же уже, признаю свое великокняжеское положение, хотя и был его лишен его Александром II через своего дела.

— Ну это ладно! — Дьяконову плевать было на все эти юридические тонкости, главное, из великокняжеской семьи, а, значит, и сам великий князь!

— Слышь, Андрюха, по этому пункту мы даже не можем дать ему в морду, — радостно провозгласил он Решетову: — то есть, дадим от души, но юридически ни-ни.

— Просто так дадим, сволочи, — лениво ответил тот, — пусть жалуется потом, куда хочет, плачется, хе-хе!

— Ничего, тут есть еще вопросы, не будем нарушать закон, — воодушевил Дьяконов коллегу, — вон второй пункт — признаете ли свою совместную противоправную деятельность с Л.Д. Троцким в годы Гражданской войны?

— Помилуй бог, гражданин следователь, мне на 1920 год, к окончанию войны, едва стукнуло три года! — прямодушно удивился Сергей.

Но как оказалось, такая логика не оказалось Дьяконову ни странной, ни страшной. Он сильно ударил по столу резиновой палкой, требуя лишь одного:

— Говори, сволочь, признаешь или нет. А то получишь по собственной морде!

Ах, он мог бы и признаться, что в возрасте 1 года помогал саботировать Льву Давидовичу мероприятия Советской власти против адмирала Колчака. Но ведь, и это уже не смешно, дальше будет больше и, в конце концов, я окажусь у расстрельной стены.

Нет, такой фокстрот нам не нужен. Пусть уж лучше бьют, а потом расстреляют, как великого князя, чем подлого троцкиста. Да и то. Это двадцать лет назад вторые убивали первых. Сейчас троцкисты — это лютые, непримиримые враги сталинского режима. А выжившие даже не сами великие князья, а их дети и внуки (буквально считанные единицы), походили на одряхлевшие чудо — юда, которым место лишь в зоопарке.

Поэтому нет, господа — товарищи нквдешники, по указанному вами пути пойти не могу, потому как кончается он опять же расстрелом и или могилой с неизвестными останками, или колумбарием и горсткой пепла.

— Гражданин следователь, от чистого сердца скажу, что претит мне, благородному в десятке поколений дворянину, якшаться с этими пархатыми жидами.

Грубо сказал, как выругался, любой еврей XXI сразу бы бросился на него с кулаками, или, на крайняк, с бранными ругательствами. Зато следователи сразу впечатлились. Дьяконов лишь кровожадно осклабился:

— Во как, Андрюха! Вроде бы классово чуждый, а как-то знакомым потянуло. Эх, если бы не командировка в лубянские подвалы, мы бы так тебя обработали, сегодня же во все признался, гад!

И он знакомо и зловеще ударил резиновой дубинкой по столу. Похоже, лейтенант ГБ поставил своей целью запугать зэка и, в общем-то, своего добился. Сергей уже мысленно ежился и дергался, представляя, как больно и кроваво будет ложиться эта резинка, дубинка то есть, на его собственную спину.

Но внешне он ни чем испуга не показал, понимая, что признание все равно не даст избежать побоев от этих ежовских клещей (известный фрагелоизм тех лет, перешедший потом в исторические труды). Сергей Логинович уже почти смирился, или пытался убедить себя, что смог смириться в будущих в скором времени жестких побоях, а потом расстреле, уже как, считай, избавления.

— Хе-хе, — прервал его пессимистические мысли смех сержант ГБ Андрей Решетов, он мягким и ловким движением переместился на стул рядом с начальствующим коллегой и ненавидяще произнес:

— Жид пархатый! До сего времени сумел потихонечку прожить в нашей советской стране. Хватит тебе!

Увидев первую яркую эмоцию на лице заключенного, подтвердил:

— Да-да, ты жид пархатый великий князь, я тебя раскрыл!

Жуть какая-то! Сам попаданец Сергей Романов евреев не очень-то не любил. Просто он всю свою жизнь был русским, а тут такой пассаж! Или его мать была еврейкой? Что-то не очень-то верится.

К счастью, Дьяконов этот путь, ведущий в некуда, сразу же обрубил. В СССР первой половины XX века то и дело реанимировались антиеврейские волны, перешедшие еще от царской эпохи. Только в советский период активной силой было больше государство, а население лишь поддакивало.

Но сейчас вышестоящий аппарат никак не давал знать антиеврейскими «плюшками», а, значит, не надо высовываться. Такая инициатива была чревата, поскольку ответственные товарищи не очень-то любили такие «сигналы с мест».

— Сержант госбезопасности Решетов, — бескомпромиссно заявил он, — отставить! Приказов нет — евреев бить! — удивленно остановился, недовольно заметил: — Тьфу, Андрюха, с твоей подачи начал стихами говорить.

— А все ты, сволочь! — Решетов угрожающе замахнулся кулаком на заключенного, остановился, вспомнил, что бить пока нельзя. Скопился на начальника. Тот ничем не давал знать, что нельзя, но так хитро улыбался, допуская обязательный донос на своего подчиненного, решившего пренебречь просьбой, а, читай, приказом — прислать данного зэка по возможности, целым. Вот ведь сволочь. Николай Иванович такого беспредела не допустит. Такого даст «не было возможности», сам не поймешь, как окажешься в Верхоянской тюрьме. И ладно еще надзирателем, а не зеком!

Не в силах сдержать эмоции, взял эту великокняжескую дахудру за воротник рубашка,

рванул, что было сил.

Сергей не сопротивлялся. Он и так был слабее здоровяка Андрея, а уж по положению... вспомнил известную поговорку: «Ты начальник я дурак, я начальник, ты дурак»! и упал на колени, подчиняясь силе сержанта ГБ.

— Эй, кончай уже! — всерьез забеспокоился Дьяконов. Причем не за заключенного забеспокоился — за себя, дорогого и любимого. Поставит еще ненароком синяк или шишку на лице, а кто будет отвечать, если что? Он — Кирилл Дьяконов, лейтенант, мать его, безопасности. Ковырнут небрежно кубик, а то и два с петлиц. В ГБ это сейчас легко, что вверх по служебной лестнице, что вниз.

Решетов, повинувшись начальническому окрику — не дурак ведь! — нехотя отпустил Сергея Романова. Тот сел обратно, а лейтенант ГБ заботливо осмотрел — нет ли чего для начальника не хорошего?

— В общем, остальные вопросы предлагаемого допроса рассмотрим потом, — решил Дьяконов, — на всякий случай, — ухмыльнулся, — а то и самого тянет кружку пива выпить, и подчиненный откровенно дурит.

— Эй, Логинов! — заорал он, призывая надзирателя из коридора, — бери эту великокняжескую дохлятину и волоки другую, более сермяжную, — Афанасьева из седьмой. Тот, матерый троцкист, чего-то все лепечет о невиновности, прикрывается Советской Конституцией. Сейчас мы ему покажем, как с нами ловчить. В каждый кусочек ейного тела вколотим правду, пусть радуется!

Логинов, удивленно посмотревший на неведомую картину — целого после допроса заключенного — вывел его в коридор. И, коли уж начальники так расщедрились и зэк идет сам, построил его по положенному порядку и повел «домой», в родимую камеру.

Сокамерники его, привыкнув к бесчувственным телам после допроса, только удивленно посмотрели на Сергея, — мол, что на тебя такая милость, али сдал все, что мог?

— А-а! — отмахнулся он рукою на глупое подозрение, — плохо дело, мужики, сверху спустили бумагу, в которой требуют бить нас сильнее, дескать, зазря упираемся.

Новость была ужасающей и оглушающей. Заключенных и без того нередко забивали на допросах, особенно, которых не надо было вести на открытый народный суд, этих требовали доводить до приговора поцелее. А остальных били, не щадя. Меньше народа, больше кислорода! Если раньше была прозрачная надежда, что здесь не забьют, а там не расстреляют, и как-то уцелеешь, ведь не виноват ты на самом деле! То теперь, похоже, хана!

В тягучей тишине, очень, кстати, прерываемой воплями истязаемого, как пример адского будущего всех здесь, даже никто не догадался спросить, а что же его отпустили целым, раз получен такой страшный приказ?

Правду он, конечно, говорить не собирался. Не потому, как боялся окружающих, а на всякий случай. сказал бы, что на нем в нквдшниках закончилась батарейки — они тупо устали и в итоге отпустили, пригрозив, что на завтра бить будут по двойной норме, так что лишь ошметки будут лететь.

Отговорка так себе, на три кондовых балла. Но ведь не спросили же, значит, можно и промолчать. И так проблем у самого воз и маленькая тележка. Завтра его (о боже!) будут нещадно бить и может даже до смерти. И ведь он бы признался, но как-то шкодно так. В прошлой жизни от родителей (от молока матери, от ремня отца), он впитал отрицательное отношение к троцкизму. А еще, даже к собственному удивлению, его великокняжеское тело, противилось этому до предела, до тошноты, словно увидело что-то страшное, например, тело

четырёхдневного покойника.

В общем, пусть забьют хоть до смерти, но не быть ему великому князю соратником с жидами!

С тем и прилег на пол «на свое» место, благо места стало немного больше, ведь говорил уже — двоих забили на допросах. А еще троих накануне расстреляли. Казнили в тюрьме всегда ночью и потому темное время ждали с ужасом. Не приведи, о господи, если его очередь на кладбище невиноубиенных!

Лег на пол, но спать не стал, все равно нервы никуда. До так называемого ужина — единственная трапеза за сутки, утрешний чай с кусочком хлеба не в счет, — болтали с соседом Алексеем Дуринцевым. Должна же быть какая-то отдушина даже у заключенных? Потом пришел ужин — вареная перловка на воде с мусором, мелкими камешками и еще что-то еще, но как вкусно!

Жаль только мало — вполовину суповой чашки. По-видимому, тюремщики считали, что заключенных на короткий срок хватит. А дальше — мертвые не кушают, все равно ведь или забьют на допросах или расстреляют по приговору!

За ними с Дуринцевым пришли где-то уже под утром, они даже и не ждали уже. Убивали в эту ночь много, только в их камере увели на расстрел в две ходки семерых, а камер-то было несколько! Так что и не спали почти, какой уж тут сон. Да и отводимые жертвы на расстрел вели себя шумно, понимали, что терять им уже нечего. Особенно, мешал в последней ходке мелкий мужичок, цеплялся, рыдал, нечленораздельно кричал. И конвой почему-то ему не мешал. Так и гундел, пока очередной уголовник — стремительный, очень всегда какой-то наглый, просто отпинал его и выгнал.

У уголовников сегодня тоже, между прочим, была тризна по одному брательнику. Отлились, псине, слезы политических зэков, у которых он периодически отбирал крохи продовольствия и еще издевался. А теперь сам попал. Уголовников суд или, чаще, «тройки» обычно под расстрел не подводили. И УК не позволял, и сами они были как бы классово свои.

Но если попадалась, то выдавали им споро и жестко. Конь, как было его погонялово, сдуру разворовал дачу политбюро, то ли Лазаря Кагановича, то ли Власа Чубаря, тогда еще не расстрелянного. А это уже политическая статья. Краем, правда, задела, но под нее подвели, даже не задумываясь. Сегодня вот расстреляли, в аду праздник!

И только вроде бы он облегченно уснул, ведь страшная ночь уже закончилась! Нет, оказывается, темная пора еще идет. Серегу даже не стали будить, просто чужие руки, сильные, но даже не грубые, подняли на ноги и слегка подтолкнули к двери — иди!

Что же, попаданец из дивного и какого-то уже далекого XXI века, а ныне великий князь и сталинский зек Сергей Логинович Романов, пришел и твой черед встать у расстрельной стенки. Ну не плакать же ему от этого, людей смешить, или, как теперь, мучать. Пусть спят, а они пойдут на свою Голгофу.

Рядом спокойно отряхивал одежду Алексей Дуринцев. После ночной лежки она все еще умудрилась подбирать мусор и землю с полу. Хотя какая там грязь в переполненной камере? А вот нашлись, однако!

Приведя в порядок свой костюм, сосед по камере спокойно обратился к Сергею Романову:

— Ну что, ваше императорское высочество, пришел и нам испытать казни варварские. Пройдем же смело и честно, как все православные люди!

Это было так близко к мыслям попаданца, по крайней мере, той же религиозной тематики, что попаданец только кивнул. Помирать так помирать, не все ли равно, умрешь ты в постели в спокойный, легкий, в общем-то, XXI век или сгинешь в тяжелую сумеречную сталинскую эпоху.

Где-то на окраине сознания промелькнула спасительная, коварная мысль открыться, что ты из XXI века и купить свою жизнь секретами из будущей жизни. А их ведь всяко будет очень много!

Но Сергей только покачал головой. Нет, милок, это уж слишком отдается иезуитством. И помни, Иуда предательством купил свою жизнь, но прожил все равно не много. Зато черную память оставил на тысячелетия. Так что, помирай спокойно, как и все и, может быть, в будущем хоть кто-нибудь помянет раба божьего Сергея!

Конвой провел их двоих к выходу из здания. Там слева по коридору, по словам

вездесущих старожилков, была неприметная дверь. Пройдешь через нее и окажешься в небольшом помещении, где всю ночь заседают люди, трудно даже назвать — суд ли или чрезвычайная тройка и чем они отличаются. Там буквально несколько минут постоишь, послушаешь приговор, в последнее время это всегда расстрел, а потом дальше, в подвал, к своей расстрельной стенке. Там будет поставлена свинцовая точка в твоей жизни в два века, да Сергей Логинович Романов?

Дверь неслышно раскрылась на судилище, — видимо, смазали благоразумно петли еще в предыдущие ночи. Но тут конвой замедлился. Последовал приказ металлическим голосом:

— Гражданин Дуринцев проходите! А вам, гражданин Романов, еще чуть-чуть рано, покамест на выход с вещами!

Сергей растерялся. Как же так, он уже был готов к расстрелу. Или, вернее, сумел убедить себя, что готов, а тут такой случай! Словно готовился он прорваться сквозь закрытую дверь, а там не то, что открытая дверь, там вообще пустой мираж. И такая же новая комната со своей дверью. Остается всего лишь ввалиться кулем и почувствовать какую-то внутреннюю несуразность. Остается лишь вопрос — не везет тебе или ты просто по жизни дурак и даже уйти из нее не можешь по-человечески?

Алексей Дуринцев понял все и отреагировал быстрее. Конвой ждать долго не будет, разгонит, да еще прикладом по шее даст, если будешь ерепениться.

— Ну давай, Сергей, с богом! — обнял Алексей его напоследок, — не поминай лихом!

И попаданец почувствовал, что вместе с объятиями во внутренний карман тяжело лег какой-то небольшой предмет. Последовал короткий обмен взглядами.

«Что это, зачем это?» — спросили глаза Сергея.

«Тебе нужнее, пусть так будет!» — ответил взор Алексея. И по нему попаданец понял, что его когда-то сосед уже духовно был на том свете и теперь только ждал, когда телесная связь его с земной юдолью оборвется.

А потом безмолвный их разговор прервался. Одному надо было умереть в подвале, другому, — скорее всего, калечится и медленнее тоже умирать. И кого следовало больше пожалеть?

Конвой же просто выполнял свою работу, пусть безжалостную и кровавую. Это были люди со своими нуждами и хотелками, им было надо всего то лишь переместить энное количество людей из пункта А в пункт Б, не потеряв при этом ни одного постояльца, а потом можно и попасть к скудному, но вполне удобоваримому ужину и к отдельной койке в казарме. И что им жалеть этих толи врагов, толи просто несчастливцев по жизни? У каждого своя планета и что им от этого.

Сергей еще под впечатлением от недалекой несбывшейся казни неловко залез в казенный «воронок», так, кажется, назывался этот несуразный на взгляд попаданца вид местного транспорта. Он вот едет, а там Алексей проходит последние в жизни шаги. А потом выстрел и все!

С другой стороны, — подумал он вдруг себялюбиво, — Алексей уже отмучается, а вот ему биться и биться телом об кулаки, плети, приклады и еще невесть что нашедшегося у палачей. И, может быть, он все-таки умрет сегодня ночью же, но гораздо хуже и больнее. А если нет, то не стоит радоваться или завидовать — умрет завтра, зато в сто крат больнее и отвратнее!

Незаметно для казенных людей (или как их еще назвать?) попытался прощупать предмет, положенный ему Дуринцевым. Поскольку руки были уже в удивительно легких,

хоть и прочных наручниках, да еще завернутых за спину, получалось плохо. Ему пришлось просто как-то прижаться к спинке напротив на повороте и так ощущать кожей. Что это?

Вышло невесть как. Он упал больно на колени на пол и только так ощутить предмет. А потом еще быстро сесть обратно на свое сиденье и оправдываться перед сопровождающими. Видимо, он вдруг оказался каким-то важным заключенным, раз НКВДшники остановили машину в стремлении разобраться, не ушиб ли он и каким образом, сволочь, вот так скovyрнулся.

Пришлось врать, что нечаянно заснул и невольно слетел с неудобного сиденья на металлический пол. Слишком уж сильно и на большой скорости изменилось направление движения автомобиля.

Отмазка была так себе с точки зрения попаданца XXI века, но люди в фуражках этому поверили. Похоже, и не такие еще зэки у них бывали. А, может быть, им и было все по херу. Главное, заключенный цел, а до конечной точки поездки оставались считанные метры. А потом он убудет и навсегда, как многие зэки. Что тут дергаться?

И ему со своей стороны не надо тревожиться. Предмет был не граната, не револьвер и не нож, то есть не оружие в разной модификации. Так что не возьмут его за белы ручки и не обвинят до кучи еще за нападение на ответственных лиц НКВД. Расстрельная, между прочим, статья, хотя куда уж больше. Два раза ведь, кажется, не расстреливают?

По приезде его споро выгнали из «воронка», прогнали по темным / серым коридорам, на короткой остановке все-таки тщательно прощмонали. Сергей, наконец, увидел подарок покойного (ух!), судя по времени, Дуринцева Алексея. Это были нагрудные часы с серебряным корпусом с позолотой. Скорее всего, еще отцовские. До революции это был частый признак представителя небогатой дворянской интеллигенции и разного рода разночинцев. А при Советской власти такие часы стали возможны лишь где-то в 1970 — 1980-е годы, когда мода на них уже прошла.

Возьмет — не возьмет вертухай? — почти равнодушно подумал Сергей. Он выгорел уже эмоционально до конца и казалось бы — поведи его на расстрел, пошел бы, не раздумывая. А тут какие-то чужие часы! Но работник НКВД, присмотревшись — не оружие, опасности не имеет никакой — также равнодушно отложил на грудку одежды. Затем его заставили помыться в чуть теплой воде душа, дали для обтирки казенное полотенце со штампами НКВД.

И он неведомо как — три поворота, два полутемных коридора — оказался в ярко освещенном кабинете с уже опять наручниками на руках.

— Сиди здесь и не дергайся, руки свои не распускай, придет товарищ генеральный комиссар госбезопасности, обязательно встань. При разговоре обращайся только как гражданин народный комиссар, или гражданин генеральный комиссар госбезопасности, — быстро проинструктировал его сопровождающий (опять новый!). Сказал и замолчал. Ведь судя по властности и непринужденному спокойствию, это был хозяин кабинета.

Да не просто хозяин, сам Николай Иванович Ежов — нарком НКВД и генеральный комиссар госбезопасности. Человек, на чьей совести были сотни тысяч человек (по официальной точке зрения) или даже миллионов (неумные либералы). А еще, по сталинской версии, гомосексуалист и страшный вредитель Советской власти, которого, в конце концов, арестовали и расстреляли самого.

Век бы не подходил к нему, но он сам пришел, — подумал гражданин XXI века Сергей Романов и мягко улыбнулся.

Вроде бы кабинет был обустроен роскошно и в то же время нарочито казенно, словно подчеркивалось — здесь находится важный и очень ответственный посетитель, которому нет никакой значимости до обстановки и который все это держит лишь по высокому чину и ответственной должности.

Видимо он видел уже много людей, приговоренных к смерти и знающих это, и такая реакция его даже несколько удивила.

— Великий князь Сергей Александрович Романов, не так ли? — спросил он на всякий случай для опознания и чтобы понять, в нормальном ли госте состоянии. Ибо видеть высокопоставленного в прошлом человека он бы еще хотел, но не сумасшедшего!

— Благодарю вас, он самый, — спокойно и с достоинством ответил Сергей, смотря на него с умеренным любопытством, когда человек показывает, что его собеседник интересен ему, но без крайности.

— Ага, — сделал вывод Николай Иванович, бросив на него пыливый взгляд. Одежда на нем, конечно, была обмятой и немного грязноватой. Сразу было видно, что он в ней не только ходил днем, но и спал ночью. С другой стороны, а что делать, если он был уже не первые сутки в тюрьме?

А вот то что он до сих пор спокоен и стоит с достоинством, Ежову понравилось. Он уже видел и другие противоположные варианты, когда солидные, считалось бы, люди, в возрасте и в чинах, при виде его падали на колени и были готовы признать, что угодно, лишь бы их пожалели и не расстреливали.

Смешные такие, будто он мог что-то сделать. То есть приказывать расстреливать больше и чаще он еще мог, а вот помиловать мог только Хозяин — И.В. Сталин. А он как раз этих людишек на Олимпе политической жизни страны очень не любил и страстно жаждал их гибели.

Даже этого человека он не мог, если бы и желал, помиловать. Даже втихомолку. Все равно свои же донесут, потому что знают — будь его воля, он бы сам всех расстрелял. А там, когда Хозяин узнает, будет еще по-разному — или пожурит спокойно или разгневет и... что там станет — понижение в должности? Арест или даже расстрел?

К счастью, он помиловать не желает. Слишком уж много в СССР осталось грязи. И если при ее уборке будет нечаянно расстрелян ряд честных или невиновных, что же он готов нести такую тяжесть на своих плечах. Зато к окончанию срока его деятельности в стране станет значительно чище.

Так вот это великий князь, который, оказывается, спокойно жил в Москве и даже в центре, в несколько километрах от Кремле, одуреть и не встать! А ведь согласно эмигрантской газетенке, очень даже близкий к императорскому престолу!

Узнав о нем, Николай Иванович приказал привезти его к себе и обязательно относительно целом виде отнюдь не из любопытства или даже либерального желания помиловать. Вот еще! Великие князья — это анахронизм прошлого. А в настоящей реальности их быть не должно, то есть единственный «безболезненный» вариант даже для него самого — расстрел! Всяко ведь лучше, чем медленно умирать на Воркуте. И все равно ведь умрет, но мучительно!

Все это так, но пока он станет еще одной пикантной новостью для Вождя. Ему будет интересно и даже смешно узнать, что в столице страны победившего социализма живет великий князь. А там по его желанию — или расстрелять, или оставить в Москве или в провинции. Или даже поставить его зав производством — пусть вырастает в социализм.

А пока мы поговорим, и он узнает всякие о нем мелочи. Конечно, ему обязательно собрали справку — где жил до тюрьмы и в тюрьме, и кто его близкие родственники, но все же! И.В. Сталин не любит, когда его подручный делает свою работу плохо. Ведь если он сумеет подать это извести интересно и Вождь заинтересуется, то он обязательно задаст вопросы. И не дай бог ты скажешь «не знаю». Таких незнаек Хозяин немедля изгонял, а то расстреливал.

— Так, Вадим, наручники с нашего гостя снять и пусть принесут в кабинет чай на двоих со всем, что положено, — приказал им работнику НКВД, а Сергею уже более вежливо предложил: — Прошу!

Вышепереименованный Вадим, которого никто Сергею Романову не представил, моментально расстегнул наручники на руках и мягко подтолкнул зэка к столу. Это ведь нарком предложил, а огромному большинству советских граждан его просьба была показана как сущий приказ. И уж тем более работник НКВД и заключенный. Эти уже по служебной деятельности были обязаны подчиниться словам генерального комиссара, не обращая внимания, приказ это или просьба.

Гражданину России XXI века такая картина виделась сюрреалистической и дикой, а вот советскому зэку как раз была обычной, хотя и тоже немного диковатой. Обычный арестант в гостях у целого наркома НКВД! Вот это он попал перед расстрелом!

В раздразе, хотя и в бешеном веселье, он подошел к столу. Его, кажется, пригласили к чаю? Что же, напоследок хоть набузгаюсь!

Невзрачный человек в форме органов НКВД — то ли адъютант, то ли просто официант (в то время обязательно были и такие в силовых структурах) — суетился около стола, расставляя тарелки с хлебом и закуской, чашки, сахарницу, заварник с приятно пахнущим чаем и, конечно же, горячий чайник с кипятком.

Все разложив, на миг замер, еще раз посмотрев, все ли он принес. Видимо, с его точки зрения, все оказалось в полном комплекте. Человек козырнул наркому и замер поодаль от стола — так, чтобы прислужить, если возникнет надобность и в тоже время не мешать наркому Николаю Ивановичу Ежову с его посетителем.

На Сергея он не обращал внимания. Не та должность и положение. Но и пустым местом не держал, старался и ему не мешать. Более того, попаданец был уверен, если бы он попросил что-нибудь, ложечку там, или из продуктов что, он бы отреагировал, поначалу, правда, обязательно попросив сигнала у Н.И. Ежова.

— Ну-с, попьем чаю! — довольно потер руки Николай Иванович. Сергей простодушно подумал, что они сами нальют себе чаю. Сначала, разумеется, хозяин, а уж потом, извините, и заключенный. Но нарком просто распорядился: — Костя, наливай!

И человек мгновенно расстарался. Также неслышно и незаметно двигаясь, он разлил первым наркому заварку и кипяток, положил сахару и замер. Нарком, не торопясь, сделал маленький глоток и кивнул. Чай его устроил. Только после этого он обслужил гостя. Костя, естественно, знал, кто пришел с хозяином, но никак — ни жестом, ни, тем более, словом — не прокомментировал. Слишком высокий, несмотря на простецкий внешний вид и манеры, оказывался зэк.

Сергей, между прочим, это тоже учитывал и руками на столе воли не давал. Это чаепитие, он четко понимал, решит, отправится ли он к костоломам, а потом на расстрел, или его пошлют в на вторую ходку в другую камеру, а там снова — неизменные допросы с физическим воздействием, то есть, проще говоря, мордобитием, а потом... расстрел?

И за что ему такая кара, прости господи? Тело-то реципиента еще пусть, не повезло ему родиться великим князем Романовым в эпоху СССР, так пускай мучается. Но сознание-то попаданца, его душа зачем должно страдать?

Эх, начальники!

Но пока был чай. Неплохая, наверное, по тем временам закуска — вареная колбаса приличного качества, в нем не было ни косточек, ни сухожилия, приличный дагестанский сыр изысканного вкуса, такого не продают в магазинах ни в XX веке, ни в XXI. Шоколад, животное (сливочное) масло и, безусловно, лимон, без которого редким было чаепитие у сталинской номенклатуры. Ну и несколько кусков московского батона. Кремлевской диеты еще ведь не существовало!

Богатый, в общем, стол даже по меркам XXI века, хоть и не столь разнообразный. Конечно, ему бы после тюремной чашки в сутки жирного бы борща или, хотя бы похлебки... Да уж что нашлось.

Сергей, пользуясь разрешением хозяина, пил по-своему. В ароматный чай, налитый в кружку, он положил небольшой лимон — для запаха хватит. А вот от сахара он отказался категорически. Одно дело, когда ты потребляешь калории, а совсем другое наслаждаешься чайным напитком.

Первое было тоже необходимым, тюремная пища оказывалась весьма скудной, она не подпитывала жизнь, она лишь поддерживала узников на короткий срок арестантского существования от прибытия до расстрельной стенки. Но сегодня он решил махнуть рукой и попить чай, как он любил дома — с лимоном, но без сахара (и безсгущенного молока, без варенья и прочих сладостей). Без батона и остальных суррогатов. Даже Костю осмелился остановить, когда он по привычке попытался насыпать сахара. Просто чай с лимоном, это ведь так просто и так чудесно!

В отличие от него Николай Иванович пил чай по рабоче-кестьянски — с толстым бутербродом, который он сам сделал, намазав на ломоть батона масло и положив наверх пластину колбасы. И запивал он это монументальное сооружение щедрыми глотками чая — с сахаром, но без лимона.

Сергей, потащившись от чая с лимоном без ничего, пришел к следующему этапу. Он отломил кусочек дагестанского сыра — домашнего или сделанного на небольшом производстве — очень вкусно! Положил его под язык и даже глаза закрыл от удовольствия. Ой, как хорошо и приятно!

Нарком Ежов, с любопытством смотрящий на процедуру чаепития (иначе и не скажешь точки зрения хозяина), не выдержал, спросил тоже по-простому, сразу на ты:

— Это у тебя так в императорской семье пили чай?

И сразу исчез весь вкус и послевкусие. На вопрос надо отвечать, особенно, когда ты арестант, а спрашивает тебя целый нарком НКВД. Тоже своего рода допрос, но более приятный, чем с мордобитием и матерщиной.

Он убрал сыр из под языка, проглотил его, и только после этого ответил:

— Я, знаете, родился с Октябрьской революцией и императорской семьи совсем не видел, отца Николая Константиновича тоже знал только по разговорам родных. Но моя мама, пока еще была жива, часто рассказывала о быте и привычка родителей мужа и деда. Может и от этого пристрастился к лимону. Хотя по нынешним временам пью редко. А так, если вы позволите, я ведь обычный советский гражданин с просто жизнью в советском государстве.

Сергей, забывшись, многозначительно посмотрел на высокого советского чиновника.

Оказывается, ни черта, и такой допрос бывает тяжелым и головолomным. Он ведь ничего не знает о жизни своего реципиента, только иногда тело проталкивает даже не знания, просты чувства о прошлом существовании. Вот и говори, как знаешь. И отвечать на вопросы надо и врать в открытую нельзя. Спалишься, тут ответка четкая — свинцовая пуля в сердце или в затылок.

Николай Иванович не обратил внимания на экстравагантные манеры собеседника. Также, как и его попытки примазаться к советской действительности. Не сказал ДА, но и не сказал НЕТ. Вместо этого спросил:

— А родительница твоя отчего умерла, Сергей Александрович?

Оп, типичный вопрос сталинского следователя. Затем можно перейти и к антисоветской деятельности допрашиваемого. Доказательства будут железными — мать умерла при Советской власти, значит, разгневанный сын мстит за нее, ведь он наверняка считает эту власть виновной в ее гибели.

— От старости, гражданин нарком, — показательно вздохнул Сергей, — ей уже под семьдесят было, — и толи подколол, то ли поблагодарил существующее государство: — только при народной власти можно столько прожить. Ну вот все равно умерла. Один я теперь.

Про старшую сестру Наталью он постарался не упоминать. В XX веке и в России, и в Европе женщин в целом приравняли к мужчинам. В том числе и в наказании. Еще в XVII веке в нашем отечестве вешали и расстреливали только мужчин, женщин только в крайнем случае, а вот с XIX и тем более с XX женский пол тоже «уподобился». Глупцы от обоих полов радуются равноправию. Эхе-хе-хе. Посадят ведь теперь, а то ведь расстреляют. И ничегошеньки не сделаешь!

Вряд ли всесильный и всезнающий нарком НКВД о ней не знал. В анкете личного дела наверняка, все родственные связи обозначены. Но тоже почему-то не стал спрашивать. Вряд ли озабочен спасением чужого для себя человека. Скорее всего, чтобы не отвлекаться. Вместо этого отпил чаю, откусил кусок бутерброда, прожевал и после этого спросил:

— А ты где работаешь, где живешь, Сергей? Скажи хоть немного, утоли мое любопытство.

Попаданец напрягся, понимая, что вот в этом месте его собеседник сто процентов готовит ему ловушку. Ведь наверняка прочитал все материалы о великом князе Сергее Александровиче и теперь проверяет, врет он ему или честен, как на исповеди священника. И он бы постарался, незачем ему скрывать чужие и не тайные бытовые детали жизни реципиента. Но ведь и он сам ничего не знает, черт побери!

— Живу я в Москве, — осторожно, как бы вспоминая, начал говорить Сергей, на ходу систематизируя крохи сведений. И, о господи, тело прежнего Сергея, отозвалось! Если до этого оно как бы фонило для сознания, по капелькам заполняя информационный вакуум, то теперь уже целенаправленно выдавало материал из прошлого. Больше, конечно, на эмоциональном уровне, но и это мозг где-то в мозжечке переваривал и передавал в более-менее удобоваримом виде в верхние доли мозга, где у человека, собственно, и происходила вся высшая нервная деятельность.

Тоже не фонтан, маешься, как историк при анализе далекого прошлого, когда на всю историческую эпоху несколько фактов, а в промежутке между ними есть только логика и фантазия исследователя. Но все равно, хоть это!

— Советское государство выделила сначала нам с мамой, а теперь уже одному мне

комнату коммунальной квартире на Садово-Пятницкой улице дом 46.

Подождал, ожидая, не будет ли у Николая Ивановича каких-либо замечаний или вопросов. Но нет, нарком лишь кивнул, мол, все понял, давай дальше.

Что же, продолжил, а куда ему деваться:

— Как я уже говорил, отец мой с нами не жил еще до революции, мама же с малолетними детьми перебралась в начале 1920-х годов в Москву, где вышла второй раз замуж. А я учился в школе, а после ее окончания уже несколько лет работаю рабочим в государственном предприятии «Металлист» помощником горнового. Заодно уже который год в свободное время заочно учусь в очно-заучных курсах при Московском художественном училище памяти 1905 года.

Опять затаился. Очень уж опасная для реципиента была информация. Отец-то его, судя опять же крохам информации, но весьма достоверным, не просто ушел от семьи, а метнулся напрямик в лагерь белых. А потом, с его крахом, с остатками белой армии ушел за границу, где вроде бы до сих пор жил. Или уже умер? Да и сводные родственники от нескольких жен тоже набедокурили, разбредаясь кто до белых, кто просто во враждебной для большевиков Европе.

Хм, не получилось пустить туману. Ежов лишь усмехнулся, отпил уже порядком остывший чай, сказал, как приложил печать на расстрельном приговоре:

— А вы умный, ваше высочество, вроде бы все рассказали, а самое опасное для себя сумели припрятать. Вы зря секретничаете. НКВД в этом отношении все знает, по деду твоему аж из жандармского управления есть материалы. И то что многие родственники ушли к белым, а потом удрали из СССР тоже известно. Да и сам ты, Сергей, если бы позволил возраст, тоже был бы у Врангеля в Крыму.

Так что расстрельный приговор твой я одобряю, враг ты Советской власти, Сергей, и тут ничего не сделаешь. Другое дело враг разбитый и малочисленный, для советского государства нашего не опасный. Понял?

— Понял, гражданин нарком, — подтвердил попаданец Сергей, снова пожалев, что не в того он попал великого князя и не в ту историческую эпоху. Вот кабы на еще 100 лет назад! Тогда бы тоже было весело, ведь его ветвь Романовых благодаря деду-основателю Николаю Константиновичу (Искандеру) — первому ребенка великого князя Константина Николаевича, младшего брата императора Александра II, считалась на высоком уровне!

Конечно с каждым потомком они становились все более от престола. И к Александру II Николай Константинович был уже двоюродный брат, а к его сыну Николаю II вообще не пришей карман рукав. Тем более, после публикации новой редакции об императорской фамилии от 24 января 1885 года, внук Сергей Александрович точно не был уже великим князем!

Но ведь все равно привилегированный россиянин! И даже пусть дед напраказничал так, что его объявили сумасшедшим, но ведь о детях его помнили и кое-как заботились, а не расстреливали, как при Советской власти.

— Кстати, а юридически по законам бывшей Российской империи вы являетесь великим князем, — словно подслушав, спросил Ежов неприятные тонкости у Сергея. При чем неприятности разные. Если у Сергея Александровича династические, то у представителя Советской власти политические. Такие большие, что при И.В. Сталине легко было попасть во враги существующего государства с соответствующими последствиями.

Впрочем, всесильный нарком НКВД этого не боялся. Он всегда знал, что у него есть

Вождь и Хозяин, а на другом его плевать с высокой колокольни. Поэтому и спросил такие сведения, от которых у простых граждан только икота бы началась.

— Охо-хо-хо, как мне говорила моя мама, в бывшей Российской империи лично я бы лишен этого статуса аж по несколько раз. Но граждане представители Советского государства так часто мне тыкали своим положением, что я уж смирился.

— Угу, — подтвердил Ежов, — юридическими положениями ушедшей империи никто и не интересуется. Мертвое пусть окажется у мертвых. А вот политическое твое положение другое дело. И у нас и за границей. Здесь ты снова на коне, дееспособный великий князь. Вон газетенка белой эмиграции уже в этом году, разбираясь в династических вопросах семьи Романовых, выделила отдельную ветку сына Константина Николаевича небезызвестного Николая Константиновича. И это не случайно. Проредили мы хорошо Романовых в Гражданскую войну и даже очень. И ведь если сам Николай и даже сыновья его в большинстве уже умерли, то вот внуки, например, ты, еще, кажется, пока живы.

Говоря это, Николай Иванович так нехорошо усмехнулся, что у Сергея заметно похолодели руки. Главное в этой ежовской фразе было слово ПОКА и, судя по всему, нарком уже решил, что жизнь у него будет короткая.

— Не беспокойся, — великодушно успокоил его нарком, видя, как побледнело лицо у зека, — если по персональной личности, то ты должен быть расстрелян еще этой ночью. И все по закону и по большевистской морали. Но вот из государственной политики приходится констатировать, что ты, между прочим,ходишь в десятку претендентов на российский престол. Та же статейка указывает, что внуки Николая Константиновича, если они еще живы, конечно, стоят на шестом — восьмом. Это притом, что в эмиграции совсем не знают положения романовским отродьем, хе-хе.

Нарком НКВД, по сути, его ненароком обругал, но попаданец Сергей даже не поморщился. Для конца 1930-х годов великий князь и большевики — это заклятые враги и от этого никуда не денешься. А как относятся к врагам, не конкретным, а вообще, известно.

— Так вот, Сергей Александрович, с учетом всех изменений ты теперь прямой потомок императора в некогда разросшейся, а теперь вновь резко уменьшившейся семье Николая I. И я тебя хочу прямо тебя спросить в условиях крупной политической игры в Европе, как минимум, — на чьей ты стороне?

Попаданец уже понимал, что такой вопрос рано или поздно появится и тогда уточнится причина непонятого милосердия власти. И от его ответа, собственно зависит, куда он пойдет — домой и, быть может, хотя бы домой. А что же он?

С одной стороны, с точки зрения сталинского наркома, Сергей Александрович немного условный великий князь и уж безусловный враг Советской власти, чьи многочисленные родственники ею уже расстреляны, а несметные богатства награблены.

С другой стороны, он советский гражданин. Все это великокняжеские цацки для него теоретическая дурь, а подростковое сознание, хотя бы опять условно, хорошо прочищено господствующей идеологией.

Но ведь была еще третья сторона, о которой Ежов и даже великий и мудрый Сталин не то что не знают, а даже не догадываются — точка зрения российского гражданина ХХI века. А он прекрасно понимает, что все в жизни рано или поздно заканчивается и изменяется. Но что-то вдруг, а что-то медленно.

И уже в ХХI веке сталинский большевистский и белый лагеря исчезнут и в чем-то даже перемешаются, по крайней мере, для современников нового века, а вот противостояние

Запада и Востока все же останется. И вот ты, конкретный попаданец Сергей Логинович Романов, будешь с кем? Ну уж не блудливыми либеросами, мятущимися к Западу!

— Николай Иванович! — твердо и почти искренне ответил он, — как гражданин страны Советов я, безусловно, буду на стороне СССР!

Ежов немного помолчал, немного недовольный и попаданец даже знал в чем. Для Сталинской эпохи, а это все-таки сталинский режим, чтобы мы не говорили, обычным была клятва Вождем и Учителем И.В. Сталиным. Надо быть преданным не Родине, а И.В. Сталину. Ну или Сталинской Родине на крайний случай.

Но ведь он же великий князь Романов! Может ли он искренне клясться своим, по сути, главным идеологическим врагом? И самое главное, как сам И.В. Сталин отнесется к этому, когда великие князья примазываются к великому и чистому делу строительству коммунизма?

Неплохо зная Хозяина, он понимал, как тот ответит.

— Конечно, это прекрасно, что к нам уже переходят великие князья, — медленно скажет он своим голосом с легким кавказским акцентом, — это еще раз говорит, что дело наше правое и оно побеждает. Пусть. Но зачем же их подпускать так близко, а? Плохо!

Николай Иванович знал, что к концу 1930-х годов монархическая идея в России почти исчезла, а уж сторонников Романовых совсем нет. И Хозяин этих Романовых совсем не боится, ни в России, ни за границей. В любом случае сторонники своих бывших — троцкисты, бухаринцы и, втихомолку, умеренные сталинисты — заметно для Вождя опаснее.

А потому, можно выпустить нашего великого князя вкупе с белогвардейской газетенкой, а там и можно посмотреть. Все равно, только Хозяин будет решать — это нарком НКВД генеральный комиссар госбезопасности Н.И. Ежов знал твердо.

— Ладно, попей еще чай, — великодушно разрешил он попользоваться казенными харчами, — полчаса у меня есть, поболтаем. Костя, поменяй нам чайник, в этом кипятке уже остыл, — приказал он человеку, видя, что Сергей решил воспользоваться разрешением и выпить еще один стакан чая, — когда я еще буду угощать великого князя.

Последняя фраза прозвучала очень уж угрожающе и Сергей никак не реагировал. Пускай, мне с ним детей не крестить. И лучше бы совсем не увидеться, тьфу! А вот чаю с лимоном когда еще попью? С учетом того, что меня еще могут в эту ночь расстрелять, никогда.

А чай хорош, это даже не магазинный в XXI веке. С таким и с лимоном хоть ведром выпей. А с дагестанским домашним сыром вполне и второе можно

Ежов, глядя, как его собеседник вкусно пьет чай и опять без закуски — кусочек сыра это не еда, тоже решил добавить стакан чая, а то сталинские посиделки продлятся долго, иной раз почти всю ночь продлятся. А вот угощать Вождь не угощает. От других он знал, и чай с ними пьет и обедает, ха-ха, в два часа ночи. А вот с наркомом НКВД только деловые встречи. Лишь курит много. Но папиросы это не еда.

Так что выпьет он еще чай и под хорошую закуску. Это не пустой дворянский чай великого князя. Это чай простого советского человека с большим бутербродом, с колбасой и животным маслом. Вот это по-нашему!

— Скажи, вот тебе уже третий десяток идет, а жениться ты думаешь? — как бы невзначай спросил нарком.

— Жениться? — исключительно для публики, то есть для того же Ежова, вслух подумал Сергей, поколебавшись, сказал: — наверное, как-нибудь потом. Пока некогда. На работе

надо дать внеплановую плавку в честь годовщины Великой Октябрьской революции, в училище необходимо нарисовать серию лозунгов к этому же мероприятию.

— Надо же! — искренне удивился Николай Иванович к откладыванию свадьбы и всем этим шагам, обычным для советского гражданина, но крайне неординарным для великого князя.

Попили, немного поели, потом Ежов, посмотрев на часы, решительно встал:

— Что же мне пора. По вам же, гражданин Сергей Александрович, то скажу вам только после встречи с товарищем Сталиным, поскольку такого рода действия может решать только он!

А пока посидите в отдельной камере Лубянской тюрьмы. Ждите. Я распоряжусь, обед вам принесут.

Понимая, что встреча или, точнее, аудиенция у него окончилась, встал, привычно уже положил руки на спину, вежливо попрощался и выше, конвоируемый неведомо как появившимся нквдешником Вадимом.

Его попаданское пике до сих не выходит из критического выпада. А сможет ли он остановиться, или его цель — три аршина земли?

Идти им по зданию оказалось на удивление мало — сначала по ярко освещенному, но безлюдному коридору, потом спустится по затемненной лестнице, и наконец пройти по почти темному коридору. После ярко освещенного кабинета наркома НКВД Н.И. Ежова и первому коридору, тоже неплохо снабженному лампочками Ильича, коридор, почему-то освещенный лишь одной маломощной лампочкой, выглядел именно так. Хотя, кошки, например, с этим бы поспорили. Но ведь Сергей Александрович был еще человек!

Впрочем, после этого темного отрезка пути снова пошли по новому освещенному коридору. Пусть не так ярко, но все же было очевидно, что он предназначен для людей, а не для ночных животных с их острым взглядом.

Здесь его конвоира Вадима сменил классический тюремный надзиратель. Рассмотреть на все же тусклом свете мельчайшие подробности своего нового тюремщика Сергей не успел. Его камера с открытой дверью оказалась вдруг перед ним. Все, можно отдохнуть!

Нуте-с, внутренняя тюрьма ВЧК-ОГПУ-НКВД для особо важных для власти узников! Здравствуй, милдрузья! Растем, однако, из простых арестованных в особо важные вырос. Хотя чего уж тут радоваться. Лишь бы не разложили по косточкам ненароком в ходе такой «успешной» карьеры. А то ведь у нас и так можно.

Впрочем, и надзиратель тут же показал, что и здесь все будет непросто, что тюрьма это никак не санаторий.

— Спать разрешается только ночью, с 22.00 до 6.00. Днем находиться на кровати категорически воспрещается! — сообщил спокойный металлический голос жесткий местный распорядок.

Тюрьма, где как бы нечаянно проводили следствие, били и допрашивали, а потом, в скорости, нередко ничего и не узнав, судили и приговаривали к расстрелу, в лучшем случае к максимальному сроку наказания (к этому времени — 10 лет), оказалась в прошлом.

На день (ночь) сегодняшней — знаменитый зловещий тюремный порядок Лубянки. Сергей Логинович, влетев «по-попадански» в СССР 1937 года, сначала познал порядки обычной линейной тюрьмы, куда сейчас гнали большой толпой арестантов и был соответственный уровень организации. Как всегда в нашей стране, в шуме и в гвалте, при минимуме налаженности.

Теперь попаданец должен был познакомиться с уже образцовым тюремным уровнем, когда узник встречался только с тюремщиком и еще следователем (следователями, если он был настолько важен). И уж, конечно, никак не мог пообщаться ненароком с «коллегами» заключенными. Орднунг!

По инерции влетев в свое помещение и подождав, когда дверь защелкнется на замок, Сергей с некоторым даже любопытством огляделся. Теперь это его новая «квартира» и как бы не последняя. Тут с этим делом легко, генеральный комиссар госбезопасности Н.И. Ежов сообщил об этом прямым текстом. Может даже в эти же сутки расстреляют, но, скорее всего, в последующую ночь. А пока обустроиваемся!

Одноместная камера была сравнительно небольшой — несколько шагов вдоль и вдвое меньше поперек. А и то, для занятия физкультурой помещение не было предназначено. Не фиг тут жировать! Зато в камере была настоящая койка. Пусть простенькое железное, обычное тюремное одноместное спальное место. Но ведь было. Радоваться такой койке был

настоящий нищий, так ведь по объему имущества арестант им и был!

Только после нахождения суток с минимумом на полу, когда единственной вещью мобилировки был скромненький пиджак 1930-х годов, оставленный от реципиента, понимаешь, как это здорово. Койка же! И матрас, пусть и очень тощий и явно древний. И простынка на него тут явно отсутствовала, как вещь. Зато было шерстяное одеяло, хоть тоже тощее и, видимо, не раз штопанное, может еще подогнанное сюда от щедрот императорского казначейства.

На это, однако, педантичное сознание возразило, что эта тюрьма, как таковая, появилась только с Советской властью и поэтому царские интенданты здесь не при чем. Впрочем, постельные принадлежности могли переехать из царских органов снабжения и через посредников, те же красногвардейские казармы. Во всяком случае, было одеяло старое и потрепанное временем, но, тем не менее, еще существовавшее. И, видимо, относительное теплое.

И подушка! Скорее всего, ватная и снова тонкая, держащая голову на высоте подзаголовка лишь условно. Но и она существующая и не только в сознании.

Интересно, а который сейчас час? В кабинете у приснопамятного наркома было, кажется около трех часов, когда его выводили. Тогда, как это не странно было, спать не хотелось. Нервы, видимо.

Ну а сейчас уже где-то четыре — половина пятого. До пробудки в шесть часов оставалось почти ничего, но надо хоть немного постараться поспать. Днем-то для пользования постель строго заказана, как сказал надзиратель.

Да и в тюремной литературе, читанной еще в XXI веке, подробно описывался строгий порядок Лубянки и его жестокие работники. Как говорится, это вам не то. Как и положено, днем надо бодрствовать, ночью спать. И если ночью по каким-либо причинам поспать не удалось, днем все равно спать нельзя.

Так что спим! Как есть в одежде, нырнул в кровать и... почти час ворочался, скрепя пружинами. Уснуть удалось только ближе к шести. Много он поспал — десять минут, двадцать? А потом наступил «день» и неумолимый надзиратель поднял его с кровати. Не положено, скаженно же!

А положено ему, оказывается, в это ранее время оправляться и умываться, готовясь к завтраку. Во как! Это вам не прежняя тюрьма, где кое-как помоешься питьевой водой, полученной для внутреннего употребления, и ждешь, пока рак на горе свистнет.

А тут Лубянка, где, между прочим, уже есть признаки цивилизации XX века — водопровод и канализация. Правда, сказав А, государство замерло, остановившись на это моменте. То ли посчитали, что много для арестантов фаянсовых умывальников и унитазов. А, может, просто чиновников самих арестовали, это же сталинская эпоха!

В общем, умывальник в камере наличествовал, но был, как и тут и положено в стройном ряду мебели, древним и ветхом. Причем, по форме и по особенностям металла, попаданцу Сергею как бы и показалось, что он был сделан еще в XIX веке. И все бы нечего, не ржавчина и почему-то прозелень (где здесь медь?) делало внешний вид очень неряшливым и очень неприличным. А еще дурной запах. Толи вырвало в умывальник какого-то узника в сто лет в обед, и эта рвота потихоньку высохла, а потом по частям отмокала, как умоется новый посетитель. Или просто мышь подохла и теперь разлагается.

И ведь, с другой стороны, чувствовалось — умывальник периодически моют и чистят. Все заметные части его блестели, даже сверкали, а терпкий дух какой-то рвоты частично

перебивался карболкой. Но при этом в итоге создавался такой комбинированный тошнотворный запах, что даже Сергей Логинович, уж насколько он был терпелив и покоен к таким гадостям, едва не потерял остатки пищи в желудке, пока мыл лицо и руки.

К арестованным, между прочим, и в дальнейшем подходили с заботой. В встроенной мывальнице умывальника находился небольшой обмылок хозяйственного мыла, показывающий все теплоту тюремной администрации к невольным посетителям. То есть, если они могут быть расстрелянными, то пусть, на все божья воля и генерального прокурора. Но болеть и еще умереть от простуды и от заразы узники не имеют права!

Что же, он не против. Попаданец только теперь, после суток пребывания, познакомился со здешним парфюмом. Ну что сказать, так особо не матерясь? Хозяйственное мыло 1930-х лет — это была такое «чудо» советской промышленности, что не только бактерии, он сам, кажется, готов сдохнуть от резкого химического запаха.

Только не надо в скепсисе корчить свои моськи при этих словах. Сергей Логинович не был критиком советского прошлого, но мыло бы ему следовало выдать получше. А то помыл кожу лица и рук и такое чувство, что ободрал ее наждаком. Аж полностью проснулся! Это, разумеется, хорошо, но кожу во многих местах больно. Ладно хоть, как предчувствовал, глаза крепко закрыл во время процесса умывания. А то бы зрения лишился на фиг!

Помылся, а затем, ха-ха, решил сходить по малому. Ну приспичило не вовремя. Хотя нормальные люди делают все наоборот — сначала ходят в туалет, а потом моют грязные руки. Но это ведь Сергей Логинович, бестолковый попаданец!

Отверстие к канализации в камере было, а вот унитаза не оказалось. И поэтому обычный, в общем-то, процесс дисимилизации мужского организма превратился в акробатический номер. А ведь я еще ходил по малой нужде!

Умылся, опростался, а тут уже в строенное окно двери завтрак суют. На вот тебе, гражданин узник, пищу! Ты хоть и житель нехороший, даже, возможно, классовый враг, но голодом тебя морить не будем, не бойсь.

Взял тарелку с кружкой, обе жестяные. Ложа деревянная, без лака и краски, умеренно обгрызенная. Эстетики от такой посуды не было совсем. но кушать, нет, даже жрать хотелось и без того. Благо каша из ржаной сечки на воде была не изысков, но приготовлена хорошо и оказалась сытной. Эх было бы ее побольше! Хотя тут Сергей уже явно привередничал, каши было нормально по объему. Другое дело, попаданец за время пребывания в 1937 году чувствительно оголодал и завтрака ему элементарно не хватило.

Кусок черного хлеба тоже был хорошо пропечен и без мусора. И к нему попаданец имел одну претензию — мало!

А вот чай был плох, какой-то испитый, плохого качества. Хотя и то, что это не травяной суррогат из каких-то местных сорняков, а именно чай и с явной добавкой сахарного песка, нейтрализовало все недостатки.

Будем считать, что это чайный напиток! — торжественно провозгласил про себя попаданец, — знакомый привкус имеется, хотя бы немножко. Калорий тоже есть, хоть и маловато. Чего еще хочешь?

И он большими глотками проглотил жидкость, жалея лишь привычно, что ее маловато. Увы, в коридоре никто не спешил подливать даже такой чай и потому Сергей вынужден был объявить завтрак оконченным.

Посидел за столом (стол был прикреплен к полу) на стуле (и он тоже прикрепленный) для лучшего усвоения проглоченной пищи. Затем нехотя вымыл посуду за тошнотворным

умывальником. Впрочем, тарелка с ложкой и кружка — вот и вся посуда, сполоснул, после нежирной пищи мыть нетрудно.

И замер за столом. Делать-то больше нечего! Пол, что ли, подмести? А где инвентарь — веник, например? И ноутбук отсутствует. Человек XXI века просто не может быть без этой полезной электроники. А здесь как же? Сергей даже заскучал. М ведь хотя бы лист бумаги и карандаш, морской бой бы поиграл сам собой.

Ха, тихо сам собою, тихо сам собою я веду беседу... Охо-хошеньки!

Грустное ничегонеделание, впрочем, вскоре явно получило черный пессимистический оттенок. Сергей как-то не придавал внимания на негромкие звуки в коридоре. Ан нет, это, оказывается, арестантов водят «на работу». Здесь тоже проводили оперативно-розыскную работу с физическими мерами воздействия. Проще говоря, и здесь были допросы с мордобитиями.

До колики знакомые крики с отчаянными нотками показали, что Лубянка тюремным санаторием не станет. Бьют, сволочи, ищут мифических троцкистов. Скука стремительно скрылась, понимая, что и без этого арестантам здесь тяжело. Сергей аккуратно положил посуду на стол, тяжело сел за него же.

Крики подсказали ему, что его затяжное пике без парашюта еще отнюдь не завершилось, и возможность оказаться у расстрельной стены не только уменьшилась...

Надо посмотреть, пока спокойная обстановка и надоедливые дяди не мешают ему. То, что его дернули на самый верх, подает какие-то надежды. Ведь не обычный троцкист какой, стойкий борец с Советской властью, то есть со сталинским государством, если уж прямо сказать.

Целый великий князь! Тоже, правда, враг, но уже не сильный, а потому не очень-то опасный. Даже какой-то экзотичный и дающий надежду. Как старый лев, который и сам скоро окочурится и опасности от него никакой. Наоборот, пойдите поскорее люди, посмотрите, пока не умер, бедный.

С другой стороны, визит и чаепитие у наркома ничего ведь не дало. Да он узнал его далеко идущие планы. Молодец! С такими планами его точно не убьют. Но ведь все это на настоящее время лишь слова. Да, планы прекрасные, отличные прямо, а его автор — очень высокопоставленный советский чиновник, в существующей иерархии в СССР входит, наверное, в тройку самых могущественных персон.

Да только диктатура так потому называется, что во главе ее находится диктатор, который руководит всеми делами, до каких дотянется. А проблема великого князя, хоть он и не хотел бы себя преувеличивать, но все-таки немалая.

Так что пока гениальный вождь и учитель не решит и не подпишет красно-синим карандашом соответствующие бумаги с положительной резолюцией, хотелось бы верить, что ничего еще не произошло. Но...

Страница его жизни еще отнюдь не перевернута, как бы ему не казалось, а он сам по-прежнему в тюремной камере, пусть более удобной и комфортабельной. И Николай Иванович Ежов, каким бы он милым и добрым не был хозяином, все равно не внушает доверия. И, кстати, он ведь сам ничего не обещал, более того, даже подчеркнул, что решает здесь не он, а И.В. Сталин. А вот как у того повернется, тут еще дорога... э-э-э... повернется в разные стороны.

Хотя по сравнению с первыми часами, когда его вдруг хорошенечко так избили и он узнал в переполненной тюремной камере, что его расстреляют, положение все-таки

улучшилось. Так что веселись, мужик.

А в остальном, все еще может быть — и допрос с пристрастием, то есть мордобитием, и скорый расстрел и неизвестная могилка у Донского крематория. И даже водки никто не нальет перед этим, эх!

Лязгнув, открылась дверь. Сергей встрепенулся — на допрос? Что будут спрашивать, за что морду бить?

Однако надсмотрщик равнодушно сказал:

— На прогулку, время прохождения сорок минут. Руки за спину!

Ох ты, господи, тут совсем нервным станешь, скоро от малейшего шороха будешь дергаться. Пойду, куда я денусь?

В сталинском СССР он оказался несколько позже по сезону — из XXI века «вылетел» в конце лета, а в XX веке оказался в начале осени. То есть, казалось бы, еще не холодно, хотя и не тепло. Но у природы была своя логика и прогулка внезапно прошла при прохладной погоде, с дождливом фейерверке.

Хотя, это и к лучшему. Мрачноватый каменистый внутренний дворик тюрьмы, где узники, не торопясь, прохаживаются (разговаривать запрещается, кричать, дергаться тоже), навел на философские размышления, а отсюда уже к логике и аналитике.

Нет, ты не неудачник, Сергей Логинович, скорее простофиля, может даже лопух, но это другой аспект. Хватит тебе «восторгаться» грядущим расстрелом, это явление объективное, от тебя не зависящее. Ты же взрослый человек и понимаешь, что любой человек, единожды родившись, когда-нибудь умрет. И что же, всю жизнь из-за этого печалиться? Будет расстрел, не будет расстрел, чего дергаться. Вон, люди от рака мучительно умирают, простите меня, вот это смерть, ни за что, ни просто, а тут чик! И тебя уже нет.

Сергей Александрович остановился у подпирающего стену камня, очень похожий на могильный обелиск, хотя все же реально нет, и окончательно упорядочил свои мысли. Ведь если бы сознание его оказалось у двадцатилетнего великого князя, это одно. Молодость категорически не приемлет смерть ни под каким видом. Но самому попаданцу было уже 36 лет с хвостиком, почти четыре десятка, то есть такой возраст, когда все больше оглядываешься назад, чем вперед и грядущая смерть все больше не пугает, а становится простым ориентиром. Так сказать, детство — зрелость — смерть — дальше?

А вот то, что судьба (Бог? Фатум? Природа?) так исхитрилась. Без паузы и интеллигентного мордоплюйства послала его на вторую жизнь, хотя он и первую-то не прожил еще. Это, наверное, круто и не фиг стенать и плакаться. Радуйся, дурак, ты живешь вторую жизнь! И мало ли, что жизнь была коротка. Дареному коню зубы не смотрят!

Лучше посмотри, как его зашвырнуло по жизни — ты не просто великий князь пусть и в немонархическом СССР, когда запросто являешься врагом уже по факту, от одного своего существования. Нет, кроме того, ты оказываешься одним из претендентов на императорский престол!

Разумеется, будем реалистами, в СССР тот же И.В. Сталин и его мощный аппарат не позволят стать императором. Но ведь и он сам понимает, что не за чем поворачивать ход истории и монарх будет никчменным. А вот в политико-династические игры он бы поиграл. Здорово же!

Итак, предположим, его приглашают (берут и швыряют) в Кремль к И.В. Сталину. Каков твой первый ход, милостивы государь, главе партии и государству тоже ведь надо предъявить доводы, просто так он не поверит даже природному Романову!

Поразмыслив и проанализировав имеющиеся у него факты не только о себе, но и о текущей обстановке, он уже был готов идти к лидеру страны. Классика же — попаданец, провалившись в советское прошлое, сразу попадает к И.В. Сталину. Правда, он еще не был готов делиться с ним попаданскими тайнами о будущем страны, о Великой Отечественной войне, смерти самого Сталина и нехороших действиях Н.С. Хрущева. Да и не знал Сталин, что великокняжеский Романов на самом деле еще и попаданец!

Так, скорее всего, Хозяин хотел поговорить о прошлом российской монархии, и, особенно, о большой монархической борьбе вокруг уцелевших Романовых. Посмотреть на самого великого князя Сергея Александровича, какой он в целом и стоит ли на него делать ставки.

Стоит, конечно, и попаданец Сергей Логинович это докажет уже даже на Романовых. Уж анализировать и болтать, то есть вдумчиво разговаривать, он сумеет.

Но где же этот бестолковый и, видимо, медлительный Ежов? Или, все же, И.В. Сталин решил поставить логичную точку на этом сюжете и расстрелять Сергея Александровича?

Пока попаданец осваивался в тюремном будущем и маялся в неопределенном будущем, что близким собственным, что огромной страны, Н.И. Ежов решал свои задачи, такие же трудные и смутные. Но одно он знал на почти 100 % — обмолвившись великому князю об И.В. Сталине, сам Ежов прекрасно представлял, что говорить с Хозяином он будет, только когда твердо убедится, что тот положительно отреагирует на такой шаг.

Он уже сегодня был на ненадолго в кремлевском кабинете и буквально перекинулся словами по некоторым тревожным делам. И все тогда. При этом оба они — и И.В. Сталин, и Н.И. Ежов — имели в виду, что ночью еще раз встретятся и, уже не торопясь, вдумчиво, поговорят по разным и важным заботам. Нарком НКВД — это ведь не директор швейной фабрики «Парижская коммуна», он не майки с трусами шьет!

Очень ведь все-таки сложно говорить с генеральным секретарем о таком сугубо когда-то враждебном понятии, как великий князь. Страна точно не поймет его, хотя генеральный комиссар госбезопасности на это плевал с высокой колокольни. Но захочет ли понимать И.В. Сталин, увидев такую реакцию населения? Или, скажем так, решит ли он, что это выгодно для него самого. Решит ли, что проще пассивно смотреть со стороны, а потом еще и сам даст августейшей рукой по наркомовской шее?

Очень ведь возможно. А нарком в СССР, если смотреть со стороны Хозяина, отличается от простого гражданина в основном обязанностями и только немного властными полномочиями. И еще тем, что ближе к небу. В том смысле, что много быстрее его расстреляют и он окажется на то свете. А вы думаете, ему легко!

С такими пессимистичными или, хотя бы, осторожными мыслями Николай Иванович Ежов вошел в кабинет к Хозяину. С Поскребышевым — его неизменным секретарем, сидящим, казалось бы, все 24 часа в приемной, он только поздоровался кивком. И получил такую же ответку головой. Ведь в последнее время он был каждый день и зачастую не по разу. Что уж тут здороваться!

Да и разумом он был уже в кабинете. Там у него будет урок! Жесткий, суровый урок, который проводит требовательный и, если надо, холодный наставник!

— Разрешите, товарищ Сталин? — готовно спросил он и еле слышно щелкнул сапогами по дорожке.

Хозяин только молча кивнул. Они уже встречались сегодня один раз. Поэтому не до политесов. Тем более, Хозяин, чем дольше, тем настойчивее, обмусоливал мысль, что Николай Иванович свое дело сделал. Его руками были убраны прямые враги И.В. Сталина политики, просто надевшие или исчерпавший свой ресурс к этому времени. Ну и, конечно, при таких масштабах, было наказано или расстреляно много посторонних людей. Из-за этого и советское население, и государственно-партийный аппарат чувствительно заволновались, и стали тревожиться, что было немного нехорошо.

В общем, ассенизатора, убравшего нечистоты, самого требовалось показательно убрать. Дескать, хороший был товарищ, но споткнулся и ошибся. Пусть работает на должности поспокойнее, скажем связи СССР. Или, водного транспорта. Так будет спокойнее и для страны, и для него, Сталина. Потом, скажем через несколько месяцев, можно его втихую арестовать и, конечно же, казнить. Слишком уж опасный Ежов человек, а он таких не любит оставлять. Человек то же ружье, если покажется на сцене, все равно сработает. А так,

расстрелять и спокойнее. Нет человека, не проблемы.

Он спокойно посмотрел на наркома, уже готового стремительно присесть на «свой» стул, шедший немного поодаль от общего ряда. На нем обычно при нем сидели члены политбюро, другие ответственные советские и партийные работники. Николай Иванович в прошлые дни, нередко уже зная, кто и когда, в какой очередности арестуют. Открыто забавлялся, представляя, как их будут бить и как они станут плакаться и просить пожалеть его.

Хозяин это знал, но не мешал забавляться. Сам ведь Ежов даже не знает, что, когда он говорит об аресте того или иного, на самом деле он и не собирался пока того арестовывать. Малейшая ошибка или неловкое действие и в тюрьме может оказаться сам Ежов.

Угу, но вот какого поставить вместо него, постоянного уже наркома НКВД? Он было уже остановился на кандидатуре секретаря Закавказского крайкома партии Л.П. Берии, насколько уже прекрасно видел, разумный и немного циничный работник, такой не будет дергаться и медлить при аресте хороших знакомых. Лишь получит указание, арестует и расстреляет. Но, судьба. Самолет, на котором летел в Москву Берия, разбился. Вчера только похоронили в закрытых гробах и членов экипажа, и всех пассажиров.

И.В. Сталин, конечно, распорядился на всякий случай арестовать ответственных лиц в ВВС СССР, пусть НКВД на всякий случай посмотрит, но Берию в жизнь уже не возвратишь.

Был, разумеется, еще один претендент — хороший летчик В. Чкалов. Такие люди всегда негласно были в НКВД, что ввести его в структуру было легко. И человек он надежный лично ему, прямодушный, храбрый и честный. Проблема, однако, была в другом.

Чкалов был слишком прямодушный. И он считал, что видит, то и чувствует, а советское это равенство сталинскому. В принципе, конечно. Вот именно что в принципе! И.В. Сталин понимал, что новый нарком НКВД принесет ему много проблем, многие из которых окажутся старыми, но гораздо больших масштабах. И это, пожалуй, наиболее ярко ему не понравилось. Получается, что он самолично создает для себя же кашки, а?

Хозяин страны пыхнул трубкой, окутался ароматным табачным дымом, как корабль дымной завесой. И смотрел через нее, как Ежов суетится, выкладывая листки с вопросами тем разговора, которыми он собирался увлечь его. Пусть попробует, он не против, все равно Ежова пока никем не заменит. Эх, Лаврентий, как же ты не вовремя умер!

Ежов же, положив небольшую, но все же плотную стопочку листов, самодовольно подумал, что пока Хозяин без него не справится. Ведь это же он за считанное количество месяцев, даже дней создал из НКВД Ягоды, этой организации, которой ничего не умеет, в свирепого мощного хищника, могущего все и вся. При этом реорганизация еще не проведена, попробуй-ка смени его, можешь вернуться к прежним результатам, так сказать, окажешься у разбитого корыта, хе-хе!

Николай Иванович почувствовал, что чрезмерно увлекся. Хозяин считал, что незаменимых людей не бывает, имея в виду, что в первую очередь не бывает незаменимых людей в его окружении. Тезис настолько спорный, насколько для него угрожающий. И Сталина необходимо убедить, что Ежов, по крайней мере, в ближайшие месяцы, еще нужен. Вот с этой позиции он и должен сегодня и разговаривать.

Так, что он сможет сейчас увлечь Хозяина? Плохо, что армейское дело Тухачевского, Якира, Уборевича и др. заканчивается. В свое время он им хорошо увлек Вождя. С одной стороны, многих «оппозиционеров» тот чисто по-человечески не любил, а кое-кого ненавидел, с другой стороны, военные, еще с Гражданской войны занявшие сильные

позиции в армии, к середине 1930-х гг. решили, что они крепки не только с военной точки зрения, но и политической. Это, конечно, еще не оппозиция, хотя как сказать. Во всяком случае, свободно действовать в армии Сталин уже не мог и лично был заинтересован подчищать чрезмерно свободолобивых и самостоятельных.

Вот главное. Оппозиция... хотя, может и оппозиция. Ходили слухи, что некоторые военные имели крепкие связи с разведки отдельных стран. Следователи с личной подачи Хозяина попытались копаться в этом направлении. И кое-где военные сознались, хотя и не во всем. Для суда, впрочем, было достаточно, но правды на допросах так и не узнали. В общем, так и расстреляли полупризнанными.

Сейчас он пытается раскрутить процесс лево-правой оппозиции, в которой при желании можно поставить любые персонажи, нужно только понять, что Хозяин чувствует и куда вести судебные дела. В принципе, у него есть еще несколько запасных открытых процессов, куда можно с легкостью поставить ряд неудобных лиц для Вождя. Но не надо торопиться. Сталин не любит спешки и сразу нескольких судебных процессов. Из-за этого рассеивается внимание и разбрасываются силы. ведь, в сущности, любой процесс это, прежде всего, спектакль, где нужен умный или, хотя бы, внимательный режиссер. А из него еще и создатель занимательного зрелища.

Он внимательно, хоть и незаметно посмотрел на Хозяина. Тот поначалу листал листы допросов неохотно, погруженный в свои мысли, но потом увлекся. Любимое для Вождя занятие — видеть, как эти козявки, осмелившиеся в свое время спорить с самим Сталиным (!), ломаются под кулаками следователей, начинают говорить нужное для них, а, значит и для режиссеров. И ничего, что они заведомо врут, для суда пойдет, и достаточно. Ведь сам Ежов был твердо уверен в их беззащитности. По крайней мере, в большинстве. Ну а потому все будут неопасны, ведь расстрелянные уже мертвы!

— Вот этого, — ткнул Хозяин кончиком трубки в папку с материалами допросов, — надо еще раз допросить. И пусть следователи не жалеют своих кулаков. Он в свое время был преданным бухаринцем, какие пел рулады на заседаниях, убеждая присутствующих в его правоте. А сейчас только буркнул, что виноват и раскаивается. Следователи не подумали его поправить. Нет, пусть подробно сознается, в чем виноват и как раскаивается. Суд еще необходимо убедить.

— Так, товарищ Сталин, — Ежов старательно дописал указания Вождя, — совершенно правильно!

И.В. Сталин иронично посмотрел на собеседника. С этим-то рылом он собирается влезть в калашный ряд! Он не хочет ли еще учить его политическим играм?

Ежов, надо сказать, не сразу, но понял, что ошибся и постарался хотя бы мимикой показать, что он всего лишь преданный ученик гениального учителя и наставника.

Хозяин смягчился. Он хотя и не ошибался в невысоком теоретическом уровне наркома НКВД, но еще раз увидел, что исполнитель тот не плохой. Так даже лучше. Недостаток в теории он будет стараться компенсировать старательностью вот и пусть старается! Да, он вроде бы гомосексуалист, но ведь он и не собирается с ним породниться?

С тем и расстались после пяти часов ночного разговора. Хозяин в целом результатами допросов остался доволен, а отдельные замечания лишь показывали, что НКВД правильно идет. А мелочи это мелочи. Тем более, Хозяин показал, куда и как надо прийти. Ежов, правда, интуитивно чувствовал, что где-то еще на втором — третьем плане И.В. Сталин им недоволен. Но с этим тот был не в настроении нередко вопрос в чем?

Если сегодняшней конкретикой, то надо лишь взять под козырек и постараться исправить теми же руками (кулаками) следователей. Не справится, отправить в провинцию, СССР обширный, неумех можно так послать, что потом днем с огнем не найдешь. Если же недоволен самими процессами, то необходимо подкорректировать ход текущих. Может быть, ввести новых лиц среди обвиняемых, предложить более интересный сюжет. В конце концов, ускорить этот, ввести новые запасные судебные процессы. Виновных много, надо лишь интереснее подать их следствие и суд. А вот если Хозяин недоволен самим наркомом, то необходимо поискать варианты деятельности, работать так, как будет нравиться самому Вождю.

Николай Иванович четко понимал, что сталинский руководитель, нарком НКВД в первую очередь, ни в коей мере не должен успокаиваться, как это было с Ягодой. Он должен, как в народном хозяйстве, постоянно ускоряться, выводить встречные планы работы. И он был готов, но как не ошибиться? Ведь пойти другим путем это очень чревато. Ибо, хозяину это будет неприятно еще больше, излишне самостоятельных и активных он не любил еще больше. Вот в этом случае расстрельного конца точно не избежать.

Генеральный комиссар госбезопасности выехал из Кремля и обеспокоенным, и довольным. И.В. Сталин, их гениальный Вождь и Учитель (никогда не грех подольстить Хозяину даже в мыслях) с ним оказался более холодным и сдержанным. Это, в общем-то, весьма плохо. Хорошо же в том, что он-то, Н.И. Ежов, все это предчувствовал. И, значит, он по-прежнему его понимает и принимает. и может планировать дальнейшие действия на будущем.

Как вовремя появился этот великий князь — ха-ха, советский гражданин. Надо, кстати, ему сказать, чтобы при встрече в Кремле, а она теперь точно состоится, слишком уж скучен и спокоен был Хозяин. После сегодняшнего ночного разговора он почти на 100 % был убежден, что тот клюнет, обязательно прикажет его на встречу с ним. И уже тогда нарком, на этом заключенном, как на лакмусовом листке, поймет все чувства и намерения Вождя.

Гм, если получится, конечно. Играть с Хозяином очень опасно даже когда не желаешь ничего ему плохого. Или хуже, И.В. Сталин поймет твои намерения и подыграет тебе. А потом, когда ты уже будет казаться победителем, вдруг откроет карты. И тут даже не из неприятного осознания проигрыша. Победитель обязательно постарается расстрелять незадачливого игрока, помня, что мертвые не кусаются.

Так что он будет очень осторожен. Великого князя он лишь приоденет, помоеет, подкормит. Пусть тюремный срок с его невзгодами и баландой никак не скажется на нем. А сам осторожно, но внимательно присмотрит за Хозяином. Так он действует или не так.

Подобным образом функционируют все исполнители. А то не присмотри за реакцией Вождя, так ведь и головы можно лишиться!

Ну а потом, — покрутил он шей в тугом твердом воротнике, вздохнул: — потом станем действовать сугубо от действий Хозяина, иначе и не получится. И первым делом, надо посмотреть, в каком настроении он будет днем. Сегодня будет ближе к вечеру доклад по ГУЛАГу. Ничего нового и необычного лично он услышать не собирался и поэтому хотел приехать попозже, уже к ночи.

И.В. Сталин, услышав такие планы, почему-то усмехнулся. Подумал, наверное, что без наркома его подчиненные могут наболтать лишнее. Ничего, они все умные и осторожные, понимают, что рано или поздно придется возвращаться в наркомат и отчитываться перед его главой. Так что он не боялся за такие доклады, нередко бывшие по тематике НКВД, но без

наркома.

Однако сегодня все-таки придется быть. Но слушать не столько доклад, сколько осторожно подглядывать за Хозяином. Если вдруг окажется, что он в хорошем настроении, обязательно обозначить тему великого князя. А самого приготовить и обязать к выходу в Кремль. Не дурак же он, должен понимать, что это будет означать на его судьбе. Ну а если в дурном, то ни в коем случае даже слово молвить о нем нельзя.

При этом Николай Иванович беспокоился не за великого князя, расстреляют его, ну и пусть. Тревожился нарком за самого себя. Карьера (и жизнь) его в последнее время стала такой неустойчивой, что могла рухнуть и из-за такого пустяка. А вот при хорошем раскладе действий этот же герой сыграет очень благожелательно.

Нагруженный такими мыслями, нарком сам пришел во внутреннюю тюрьму, в которой был, несмотря на близость служебного кабинета, буквально несколько раз. При чем сегодня, к удивлению тюремщиков, не на допрос важного заключенного, тех же Тухачевского или Ягоды в прошлом. Нет, сегодня он приехал беспокоиться за нового узника, приказал улучшить его питание, хотя куда уж лучше по нынешним временам! Узнал, получает ли Лубянская тюрьма советскую прессу. Оказывается, выписывает и не по одному экземпляру. Ведь тюрьма это не только арестанты, но и сам тюремный персонал и довольно многочисленный. Газеты, разумеется, шли на курево, ведь папирос было мало, да и дороги они были. Но в красном уголке единственный экземпляр газет успешно отстаивался от боеготового отряда курильщиков. Нарком этим удовлетворился и приказал выделить подшивку обозначенному заключенному.

И не только приказал, но и сам проверил и даже поговорил с заключенным при закрытой двери камеры.

Впрочем, надзиратели ничуть не удивились. Было уже при нынешнем наркоме. И кормили лучше и гулять чаще выводили. Все одно позже всех расстреляли!

Сергей Логинович аккуратно потер переносицу — не от искреннего недоумения и не возможности переварить события, а от быстрой скорости, с которой они пролетали мимо него. Или еще хуже — прямо по нему. А он только успевает гмыкать, да считать их количество и чувствовать болезненные, хотя и не до предела, синяки и шишки.

Когда вчера философски пережевывал свою жизнь в XX веке, как корова траву, лениво, но со вкусом, он даже и не представлял, как эта жизнь в ближайшие дни у него поскачет, как норовистая горячая кобыла, которой со всей дури врезали хворостиной по... Хорошо, пусть будет по заднице, все равно больно и очень неприлично

И не дни, а точнее, дни и ночи, поскольку И.В. Сталин, будучи совой, предпочитал работать ночами почти до утра. И, значит, весь аппарат, а вместе с ней и львиная доля страны будут жить и работать также, как диктатор. Разумеется, скромный арестант попаданец, попав в общую кильватерную струю, не капризничая, переиначил свой прежний жизненный ритм прошлого века.

Впрочем, дело даже не в этом, а в той скорости, в какой он был вышвырнут в эту жизнь. Ведь до этого он скучал и чуть постанывал, как это делают интеллигенты. Немного манерно, немного вычурно, на людей. Страдать на народ, наверное, интересней?

Так вот, Сергей, будучи на прогулке, частично мучился, частично философствовал, прогнозируя скучное ближайшее будущее. Ведь не надо было иметь и больших аналитических способностей, чтобы видеть, что он будет ждать Ежова и от нечего делать страдать.

Как он и представлял свое существование в Лубянке, а ближайшую ночь нарком так и не появился. А ведь обещал, собака! В 22.00 немалая часть узников, повинувшись режимному режиму и деятельности надзирателей, шла спать, или, по крайней мере, ложилась в кровать. Исключение составляли лишь те заключенные, которых отправляли на допросы с мордобитием. Упаси боже такое внимание!

Впрочем, зэк Сергей Александрович в этом празднике совсем не участвовал. Даже в той степени, в какой желал. Речь, конечно, шла не о допросе. Но вот поговорить с наркомом НКВД он бы хотел.

Но, видимо, не судьба. Полночи он валялся на кровати, ожидая Николая Ивановича, хотя понимал на книжном и телевизионном опыте, что, если он и придет (или даже придут его посланцы), то, скорее всего, это будет вторая половина ночи.

Но потом все-таки незаметно уснул, махнув рукой. В конце концов, он здесь в закрытой камере и никуда не денется. И нквдешники никуда по дороге не потеряются, не маленькие. А ему надо спать, следуя общему тюремному распорядку.

Проснулся он только утром, да и то надзиратель с трудом достучался до него, гремя большим ключом по железной стойке.

— Эвон ты какой! — удивился он напоследок, — совсем, что ли, не боишься своего будущего. Крепкие у тебя нервы!

«Никудышные у меня нервы, — молча возразил ему Сергей про себя, — полночи не спал, в итоге голова дурная, как пыльным мешком стукнутая».

Молча, потому как тюрьма — это не та организация, служащим которой можно возразить. Промолчал и ладно, все остались довольны, а он еще цел. Даже мелкие

повреждения, типа синяков и шишек, начали исчезать.

А потом начал работать по распорядку, как и положено арестанту. съел завтрак, потом обед. Пища незатейливая, но где-то сытная. Во всяком случае, нужное количество калорий и микроэлементов он получил и был даже доволен. Ведь в XXI веке он был, в общем-то обычным российским жителем с их супом и вторым. Та же пища, только в будущем разнообразнее, да псевдомясо наличествует. Сергей как бы даже почувствовал себя лучше. Ведь суррогат мяса в виде сои, облитой жиром и есть суррогат. Сытность тут чисто психологическая, а вредность для ЖКТ очень даже объективная.

А так, утром была снова каша, теперь пшенная, в обед — пустые вегетарианские щи и перловая каша. Сюда бы еще мясо или, хотя бы, рыбу, но Сергей понимал, что нечего привередничать. Люди вон голодают — известный голод 1933 года и малоизвестные голодные годы 1934, 1936. Так что паек изрядный, а мясо тебе дадут дома!

Ежов пришел в камеру после обеда, когда попаданец его уже и не ждал. Мало ли что с наркомом стало. Или, наоборот, не стало. Он же в тепле, под крышей и с неплохой кормежкой. Лишь бы только не вспомнили и не расстреляли, а так не самый худший вариант! А тут вдруг нарком, влетел, как неожиданная бабушка.

— Здоров? — вместо «Здравствуйте» сказал главный советский нквдешник, — товарищ Сталин ждет тебя этой ночью. Одежду тебе найдут другую, в местную баню сводят. А пока вот читай, — Ежов мотнул на подшивки «Правды» и «Известия», принесенные местным товарищем. Пояснил: — в Кремле ты должен выглядеть информированным, или, хотя бы, начитанным и знающим положение СССР на международной арене. Иначе о чем ты будешь говорить с Хозяином?

Попаданец Сергей был продуктом российского образования XXI века. То есть всему понемногу на ЕГЭ. Но историю СССР он немножечко знал в рамках самообразования. Та что надеялся, что удивить лидера страны сможет. Сам ход Николая Ивановича ему понравился, ведь теперь он легко может объяснить, откуда он такой умный и всезнающий. Товарищ нарком велел читать! И все вопросы отпадут, ибо в 1930-е годы к НКВД особых придинок не было даже у руководителей страны.

Ежов с товарищем быстро исчезли — нарком, видимо, куда-то спешил, только ветром пробежался, заодно напугал всех тюремщиков на этаже. И исчез, только его и видели. А Сергей сразу же засел за стол — штудировать прессу. Историю 1930-х годов он уже во взрослые годы читал именно из-за И.В. Сталина и сталинизма. Ведь эта тема была актуальна и злободневна даже в XXI веке. И Сергей Логинович очень хотел иметь свою точку зрения, а не колебаться вслед за твердой линией СМИ.

Поэтому, так подумал, кое-что посмотрит, мелочи узнает, но, в основном, время проведет, а то без ноутбука в камере делать было совершенно нечего. А тут хоть какое-то развлечение. Например, посчитать, сколько раз появится в очередном номере фамилия И.В. Сталина, и какова динамика в этом месяце?

Как бы ни так! Первая же газета за сегодняшнее, кстати, число, оглушила посильнее кувалды. Мозги разлетелись по всему помещению! Оказывается, сегодня хоронят Л.П. Берия со товарищи, всего двадцать с гаком человек, если считать еще и экипаж самолета. Но ведь, простите, Берия умер в 1953 году, в ходе политической борьбы, так, кажется?

Э-э-э, вроде бы он хорошо знает историю, во всяком случае, не прокалывается так бездарно. Что это, реальность изменилась? Или, это практическая действительность, эта другая параллель реальности, параллельный мир? И этот И.В. Сталин совсем другой. Гм.

гораздо лучше и благообразно. Или... хуже и сволочнее?

Попаданец, не в силах больше сидеть, нервно прошелся. Пусть тут много пространства, два шага вперед, два шага назад, но хоть успокоится. Вот это новость! Оказывается, его не просто выбросило в прошлое, нет, его выкинуло из современности, XXI столетия, в параллельное прошлое, где почти все то же самое, но не на 100%! Вот ведь не фига се!

Через считанное количество шагов и, соответственно, минут Сергей Логинович слегка успокоился и решил посмотреть еще — нет ли еще каких изменений? Или выпадение из политической реальности это все?

Блиц-исследование новой исторической реальности на примере газеты «Правда» за каких-то часа два и ее газетной истории на протяжении трех месяцев (такая была подшивка) показали, что изменения были больше и они не ограничивались одной советской историей. Иначе как бы объяснить такую шутку — в СССР входила Иранская ССР, при чем неоднократные оговорки показывают — Иран вошел в состав России еще в XVIII веке. Здешний Петр I оказался более удачным?

А уже сталинская действительность опять огорошила, совершенно случайно. В одной небольшой заметке на четвертой странице номера вскользь сообщилось об открытии мемориала погибшим в Гражданской войне большевикам-подпольщикам в Луганске. Среди фамилий был обозначен Н.С. Хрущев, почему, собственно, текст и привлек внимание Сергея. Однофамилец или... в этой реальности Никита не пережил Гражданскую войну?

Больше попаданец различий не заметил. Хотя, разумеется, они были. Нельзя же увидеть все тонкости наугад и вскользь? С другой стороны, параллельный мир радикально не отличался. И.В. Сталин был и даже 1937 год с его кровавыми вакханалиями привел. То есть основное русло развития пусть и не всего человечества, то хотя бы нашей страны идет.

Придя к такому выводу, Сергей озабоченно вздохнул. Так называемые мелочи могут и ему испортить жизнь. Но пока он может только поосторожничать. А что еще можно сделать? Ха, поговорить по этому вопросу с Вождем? Не мелите ерунды, товарищ Романов, работайте! И.В. Сталин и так занят.

Между тем пришел обед, не только питательный, но и неожиданно вкусный. Товарищ Ежов, видимо, не имея другой возможности (или времени), просто распорядился отдать часть закусок со своего стола. В итоге Сергей получил немного колбасы, сыра и даже лимона. Вот это удача!

После обеда попаданец уже не мог надеяться только на себя. Оказалось, что Ежов в бытность свою на Лубянке говорил не только с арестантом Романовым. И теперь совершенно разные люди торопились выполнить его приказы. Это касалось не только обеда, но и одежды. Сергей совершенно зря не обратил краткую оговорку о том, что ему надо немного переодеться перед визитом в Кремль.

Оказалось даже, что это заключенному он только сказал, типа для необязательного ознакомления. А вот начальнику вещевого отдела НКВД Игорю Анисимову был дан жесткий и, как вы понимаете, неукоснительный приказ по этому же поводу.

Анисимов, разумеется, никак не удивился, что обычный заключенный стал объектом внимания целого наркома НКВД. Было уже такое, все же внутренняя тюрьма для особо важных узников. Раз дан приказ, то он должен его выполнить, а рассуждать так или нет, совершенно не его дело.

В итоге, в камеру арестанту Романову (он же попаданец XXI века из другой реальности) ввалилось много народа. И хоть ходили они не в одно и в то же время, но в камере, тем не

менее, не только было места мало. Здесь и кислорода уже не хватало категорически. То есть вентиляция работала, но явно недостаточно, и самому Сергею явно не хватало элементарного воздуха.

Зато великому князю (или попаданцу, как хотите) полученный наряд очень даже понравился. Открытый легкий свитер, иначе джемпер, белая рубашка, интеллигентно показывающаяся в районе шеи, темные брюки и красивые ботиночки. Класс!

Если бы на этом только остановились, то покровительство наркома зэку очень даже понравилось. Однако, Николай Иванович Ежов не только красиво прошелся по тюрьме, но и заметно наследил грязью. А убирать за всем этим пришлось Сергею, что б тебе красивому.

Неизвестно зачем, видимо, чтобы сориентировать подчиненных, но он, даже не посоветовал, а опять приказал, отмыть арестанта Романова и прихорошить его так, как великого князя. И это еще нечего. Но нарком дал примерную ориентировку, как должен был выглядеть этот примерный великий князь.

Сволочь! Собака злая! Он, похоже, соображал в великих князях, как Сергей в марсианах. То есть, здесь что-то слышал, там ему сказали на уровне анекдотов. А он все это понял, как правду и подрепертировал как командную строку! А подчиненные его еще и своеобразно поняли. Там было несколько работников, работавших когда-то, в годы революции, среди золотых буржуйчиков, кокаинистов и анархистов и почему-то принявших их аристократов царской России.

В итоге Сергей весь вечер кое-как отбивался от своих мучителей, пытающихся намазать ему помадой губы, набелить и одновременно нарумянить щеки и лоб и проч.

Это ведь, как надо простимулировать человека, чтобы он, заключенный, начал в тюрьме НКВД отбиваться от нквдешников! Правда не ото всех, а только от подручных И. Анисимова. Но и тогда шум и гам разросся на весь этаж, уже надзиратели толпой собрались у камеры Сергея, требуя объяснить, что здесь происходит и нельзя ли вести себя потише. Тюрьма же, мать его ети!

Сергей до конца, хоть и не полностью отбивавшийся от мучителей, решил, что ему пришел полный амбец. Ведь сила солому ломит и нельзя отбиваться от всего НКВД. В конечном итоге, кто-то из «гостей» вытащит свой наган, а они все были вооружены, и в запале выпустит все патроны, да хотя бы один, ему и столько хватит.

Но надзиратели, увидев арестанта, размалеванного, как клоуна, просто расхохотались. Нет, все они были людьми простыми и даже очень, дворян практически не видели, особенно царского двора, но считали, что по крайней мере, что те вели себя, как богатые люди, например, как заводчики или, хотя бы, как кулаки в деревне. Но ведь не как клоуны «Шапито» на выступлении!

В результате, ссора пошла уже среди нквдешников. Надзиратели были, как один, все в нижних чинах, подчиненные же Анисимова, как работники центрального аппарата, наоборот, в командирских званиях. Стоило одному из них просто приказать, как все бы закончилось, а строптивного заключенного скрутили бы сами тюремщики.

Но в пылу спора этого никто не понял, надзиратели были в своей сфере, а сотрудники Анисимова выполняли, казалось бы, знакомую работу. И нечего тут рассусоливать господатоваарищи!

В конце концов, один из них, кажется, все-таки из работников центрального аппарата, ответственный сотрудник отдела, громко сказал приказным тоном:

— Строить тут порядки может тот, кто хоть видел великого князя. Кто видел хоть

издалека один раз?

При этом сам он считал, что прав исключительно он, ведь неоднократно видел всю эту размалеванную толпу, приезжавшую и отъезжавшую в Мариинский Театр. И все они были, по крайней мере, в таком одеколоне, что дух сводило!

Но неожиданно громко среди общей тишины высказался сам заключенный, о котором, в общем-то, в массовом шуме все забыли.

— Я видел, уважаемые товарищи, — спокойно сказал он неопишущую ересь. Ведь сознательный большевик видел аристократов лишь в прорезь прицела своего оружия во время расстрела. Впрочем, он ведь сам был врагом!

— И где ты его видел? — уже по инерции спросил ответственный сотрудник, понимая, что тот тоже скажет, что лицезрел на улице Петрограда, то есть еще Санкт-Петербурга, на подходе к театру, на выставке, на каком-нибудь торжественном мероприятии. Много их было тогда в старой столице. Но обязательно издалека и одновременно. А как еще иначе!

Однако арестант ответил несколько другое, совсем неожиданное:

— Так каждый день смотрю на себя в зеркало, особенно когда бреюсь, — спокойно отбрил он нквдешнику центрального аппарата, — разрешите, наконец, представиться — великий князь Сергей Александрович к вашим услугам!

Подчиненные Анисимова, которые до того спокойно мяли его и толкали, были отброшены, словно взрывом. И Сергей увидел, что как бы и не классовой ненавистью, а скорее наоборот, льстивым подчинением. Ведь одно дело громко классово ненавидеть на расстоянии, а совсем другое стоять рядом со спокойным великим князем, так непохожим на изображение карикатур ТАСС.

Даже сам Анисимов тревожно зачесался. Нарком-то недавно ему приказал, но как-то неуверенно, уж его-то оттенки тона он понимал очень четко. То есть он сам до конца не верит в то, что твердит. А как товарищу Сталину не понравится? Сдаст ведь сразу гражданин нарком, даже не раздумывая, сволочь. И крайним будет в данном случае он, начальник отдела. Ежов спокойно приказал и уехал в Кремль. А он, получается, неправильно понял и принял.

Ха, а если Николай Иванович всего лишь передал мнение Хозяина. Тогда как? А-а, сто бед, один ответ!

— Ты это, гражданин Романов, — попросил он от безвыходности у зэка, — ответь мне просто — великие князья мажутся, как бабы, или нет? Четко и кратко — да или нет!

Заключенный ответил сразу, видимо, это было в порядке вещей:

— Ели кратко, — безусловно, нет. Обычные же мужики, понимать надо. А если вообще, то некоторые используют, но только на великокняжеские рауты. У товарища Сталина раут, нет? Так что же вы меня так подставляете?

Непонятный заключенный задал опасный вопрос, на который Игорь Анисимов ни за что не хотел отвечать. Вместо этого он обрушился с матерщинной руганью на подчиненных. Показывая тем самым, что он не с ними, что все это их самодеятельность, за которую он может сам наказать. А уж нарком, если захочет, так им набьет!

Подчиненные, уже тихие и боязливые сгрудились около умывальника тюремной камеры, уж как они смогли встать вдесятером, не менее, на этом крохотном пятачке. И оттуда смотрели кучей испуганных глаз.

Наведя порядок, как он это понимал, среди своих, Анисимов спросил уже у Сергея:

— На одежду претензии какие-то есть?

— Нет! — твердо ответил Сергей и гордо покрутился вокруг своей оси. В отличие от покраски, наряд нему очень понравился. Умеют ведь, когда хотят и когда знают!

— Пошли! — коротко приказал своим людям Анисимов, на всякий случай, он все-таки здесь старший, дал указание надзирателю покормить ужином и уже в конце, даже не приказал, посоветовал, пусть и командным тоном: — ждите, гражданин Романов, ночью за вами придут. Не марайте и не мните одежду!

Глава 8

Такое внимание, дотошное и даже надоедливое, через короткий срок чрезмерно надоело и утомило. Кровать Сергею была днем недоступна, надзиратель еще раз напомнил об этом, пусть и мягко и без угроз карцером. Узник стал теперь очень важным, но все равно оставался заключенным. Пришлось сесть за стол и, устало выгнувшись над столом, дремотно вздохнуть.

Настоял все-таки на своем, не дал красить лицо. Он же не гей и, тем более, не женщина, а СССР не долбаный Запад, что смеяться понапрасну? Но и стоило это ему много нервов. Очень много. Нет, с другой стороны, сталинские репрессии в чем-то были здесь полезны, силовые структуры нашей страны до сих пор, как черти ладана, боятся сексуальных извращений. Как в конце 1930-х годов гомосексуалистов извели, так только в глубокой тайне и заводятся.

Только вот масштабы очень изрядны. Так ведь и никаких людей не хватит, даже великих князей, мда-с. Соревнование, кто раньше потратится — люди или патроны, люди, конечно, проиграют. Да и неправильная эта игра. Соревнуйте лучше на счет детей. Очень умилительно и полезно, а молодым людям к тому же еще весьма нравятся.

Некоторое время он откровенно дремал. А как быть? Устал, перенервничал, опять же воздух тяжеловат и углекислого газа много. Тут и здоровых и неутомленных людей в сон тянет. А уж тем более усталый заключенный.

Появление ужина, тем не менее, всегда является хорошим стимулом для активной жизни. Сергей живо поставил тарелку и кружку на пластину окошечка двери, которое для этого, в общем-то, и было сделано.

Не стоит тянуть со временем, разносчик пищи — не работник кухни, такой же заключенный, просто чем-то понравившийся, или, может быть, показавшийся начальству надежным, может и уйти. да и хочется уже кушать, честно говоря.

Собака Павлова, куда уж там. Не было пищи — не хотелось. Появился сигнал — шум легонькой тележки — сразу захотелось. И что к чему рассуждать, как в частности, человек — биологическое существо. Ну а остальное им уже придумано. Не веришь? А поставь на стол перед ним чашку супа или каши, а потом определи какую-то арифметическую задачу. Многое он решит?

Поставил на стол вожделенную пищу. Сегодня на ужин была ячневая каша, чай и кусочек черного хлеба. Да, разносолами в тюрьме не балуют. Суп так обязательно из капусты, при чем квашенной, даже летом. Редко-редко бывает уха из соленой каспийской селедки. А на второе бывает зерновая каша, по-разному приготовленная и из разных культур, но, тем не менее, лишь из зерна. Гороховая, гречневая или просяная каша не бывает никогда, так же, как мясо или рыба (про молоко совсем не говорю). Даже овощей не увидишь, кроме квашенной капусты, а картофель только в супе и лишь понемножку, для вкуса.

Да, сталинские великие реформы. И хвалишь их, и ругаешь, а сядешь жрать за стол, так только руки разведешь. Ведь и масла нет. Не животного, бог с ним, мне бы подсолнечное или конопляное, но увы...

Но вот само приготовление уже вызывает только сплошной позитив. Профессионалы повара и не учатся на заключенных. Ничего у них не подгорает и не бывает непроваренным. Хорошая пища.

Сергей Логинович черпанул полную ложку каши и положил в рот. Хорошо! Крупа и вода с щепоткой соли, а все равно приятно. Тело-то ведь правильно реагирует. Простая, но экологичная пища, без химии и не нужных разносолов. Берешь немного и нехитрая еда, зато дольше проживешь, если не расстреляют ненароком.

А вот чай опять вызвал рекламацию. И ладно бы грузинский, на уровне ободьев и дубинок чай, но ведь и сварен неправильно. Кофееды, что ли, повара, кофепийцы? Или кровопийцы, хе-хе? Попытался поговорить с очередным разносчиком, или даже с надзирателем, отказались даже слушать. Не положено, говорят.

Ну не положено, так не положено, будем молчать. Хотя хорошего чая неплохо бы выпить. Куда ведь еще попадешь отсюда, на Севера или, вообще, на кладбище. Сейчас это легко. И сам не поймешь, мертвым окажешься. Как говорил покойный Алексей Дуринцев, статистическая погрешность и ты уже покойник. А тут целый великий князь! Толи враг, толи экзотический вредитель, раз в Лубянку попал.

Думая, так и не понял, как все съел до крошки, до последнего глотка невкусного чая. Вымыл посуду, а, точнее, прополоскал. Больше в холодной воде ничего не удавалось. Впрочем, видимо, на кухне баки, кастрюли и прочее общее мыли более тщательно, в горячей воде. Во всяком случае, болезней желудочно-кишечного тракта Сергей за своим бранным телом не чувствовал.

Теперь что же, все нехитрые заботы сделаны, а впереди целый вечер, видимо пустой. Подшивки газет, к сожалению, у него уже унесли. Похоже, решили, что хватит. А если не успел почитать, то они не виноваты. Вот ведь прохиндеи!

Хотя в чем-то они правы. Так или иначе, Хозяин Кремля и страны теоретически этой ночью его ждет. Не дай бог не ждет, прокляну! Еще одну ночь без сна, нервничая, бр-р! Врагу не пожелаешь, а не то что себе. Но и встречу в Кремле тоже не стоит ждать, как автоматическую панацею. Сам, своей головой ищи выход, благо подарок ему от этого кульбита может быть большой — аж целая жизнь, причем своя.

Сергей присел за столом поудобнее, заставил себя ожить. Пусть дремотная ночь, а мебель к полу прибита (условно, может быть и привинчена). Все одно ее не сдвинешь, а поскольку она расставлена под разную комплектацию, в том числе большую, а он все-таки худой, то, как не дергайся, а, сидя на стуле, до стола, как до Шанхая... вот-вот и это частью тоже. Или, хотя бы, головой дотянутся.

Дотянулся. Заодно положил на стол руки и переднюю часть тела, как вы понимаете. Правда искомую заднюю часть туловища, которая все еще предположительно идет до Китая, в итоге едва положил на кончике стула. Но ведь положил. Ты, главное, ненароком не шлепнись на пол. Тут хоть все близко, но все равно будет больно. А если ты еще подерешься с тюремной мебелью, то вообще кирдык. Идти к И.В. Сталину попаданцу сам литературный канон темы велел, но на большой бланш на лице никто не указывал.

Ух, приземлился! Теперь подобрать какую-то классическую музыку, не обязательно трагическую, достаточно строгую, торжественную. Так, Чайковского хватит? Обычно предполагают Шопена или Вивальди, но я предпочту отечественного автора. Тем более, он не только россиянин, но и земляк по малой родине.

Парам-па-пам! Парам! Перейдем к генеральной тематике. К И.В. Сталину мне придется перейти не как попаданцу, а как обычному современнику, хоть и с экзотическим статусом. Великий князь в советской действительности, это уже транспарантно к попаданцу изумительно. Будто стакан водки выпил и пошел лекцию студентам читать, м-да!

Парам-парам. Что-то меня в сторону затянуло. Так вот, пресловутую командирскую башенку на танк тебе впаривать Вождю не удастся. Тематика совершенно не та. Ведь быть классовым врагом к И.В. Сталину быть нехорошо, расстреливать при нем будут скоро и массово, но сумасшедшим окажется еще веселее. Ужас!

То есть, отойдя от стеба, это от нервов, ничего не поделаешь, а в Кремле придется говорить исключительно по великокняжеской тематике. Конкретно, что надо Хозяину? Разбрасаем по направлениям:

— Великий князь в СССР. Трагикомический сюжет. Может быть, нквдешный Анисимов был и не так не прав и под эту тематику лучше смотреться трагикомическим клоуном? Эдакая Мистерия-Буфф в сталинском переложении.

Но диковинная зверушка может и станет смотреться, но недолго. Без актуальной подоплеки это на пару минут разговора. Между прочим, милейший Николай Иванович предусмотрел все варианты. Вначале милейший, но экстравагантный для советского человека внешний вид. Одежка-то вся еще царского периода, сейчас такую не производят. Но устаревшей она не выглядит, даже наоборот. С точки зрения попаданца, наряд на нем не 30-х лет XX века, а скорее конца того же столетия. Интересно, а вроде бы к началу 2030-х годов такие джемперочки и белые рубашки над ними опять становятся модными? Хм!

А вот потом товарищ Ежов, пардон, для меня он гражданин Ежов, с ходу перескакивает на другой, не менее актуальный, а, значит, интересный сюжет. Газетку он не зря намедни показывал;

— Великий князь Сергей Александрович, как один из вероятных претендентов на императорский престол России. Для СССР, точнее для господствующей номенклатуры интереса он внутри страны не представляет. Но внешнеполитический вариант является прелюбопытным. Особенно с учетом сталинской дипломатии наладить отношения хотя бы с отдельными странами.

Однако, перейдем по порядку.

— Сергей Александрович, как возможный претендент на императорский престол и экономический базис. М-да. Вообще, тема для будущего разговора. Императорская семья имела имущества в личном и государственном отношении на миллиарды золотых рублей. Тех еще рублей. Современные нувориши с их наворованными миллиардами нервно курят. Но и только. Однако, перекурив, можно понять, что на сегодняшний день Романовы только теоретические наследники. Как только они внутри страны объявят претензии на имущество, то их сразу расстреляют. Максимум, на что надеются господа в Европе и товарищи в СССР так это передел в противоположном лагере. В этом отношении Романовы лишь становятся флагом, но не собственниками.

В этом отношении, как мне кажется, лучшим выходом является открытый и бесповоротный отказ от дореволюционного имущества. Но что интересно, хе-хе, материальная база настолько большая и разнообразная, что даже если он, великий князь и император России, откажется от всего этого, то все равно крохи на какие-то миллионы золотых червонцев ему останется даже по юридическим нормам СССР. То есть получается любопытный цугцванг: с учетом двух враждебных, но заинтересованных сторон, отказываться от прав на имущества Романовых нельзя, противоположная сторона сразу захапает. Но и юридически признавать невозможно, поскольку государство в этом отношении отмечает и ценности лично Романовых.

В другой реальности из моей родимой, откуда я родом, государство сумело молча

прикарманить романовское имущество. Хотя и там, в конце концов, российские власти в середине XXI века, скрепя сердцем и другими органами, все-таки признали по чуть-чуть.

А в этом мире, с учетом наличия попаданца, можно постараться получить побольше, хотя бы не сразу. Но, между прочим, уже при И.В. Сталине, а не через сто лет в будущем;

— Великий князь и император, как фактор международной обстановки и внешнеполитической инициативы СССР. Вот здесь можно и поактивнее. Но опять же, чтобы не нервировать Хозяина, отдать ему инициативу. А ведь многого можно добиться!

Запад и Восток на сей момент оказались в зловещем тупике. И он тем более тяжелый постольку — поскольку господствующие классы это понимают, но ничего сделать или ничего не хотят или не могут. Знакомая ситуация, не правда ли?

Ведь враждебность между лагерями осталось, причем не просто идеологическая, она уже понемножку смягчается, а геополитическая, и она была и будет категорически всегда. Но ведь вражда враждой, но и сотрудничать тоже надо. И торговля может быть не только, как фактор внешнеполитической борьбы, но и взаимовыгодной.

И пусть идут обиды со времен Гражданской войны, но это прошлое, а в современности появляются новые актуальные проблемы и надо бы консолидироваться, но как? Обе стороны имеют трудности внешние и трудности внутренние, которые цепляют и ноги, и руки, сдерживая движение вперед. А тут великий князь, как новая сила и некий таинственный посредник;

— И, наконец, третье, не самое внятное и видимое, но без которого не может быть и первое, и второе. Режим И.В. Сталина на протяжении 1920-1930-х годов, как совокупность взглядов лидера страны и партии, диктатора, хоть это и встречает ряд возражений, постепенно изменяется, что дает в политической и экономической сферах медленную тенденцию от партийной общей диктатуры к непартийной личной. Конкретно говоря, И.В. Сталин переходит с большевистской классовой позиции к патриотической государственной.

Опять же в этом отношении великий князь Сергей Александрович не просто может, а должен встать на позицию патриотической аристократической силы. В прошлой реальности Вождь давал подобные сигналы, особенно в годы Великой Отечественной войны, но их некому было принять. Монархический лагерь, прежде всего, Романовы, оказались разобщены и, в принципе, не существовали и как политическая сила, и как физические персоны. А тут вот он, милый и скромный!

Сергей Александрович аж вздрогнул, когда в звенящей тишине вдруг громко щелкнул замок двери его тюремной камеры. За столом он постепенно, идя на пути мыслей, перешел в незаметной дремоте, толи мечтая, толи создавая хотя бы в голове приятное будущее. А реальность неожиданно громко разбудила.

Сколько же времени? Судя по немоте тела и приятной тяжести в голове, часы незаметно протикали и ему надо идти в Кремль. Или его должны были отвести под конвоем, что в данном случае одно и то же.

В проеме двери он увидел двух незнакомцев. В военной форме, но не в НКВД. «Этс точно за мной», — понял Сергей. Рискнул, спросил шепотом у надзирателя:

— А который уже час?

Тюремщик поморщился — говорить ему с заключенным не то что не хотелось, было категорически нельзя ведомственными инструкциями. Но ведь и спросил он, в общем, пустяк. И он тоже шепотом и незаметно от кремлевских посланников сказал:

— Третий час уже, поторапливайтесь!

Вот это он, так сказать, поспал! Или пребывал в мечтательных эмпиреях? Но все равно сумел отключиться!

Хотя надзиратель его мягко, но настойчиво поторапливал, он нашел возможность накоротке умыться холодной водой и плотно утереться суровым полотенцем. Да ему выдали сегодня полотенце! Простое, холщевое, в черными штампами казенных печатей НКВД, но ведь выдали! Так то арестантам обычно не давали, не положено! О воздух вон сушите кожу, не बारे. Но тут нашли исключение, а он немедленно нашел ему применение, ведь на прием к И.В. Сталину надо явиться чистым и одухотворенным!

В отличие от надзирателя, кремлевские посланники его не торопили, но, увидев, что он готов, задерживаться не стали. Сергею это понравилось. Раз вежливо, значит, имеют соответствующие инструкции. Это хорошо, по крайней мере, мордой о стол его не встретят. Ежов, какой бы нечистоплотный он не был, пока работает чисто и эффективно. Хотя расслабляться ему не следует, но спасибо Николая Ивановичу он должен сказать.

И опять темные непонятные коридоры, постоянно блуждающие и уходящие в сторону, меняющие друг на друга. Постоянные посты, не задерживающие спутников, и его самого, скромного узника, в этот раз направляющегося к самому Вождю. А в конце автомобиль, но не тюремный угрожающий «воронок». А изысканный, хотя и внешне тяжеловатый «Мерседес». На нем и поехали, хотя от Лубянки до Кремля расстояние небольшое.

Впрочем, «Мерседес» был красив, но вот ехать Сергею не понравилось. Его посадили на заднюю скамейку и с обеих сторон подперли телами спутников. Так, что и не пошевелишься и даже глубоко не вздохнешь. Ладно хоть ехали недолго, считанные минуты. А потом вновь скорая ходьба. И вот уже известные помещения и приемная с А.Н. Поскребышевым.

Здесь к нему подошел очередной незнакомец, коротко, одним движением отсек спутником Сергея. Тяжело, но коротко осмотрел посетителя.

«Начальник охраны Вождя Власик, — понял попаданец, — значит, правильно иду, не расстреливать ведут».

Власик, небольшой, плотный, с большими залысинами, и не думал останавливать его. Лишь посмотрел в пару секунд, все ли в порядке, не угрожает ли жданный гость Хозяину и мотнул головой: — «Иди»!

Все, он пришел к И.В. Сталину!

Знакомый по многочисленным телефильмам кабинет И.В. Сталина был одновременно в чем-то непохожим и даже чужим. Или натура другая, или режиссеры по своему одушевляли обстановку, привнося каждый свое. Или, опять же, он помнит фильмы о войне, а это уже более поздняя пора.

— Проходите, товарищ Романов, что вы застряли около входа, — раздался вроде бы добродушный голос хозяина кабинета. Хозяина! Говорят, И.В. Сталин знал о таком своем прозвище, но относился к нему спокойно, как констатации зримого факта. А вот то, что лидер страны назвал его товарищем, сразу же успокоило попаданца. Значит, тот не отделяет его от остальных! Не господин, и, тем более, гражданин. Товарищ!

Однако, что-то он действительно замер у порога, это даже не вежливо для Вождя и его посетителей. Хотя, кто был кроме И.В. Сталина, Сергей, честно говоря, и не видел. Вожде притягивал к себе полностью, без остатка.

Тем более, самому И.В. Сталину надоело смотреть на великого князя из глубины кабинета и он сам, не дожидаясь, пока такой необычный гость, наконец, соизволит приблизиться, подошел и вблизи, не стесняясь, осмотрел Сергея Александровича.

Плоды деятельности сотрудников вещевого отдела НКВД его удовлетворили. Он одобрительно что-то произнес, то ли по-русски, то ли по-грузински, то ли просто хмыкнул. Потом положил трубку — левая у него, полупарализованная, было ограничена в движениях, приходилась во всем полагаться на правую. Так вот, не говоря ни слова, он просто взял Сергея и силой провел его вглубь.

— Ты же великий князь, — в шутку, но в то же время неодобрительно произнес Вождь, — белая кость. Будь смелее!

— Кем ты работаешь сейчас? — вдруг раздался еще один голос. Сергей посмотрел, пелена с глаз упала, он увидел, что помимо Хозяина, в кабинете был его ближайший соратник В.М. Молотов, бывшим тогда председателем Совета Народных Комиссаров. А ближе к выходу за отдельном столике сидел Н.И. Ежов. Нарком НКВД, похоже, делал свой каждодневный доклад о деятельности своего наркомата, но совсем не возражал, что его на полуслове прервут. Даже, по сути, обрадовался.

— Я осмелился приодеть его за счет НКВД, — пояснил Ежов, объясняя наряд великого князя, — все-таки он теперь так сказать, наш питомец.

Вот как это сейчас называется! — удивился Сергей, — но он бы хотел быть подальше от таких «забот». А то ведь от них и умирают ненароком и даже без расстрела. Он вспомнил допросы Дьяконова и его коллеги, вздрогнул.

Теперь он чувствовал внимание сразу трех человек. Надо было ответить сразу троим, больно уж должности у них были высокие. Молча медленно крутанулся, отвечая на слова наркома. Ответил Молотову, который все ждал ответа на свой вопрос:

— Я работаю рабочим на одном из московских заводов, Вячеслав Михайлович, горновым сталелитейной печи.

— Однако, это же сложно! — удивился Молотов, — вот что делает жизнь — от великого князя до сталевара!

Молотов не только удивился, он еще и одновременно откровенно подколот, но Сергей не обиделся. Попаданец XXI века, он тоже обдуманно считал, выбрав из общего списка. Егс

реципиент, если уж выбирал из реально существующих профессий, до которых его допустят, мог выбрать только из специальностей сталелитейного цикла. А вот дворником он бы постеснялся быть, как и продавцом.

Впрочем, ответил он председателю СНК немного по-другому:

— Я ведь еще молод, товарищ Молотов, ровесник Великого Октября. Жизнь великого князя до революции, как и всю эту прошлую жизнь, я не знаю.

— Но мать или отец вам рассказывала, не так ли? — подпустил свои пять копеек Николай Иванович из своего ближайшего далека.

Сергей мысленно напрягся. Судя по оживившимся лицам, внимательным взглядам, тема их очень интересовала. Сергей Александрович и сам бы поддакнул, на этот раз ему надо было подтвердить свою связь с императорской семьей. Ведь И.В. Сталин относился уже к дореволюционной истории с определенным пиететом. Или еще нет, м-м?

Но он уже сказал наркому Ежову другую версию своего прошлого и не надо провоцировать его к подозрению. Николай Иванович, хоть и лично ему неприятен — гомосексуалист, да еще нквдешник, по руку замазанный человеческой кровью, но как профессионал он силен. Наверняка он хорошо помнил тот ночной разговор за чаем и в случае разночтения к нему вернется за допросом. И, может даже, за мордобитием, Ежову этим не удивишь. Поэтому пришлось вновь доложить, что от царского прошлого он сможет сказать только немного. Отец ушел из семьи еще до революции (правда), от него ничего не осталось ни безделушек, ни воспоминаний (почти правда) и куда он ушел он совсем семье не сказал, а потому дальнейшая судьба его скрылась во мгле (совсем не правда).

И, кстати, собеседники его, опытные и своего рода циничные, совсем ему не поверили, что даже было на этот раз хорошо. Ежов, судя по мимике И.В. Сталина и В.М. Молотова, дела отрицательные знаки, мол, не верьте, не то он говорит. Сами политики, закаленные в борьбе только молчали, видимо, не желая накалять обстановку.

В этом, между прочим, помогал им сам великий князь. Конечно, как им говорил сам царь, сотрудники НКВД ему помогли подобрать одежду из закровов комиссариата. Может быть, вряд ли в семье все это было, особенно такое свежее и готовое. Но вот надеть эти наряды юноша в короткий срок не смог бы, тут даже не стоить говорить.

Но И.В. Сталин не сердился, не гневался на молодого человека в 20 лет с небольшим. А чтобы он это сам понимал, Вождь предложил попить чаю. Сергей только мысленно кивнул головой. В то, что Хозяин случайно и гостеприимно предложил попить чаю и к нему предложили лимон, попаданец не поверил сразу.

Скорее всего, его хотят окончательно попопалиться и на этом убедиться, что он великий князь и по крови и по воспитанию. И он явно поможет, и как великий князь, и как попаданец. Во всяком случае, высокие большевики убедятся, что он точно не их современник из обычного народа. Вслух же он сказал:

— Не думал, что у нас в СССР есть еще живые великие князья. Хм, молодой человек давайте, посмотрим, какой вы?

Как хорошо, что сам Сергей хотел доказать, что он не простой москвич пролетарского или крестьянского происхождения. Ведь это говорить можно сколько угодно, что он типичный советский гражданин с грубоватой и даже примитивной культурой. Но перекрыть себя из россиянина XXI века в советского жителя с соответственного огрубления бытовых привычек и воспитаний он бы не смог.

И это сам понимал, всего-то лишь взяв ложечкой кусочек лимона. Очень уж получалось

не по пролетарски. И, тем более, в отличие от остальных, он пил чай с одной ложечкой сахара и с лимоном, взяв аккуратно и вежливо ломтик сыра.

И.В. Сталин смотрел на него одобрительно и даже с восхищением. Самому хотелось пить и желательно так же, как великий князь. Николай Иванович, сев к чайному столу с хорошим настроением — его, наконец, угощали в Кремле с подачи Хозяина! — быстро посмурнел. Ведь он сидел рядом с великим князем и сравнение было не в его пользу. Как изыскано и утонченно пил чай этот молодой дворянин, и как грубовато потягивал сам нарком!

И даже не то, что пролетарская культура была политически выше, и классово он был подкованнее. Но чай он просто пить не мог. Ежов с каждым глотком, с каждым сравнительным взглядом Хозяина проклинал себя. Ведь было у него немного времени и можно было затащить в свой кабинет на Лубянке просто попить чаю и заодно поучиться дворянским обычаям.

Поленился вытащить этого юнца с этой чуждой классовой и, в общем-то, враждебной, но очень изысканной и красивой культурой питья чая. А сейчас вот приходится краснеть и смущаться перед самым И.В. Сталиным! Сам Хозяин, кстати, классовой линией не заморачивался, великокняжеские тенденции чаепития ему явно нравились. И он положил себе в стакан тоже только ложку сахара, а потом, поколебавшись, еще и кусочек лимона. Обалдеть, не встать!

В отличие от Ежова Сергей, немного освоившись, просто испытывал некое удовольствие от кремлевского чая. Причем блаженство испытывали обе части сознания — жителя XXI века и великокняжеского представителя XX. И от этого получился просто кайф!

Молчали и пили. А потом снова пили и молчали. Сергей чувствовал, что Вождь искренне прибалдевал, а вот В.М. Молотов сначала немного заставил себя искать удовольствия. Затем-то и он радовался жизни. Только Ежов во время чаепития испортил себе настроения. Это понял не только великий князь, но и сам Вождь. Правда, с другой стороны, с насмешкой отметив, что водки на столе еще нету, так что придется потерпеть.

Но все когда-нибудь кончается, а чай не водка, много не выпьешь. Вождь с некоторой неохотой отодвинул стакан. Это послужило знаком и остальным, в том числе и самому великому князю Сергею Александровичу. При этом он еще и напрягся, понимая, что период чудесной экзальтической зверушки у него проходит. А что дальше? Продолжится разговор или И.В. Сталин отправит его отсюда дальше с затуманенным будущим?

Фу-ух, Хозяин решил еще поговорить, хотя зверушкой он еще быть не перестал, но Вождь, по крайней мере, ищет в слух. Взяв и неспешно закурился трубкой, он спросил у гостя:

— Сергей, ты у нас уникал — и великий князь, то есть привилегированный осколок царского прошлого, и советский гражданин из настоящего. Не хочешь соединить их в красивое и полезное общее?

«Гип-гип ура! Хозяин, кажется, ищет мне применение?! Только бы он не почувствовал, что идет по его наводке. Тогда мне хана, И.В. Сталин этого не простит и из принципа зароет, пристрелив наркома Николая Ивановича Ежова и его приспешников. Ха, придется включить режим малолетнего придурка! Сделав соответствующее выражение мечтателя — романтика, он азартно выпалил:

— Товарищ Сталин, я буду хорошим сталеваром и стану давать повышенные сталинские плавки во имя счастливого социалистического будущего!

Сказал и остановился, глядя взглядом радостного дурочка. А сам насторожился, не дай

бог согласится!

К счастью, И.В. Сталина такой вариант не устраивал. Для экономики эти усилия ничего не давали, а пропагандистская польза оказывалась двусмысленной и противоречивый. К тому же он имел несколько другой вариант будущего. Пыхнув дыма из трубки, Хозяин отрицательно покачал головой:

— Сергей, ты включаешь только свое положение советского гражданина. А я просил тебя соединить еще и великого князя.

Попаданец немного подумал, исключительно для сидевшего напротив Хозяина, потом с физиономией «проснувшегося» и «сообразившего» сказал медленно думая:

— В «Правде» на днях была большая статья об империалистических аппетитах. Затем товарищ Ежов наемни говорил мне о положении в семье Романовых. Я так понимаю, мне можно там подняться?

Сказал и остановился. Дескать, я только предположил, но делать буду так, как вы скажете.

И.В. Сталин удовлетворенно пыхнул трубкой:

— Вы, товарищ Романов, еще молоды и жили при советском строе. Счастливчик! Но что теперь делать, раз вам не повезло родиться в великокняжеской семье, а ваши родственники еще живут. И более того западные империалисты всю стремятся использовать романовскую карту, сволочи!

Хозяин остановился, вдруг так стремительно и остро глянул на попаданца, что у него поджилки дрогнули, ладно уж он сидел. И.В. Сталин его в чем-то заподозрил? Гневается?

Но Хозяин улыбнулся, показывая, что к самому Сергею Александровичу он претензий не имеет. Медленно проговорил:

— Тебе, Сергей, придется играть на прежнем великокняжеском уровне. Раньше мы напропалую отвергали все претензии Романовых и их хозяев. Идеологически это правильно, но пассивный фронт имеет и ряд недостатков. Так, товарищ Романов советский?

Сталин остановился, разжигая потухшую трубку. Одновременно он смотрел на великого князя — понимает ли, что от него он хочет?

Попаданец на это поднапрягся. Вот он, фокус преломления, от которого он и должен дальше идти. Вождь, которому уже давно тесновато в классовом поле, показывает направление, по которому он может идти. Лишь бы ему не уйти дальше, чем положено!

— Я так понимаю, товарищ Сталин, что мне надо отбиваться в экономической и политической сферах. Но как далеко мне идти, ведь речь идет о притязаниях на императорский престол России!

В разговор вмешался В.М. Молотов, заговорив в грозном и обидном для Сергея Александровича тоне:

— России уже нет, молодой человек, есть могучий и вечный СССР. Ясно?

— Ясно, — подтвердил Сергей, даже не подумав обижаться.

— Ну а поводу вашего вопроса, то можете не скромничать. Строй у нас советский, социалистический, но от императорских элементов мы не отказываемся. Так, Вячеслав?

Молотов немного помолчал. Если бы ему сказал кто-то другой, тот же самый великий князь, то он бы встретил эту мысль в штыки. Но раз говорит сам И.В. Сталин...

— Да, Коба, и надо сказать, часть населения, особенно сельского эти слова примет сгоряча.

— Так, — кивнул Хозяин, — помните, Сергей, мы сугубые железные большевики и с

нашего истинного пути нас никто не собьет. Но, с другой стороны, мы видим объективные трудности и реальности, которые мы должны преодолеть с хорошей эффективностью для государства и полезностью для населения. Понимаешь, Сергей Александрович?

— Более или менее, — кивнул Сергей, впрочем, не так твердо. При этом эта относительная твердость проистекала не из неуверенности попаданца, а глубины мысли самого И.В. Сталина. В прошлой реальности он только слегка подвинулся теоретическом отношении, и далеко прошел, но в общем направлении на практике. Ведь диктатура — эта современная монархия, что бы вы не говорили. Но все же вслух об этом широко и громко не говорили, что позволили преемникам вопрос подвесить. Но, между прочим, советские генсеки и последующие президенты современной России не много отличались от средневековых российских монархов. И что мешало большевистскому генсеку (потом просто секретарю (ВКП (б)))? Ряд факторов, в том числе субъективный — отсутствие легитимного претендента.

В иной реальности, в которую Сергей Логинович не просто попал, но еще и в теле великого князя, положение радикально изменилось. И теперь И.В. Сталин, оставшись секретарем ВКП (б) и подпираясь большевистской идеологией, может к началу войны оказаться не только председателем СНК. Нет, он может даже стать регентом, а император при его жизни будет, грубо говоря, марионеткой. Зато после его окажется полновластным монархом. Лишь бы И.В. Сталин не сомневался и шел твердым путем!

Все это пролетело в голове одновременно, но отметились на лице великого князя. И, видимо, Вождь это отметил и ему что-то не понравилось. Ледяным тоном он посоветовал:

— Только не думайте понапрасну все эти гнусные мысли о монархическом будущем. Его все равно не будет!

— Все будет только так, как вы будете, товарищ Сталин! — буквально поклялся Сергей, — без вашего согласия я и шагу не сделаю!

— М-гм! — уже мягче откашлялся Хозяин. Поинтересовался у великого князя: — что вы хотите делать дальше?

— Дальше? — сделал вид, что задумался Сергей, хотя на самом деле в голове уже все было разложено, — перво — наперво, надо объявить, что я есть и четко объявить об отношении к Советской власти и к коммунистической власти. Объявление от моего имени, я думаю, может дать идеологический отдел ВКП (б).

В.М. Молотов, уже собираясь оборвать молодого нахала, после упоминание об идеологическом отделе партии задумался. Кажется, этот молодчик и не так плох, как виделось сначала.

— Ты смотришь далеко вперед, Коба, — признался он, — но, видимо, пока неплохо!

Вот и осень прошла, только этого мало!!! Ну, или как-то так, не помнит он точно песню. В этой реальности осенняя пора еще не прошла, да и душа его попаданская резко показывает на «ясно». Одно понятно — в ближайшее время его не расстреляют, а, значит, как говорил бедняга покойный Алексей Дуринцев, в статистическую погрешность он не попадет.

Хотя встреча с И.В. Сталиным пусть и принесла большие результаты, но ежесекундные итоги не дала. Парадоксальная картина — великий князь в советской стране — заметно смягчилась. Причем сам Вождь этого и не хотел, но, как политик, он сделал все, чтобы получить максимальные результаты. Великий князь был вписан в большевистское государство, но одновременно для всего мира он отделился от него. И в первую очередь из-за того, что сам мир психологически не сумел вписать в свою картину мировоззрения — великий князь в СССР.

А вот И.В. Сталин смог. Как понял Сергей, именно с его подачи великий князь вписался в советскую реальность, а не просто уничтожен. Ведь не только Н.И. Ежов — тот сам собой, хоть и нашел Сергея Александровича и сумел получить от этого дивиденды — но в итоге видел будущее только в расстреле. Истинно ведь — нет человека, не проблемы. Но даже представитель СНК В.М. Молотов с его большим практицизмом, но одновременн узколобостью видел великого князя не больше чем тюремным писарем в Верхоянске.

Вождь же увидел иную, очень большую и эффективную перспективу. Великий князь именно с подачи И.В. Сталина стал Романов-Советский (хотя саму фамилию придумал Сергей). И теперь в течении неделю — другую громко объявит о монархической традиции в советской стране.

Вообще идеологический поворот оказался слишком сильным. Уж куда Хозяин был циничным практиком и не останавливался в узких рамках большевистской идеологии, но и он считал, что пока рано говорить о монархии в советской стране. Максимум можно говорить о дореволюционной культуре, о дореволюционной истории в положительном аспекте, густо пересыпая все это русским патриотизмом и идеологией.

Но и сама идеология была больше большевистской, основанной на мировой революции, чем патриотической. И с этим попаданец ничего не мог сделать, даже ускорить этот процесс не удавалось. В 1930-х годов сам И.В. Сталин медленно дрейфовал от мировой революции к русскому патриотизму.

И все равно только Великая Отечественная война с его оглушительными провалами в первые годы позволит промыть мозги Хозяину. Только не поздно ли. Ведь в послевоенные годы он окажется с подготовленным сознанием, но расшатанным здоровьем. И все, перспектива окажется нереализованной.

Ну а пока Романов-Советский для обалдевшего советского общества покажется председателем Всеславянского Комитета. В отличие от предыдущей реальности, он появился не в годы войны, и главная его цель была легитимизация института великого князя в советском обществе и в большевистском государстве. Как говорил сам И.В. Сталин, поворот оказался слишком крутой, и хотя наша таратайка не перевернулась — мы просто бы не дали ей развалиться на дороге — но понадобится определенное время и некоторое время, чтобы в советском мировоззрении стало привычным такое понятие, как великий князь.

Вот главный итог. А что вы хотели? Еще православная церковь в советском государстве

не реабилитирована, в армии нет такого понятия, как генералитет, а вместо четкого офицер есть немного смутное командир. Наконец, в стране все еще идут массовые репрессии, хотя они заметно сокращаются, а их ежовые рукавицы скоро будут сами арестованы, а затем расстреляны.

Рано он оказался в этой реальности. И хотя сам твердо понимает, что опять же требуется время для притирки в советской стране, но, видимо, ближайшая жизнь его окажется чрезвычайно сложной.

К примеру, из просторного сталинского кремлевского кабинета он приехал в... свою лубянскую камеру! Существует же государство с его юридическими нормами и уже укоренившимися традициями. Сначала его «законно» посадили, теперь также «законно» должны были освободить. Даже диктатор, иначе гениальный Вождь и Учитель, не мог взять и просто освободить. То есть мог, конечно, но потом ему пришлось так много и муторно объяснять, что дешевле расстрелять. Но опять же всех не перебеешь, надо будет все равно объяснить. Короче, иди-ка ты, Сергей Александрович, обратно в тюрьму, а там тебя, как обычного советского арестанта, досрочно освободят.

Попаданец смутно понимал, что Вождь не договаривает, и что его могли бы и сегодня взять и освободить. Но это потребовало бы известные усилия от лично И.В. Сталина, а тот не хотел. И без того много работы в государственной и партийной сферах. А, может, этого требовала та же легитимизация?

Короче говоря, те же товарищи (граждане) на той же красивой легковой машине так же быстро привезли из Кремля в Лубянку и сдали из руки в руки надзирателю. Тот совсем не удивился и Сергей быстро понял почему со слов того же тюремщика. Оказывается, ему звонил сам нарком НКВД генеральный комиссар госбезопасности товарищ Ежов. Разъяснил, что заключенный Романов временно на одну ночь будет посажен в свою камеру. Но, поскольку уже завтра он «тройкой» будет освобожден в силу дополнительных доказательств, то держать его мягче, спать днем не запрещать, кормить из котла сотрудников.

Это было по тем временам массовых репрессий так неожиданно, сейчас расстреливали много чаще, чем освобождали, что надзиратель, прямо нарушая тюремный режим, спросил, любопытно сверкая глазами, так ли это и почему?

Что же, надзиратель тоже частица советского общества, ему тоже необходимо объяснять изменения в политике партии и правительства. И Сергей терпеливо сказал, что все его антисоветская деятельность заключается именно в происхождении. Он ведь великий князь и его за это посадили. Но наша партия во главе с великим Сталиным быстро вычленила этот казус. Ведь и молодые великие князья такие же советские граждане и совсем не враги СССР. Вот поэтому с ним сегодня разобрались и пришли к выводу, что не правильно он был арестован. А с ним завтра юридически суд («тройка») уже юридически разберется и, конечно же, отпустит.

— О-о! — удивился надзиратель, и открыл «его» камеру. Уже закрывая, честно сказал, что из Лубянки никогда доднесь не отпускали. И что он, пожалуй, первый.

Хм, а что удивляться. Лубянка во все времена с эпохи Гражданской войны была тюрьмой для особо важных узников, так сказать, вип-узилище. Сюда поэтому и выпускать станут редко. Но будут. Так что тюремщики еще не раз станут поражены.

Ну а он, стало быть, может и поспать. Всем нельзя, а ему можно, ха-ха! У Сталина был, не хухры — мухры!

Впрочем, спал он недолго, не многим более двух часов. Нервы, батенька! Судить ведь

будут. И вроде бы с позитивным итогом, а вдруг... Да и когда это «тройка» станет заседать? Может днем, а может ночью, а ты сиди и жди!

Одно хорошо — пища стала по-мужски нормальной, то есть не только суп и каша, но и суп и каша с мясом. Правда, мясо было не фонтан и оказалось его не так уж много, но хоть сколько-то.

А так, день проходил медленно и муторно, буквально по минуткам. И «тройка», как всегда, запаздывала...

На заседание его вызвали поздно вечером, когда уже ужин переварился. Беспокоятся, гады, о здоровье заключенных. Пусть спокойно посидят (лежать на кровати строго запрещено!). Если надо облегчатся. А уже потом на суд!

Нервничал Сергей, вот и стебался для себя. Само же заседание было до смешного кратким и выписка из него страшно короткой. Даже текст писался специально большими буквами, а все равно крохотным листок получился. Но написано там было, в общем-то, понятно: «В связи с изменением юридической базы, дворянское происхождение (великий князь) не является причиной для ареста». Подписи, дата.

Все сказали, бумажку, как основание для отсутствия на работе выдали. Все, брысь!

Из комнаты «тройки» Сергей, разумеется, вышел быстро. Сам торопился, пока что-нибудь еще не подсудили до смерти. А потом в коридоре задумался.

Домой идти? Так от Лубянки до коммунальной комнаты довольно далеко. Это же Москва, здесь и близко бывает далеко, а общественный транспорт (на это время это автобусы и трамваи) уже не ходят. Пешком идти почти километр? Охо-хо! Тем более, осенний дождь, наверное, пошел. Не-не-не, он не подписывался на такой квест!

Лучше уж попросится в камеру «по знакомству». Надзиратель, наверняка, не откажет? А там с утра да на трамвайчике, а?

К счастью, на такой необдуманный шаг (впустить он, конечно, пустит, а вот выпустит уже, скорее всего, нет) ему не позволил работник НКВД. Он вежливо (!) попросил на недолгое время зайти в кабинет наркома. Николай Иванович де ждет.

О господи, он точно отсюда никогда не выйдет! Но к Ежову все же пришел, а куда он денется? Не под конвоем, и то хорошо.

Ежов действительно ждал. В том плане, что не заставил ждать в приемной. Но в кабинете пришлось тормознуться — как-никак тот читал ведомственные и, видимо, очень спешные документы.

Прочитал, пояснил:

— Вот по тебе читаю. Товарищ Сталин распорядился выделить тебе охрану и секретаршу. Ну я и выделил одну в двух.

Ежов открыто ухмыльнулся, но не Сергею, а еще одному посетителю. Попаданец, подчиняясь стадному инстинкту — один глянул, все посмотрели — тоже повернул голову. И ахнул.

Кроме гомосексуалиста Ежова в кабинете была откровенная красотка. Блондинка, с шикарными формами и ножками от зубов. Черты лица, правда, были изрядно мелкими, зато роскошные волосы прятали их, спускаясь по телу. Дайте мне расческу, все брошу и буду расчесывать косы.

Сергеем даже как-то сумел приблизиться к ней, а она никак этому не воспротивилась — ни взглядом, ни жестами, ни единым словом. А как она чарующе пахла, о-о-о! Какой-то прекрасный парфюм и как бы не французский и собственно женское тело, прекрасное и, по-

мужски, возбуждающе.

— Везет тебе! — по-мужски позавидовал Ежов Сергею, — знал бы, что у меня в наркомате есть такие сержанты, подчинил непосредственно себе. Но так владей. Сержант госбезопасности Алена Кормилицына. Хорошо владеет боевой борьбой, стенографией, постельными умениями, — посмотрел на Алену, чего-то испугался, уточнил, — это я сейчас служебную характеристику привожу, а не личные представлению докладываю. Ну так берете, ваше высочество?

Сергей вымучено посмотрел на наркома НКВД. Ежов был разным — грозным язвительным, даже убийственным, причем в прямом значении этого слова. Но с таким хитро... э-э-э выделанным взглядом он выглядел впервые. И как-то не верилось совершенно. То есть словам наркома нельзя было верить в любом случае. Но рассказам о женщинах гомосексуалиста, с проникновенным чувством и тактом, мог поверить только откровенный дурак. Что с этой девчонкой толкал его Ежов. Шпионаж? Убийство, пулю в затылок может выпустить любой? Сто грамм тола в кармане с капсулом?

— Э-э-э, товарищ нарком, Николай Иванович, у меня маленькая комнатка, — попытался отбиться от этой обезьянки с гранатой, красивой, но очевидно почти на все сто процентов опасной, — и кровать теперь всего лишь одна.

— Какая комната? — удивился Ежов, — забудь ты свою коммуналку. Ты сейчас наш советский великий князь и должен этому статусу соответствовать. Вон наш пролетарский граф писатель А.Н. Толстой особняк имеет. ГРАФ всего лишь. А ты ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ понимать должен!

Новость была сокрушительно-великолепной, но Сергей был в откровенном раздрае. То есть попаданец с его логикой ХХI века был просто рад, а вот его реципиент со своей психологией маленького советского человека (сумел уже подключить в себя), чувствовал себя весьма неуверенно.

— А-а, как я это... — косноязычно засмутился Сергей такой необычной ситуации в своей жизни.

— Все уже сделано, Сергей... э-э-э... Александрович, — успокоил его нарком, — Алена в курсе и все сделает. Представь, что это заботливая жена и просто ходи за ней. Вы, ваше высочество, должны думать о высоком, о впечатлении за границей. О быте же оставите думать своей любовнице. Да, Алена?

— Слушаюсь, товарищ генеральный комиссар госбезопасности! — твердо согласилась красotka и Сергей сразу вспомнил, что он не только женщина, но и сержант госбезопасности. И, кажется, ты попался, господин рядовой необученный! Впрочем, пусть командует, а он посмотрит. А то ведь наломает дров. Теоретически-то он много чего знает в двух своих ипостасях. А вот практически еще не может.

А голос у ней, как у холеной самки, которую все лелеют и купают в роскошных бриллиантах. Откуда все берется?

— Ладно, идите, некогда мне, — толи отпустил, толи послал их подальше нарком НКВД, — Кормилицына, к вечеру представить мне отчет о деятельности и своей, и великого князя. Понятно?!

— Так точно, товарищ генеральный комиссар госбезопасности! — доложила Алена и незаметно дернула Сергея за фалду коленкорового пиджака.

Это были первые знаки внимания этой волшебной женщины. Очень приятно. Знаете, Сергей еще в ХХI веке на работе видел — женщинам, особо молодым и прелестным, лучше

молчать. От них, глядя на их возвышенно-волшебный вид, ждешь всегда вот эдакое прекрасное, а они тебя убивают буквально одним словом.

Алена была не такая. Тембр и интонация четко соответствовали благородной красоте, и даже рукой она и показала, что они здесь не нужны, и поблагодарила, что разрешил быть с ним. Понимать надо, — уже объяснил сам себе попаданец, — великий князь — это не чумазый нарком с низшим образованием. Поблагодарить необходимо!

Попрощавшись с Ежовым, они вышли из здание на Лубянке. При этом, Сергей облегченно — наконец-то вышел из тюрьмы и не на расстрел, а на свободу, и загружено — впереди было много незнакомой работы. А Алена просто задышала воздухом свободы. Тоже чувствовалось, тяжеловато ей было на Лубянке.

Спросил об этом — надо же как-то наводить мосты, ведь им придется много трудиться и в личном плане и в служебном. Но оказалось, немного ошибся. Алена озабочено спросила его:

— Я так открыто думаю?

— Мне да! — ответил Сергей, чуть не ляпнул про ценный опыт попаданства, но в последний момент кое-как сдержался. Из-за этого разговор провис и как-то оказался неоконченным. Оба от этого сконфузились, пока Алена не нашла тему продолжения:

— Мне разрешили временно использовать эмку наркомата, — сказала она и предложила: — поедем?

Сергей простоватенько подумал, что Алена умеет водить машину, ведь он-то никак не водитель, но М-1, оказывается, была в комплекте с шофером. Ах, как хорошо! И человек был с механикой опытен, и с машиной не надо барабаться, надо было только побеспокоиться с гаражом, с ГСМ и с питанием для шофера.

Минусом и очень большим было наличие в автомобиле чужого человека. Но попаданец и так не собирался болтать напропалую. В машине НКВД да секретничать, ха! И пусть это еще эпоха 1930-х годов с его примитивной техникой. Но, вроде бы, в Европе уже умели подслушивать и даже первые магнитофоны начали клепать. Нквдешники, куда уж спешили перестрелять всех буржуев, но технику перенимали не менее быстро. Так что Сергей ничуть бы не удивился, когда в капоте «Эмки» окажется большеватенькая бандура магнитофона.

Он и Алене показал — «Нельзя!» та быстро сообразила, правда, подумала про шофера. Чтобы работник НКВД да не подслушивал, а потом не докладывал наверх! И звание негс будет такое же — сержант госбезопасности, хе-хе!

Так что в машине они разговаривали на нейтральные темы — о погоде, о красивой Москве. Даже о прелестных женщинах, что было не очень-то приятно для Алены. Впрочем, попаданец с его-то большим, прямо-таки огромным опытом общения с представителями прекрасного пола, сумел наладить и здесь разговор, постепенно переводя его на диеты питания и моды одежды 1930-х лет.

Так и приехали, благо Якиманская набережная тоже был центр Москвы. Да и столица 1930-х годов была еще относительно небольшой — в рамках Садового кольца. Дальше уже шли деревенские пригороды.

— Вот и прибыли, Сергей Александрович! — торжественно объявила Алена, когда машина остановилась у небольшого (гкхм!) трехэтажного особняка, — это ваш дом, ваше личная квартира!

Алена, иными словами сержант госбезопасности Кормилицина, заставила его еще и покраснеть, поставив вскоре в нехорошую ситуацию. Он даже немного промедлил около здания, не понимая, что здесь такое? А в это время это зараза, хоть и красивая, но прилипчивая, обежала машину и открыла дверь автомобиля с его стороны. Красивая молодая женщина за ним ухаживает, как в буржуазном обществе!

Он вышел из машины с красным от смущения лицом (еще немного от бешенства). А Алена, как ни в чем не бывало, пошла слева от него, правда, чуть позади, показывая, что он тут главный. Нет, с этим надо что-то делать! Вначале она будет слегка над ним пошучивать, потом стебаться, а потом просто на шею сядет и еще прекрасными ножками начнет бить, — мол, поехали уже, партия и товарищ Сталин приказали идти быстрее!

Все же, видимо она не рассчитала своих действий, поскольку была совершенно поражена дальнейшими шагами. Великий князь, дойдя до мраморных перил роскошного крыльца-портика, вдруг одним махом перебросил ее к перилам, и прижал, оказавшись совсем близко.

О да у них сейчас будет интим! И она не против, только почему на улице? Или он извращенец, не зря ведь говорят, что аристократы — верхушка загнивающего старого общества, а он ведь тоже Романов!

Посмотрела в его лицо и похолодела, настолько он было злым. Но она же мягко пошутила, его коллеги по НКВД даже не обращали, считая, что это лишь пролетарские шутки. А он обозлился. Ха, если он будет в таком духе, то вся любовь сведется к грубому изнасилованию, а она не хочет!

Она попыталась вырваться, но руки великого князя, такие мягкие и даже нежные, ставшие неожиданно сильными, не дали ей ни одного, пусть крохотного шанса. Ой, я больше не буду, пожалуйста!

— Сержант Кормилицына, я советский гражданин, как и все в СССР, но я отнюдь по происхождению не рабочий и не крестьянин. А потому шуток таких не принимаю! Понятно или нет? — голос великого князя звучал металлом и был очень грубым.

— Понятно, — прошептала девушка, немного покраснев, нет, даже порозовев. И стала она такой привлекательно-прелестной, что Сергей едва сдерживался, что бы ее целовать или, как минимум, признаваться в любви.

Но он твердо злился, потому, как прекрасно понимал, — смягчись он только раз, не выдержав характера, и затем все, Алена сама не поймет, как будет над ним стервозиться, наглея раз от раза все сильнее

— Если ты еще раз попытаешься надо мне поиздеваться, я в тот же миг отправлю тебя в распоряжении наркома НКВД Ежова, — предупредил он таким же злым голосом, хотя все естество его было против. Но с женщиной так всегда, чем больше ее ты любишь, тем сильнее ругаешь. Пся крев!

— Я больше не буду, никогда — никогда, — вроде бы честно поклялась она. Сергей все равно не поверил. Если она бы сказала, просто не будет, то он согласился бы, но что никогда не будет, хо-хо! Говорят, что иногда ангелы по небу летают, а вы верите?

— Смотри, я тебя предупредил, — повторил Сергей, — потом плачь не плачь, а будет уже поздно.

Алена помолчала и как-то робко (!) сказала:

— Пожалуйста, не гневайтесь на меня, ваше высочество. Чем я могу смягчить ваше недовольство?

И была она такой хорошенькой-хорошенькой, слабой и от этого привлекательной, что он чуть было не сломался.

Но тут попаданец заметил, как она занимательно выгнула немаленькую грудь, как привлекательно поставила свои длинные ноги. Лишь хмыкнул. Самочка ты самочка, очень красивая, но с болтливым языком. И ведь ничего не сделаешь, се ля ви, мужчины, терпи!

От таких мыслей его намерения стали более деловыми и Сергей сказал:

— У меня нет сейчас никаких больших желаний, но я подумаю. С твоей же стороны, ты должна быть очень тихой и старательной, — он посмотрел на нее так тяжело, что она вздрогнула и задрожала.

А потом он, как ни в чем не бывало, медленно пошел к парадной двери, чуть отогнув левую руку. Ждет меня, хочет, чтобы я с ним шла под руку, — догадалась Алена, и я ведь не против, только характер в раз не изменишь.

Так они и вошли — торжественно, горделиво, почти как муж и жена. А в особняке между тем шла откровенная суматоха.

— Что здесь происходит? — не выдержав, удивился Сергей Александрович, — к чему-то готовитесь, должно прийти высокое руководство?

— Как сказать! — к ним стремительно подошел мужчина, по виду и манерам явный местный начальник, — по телефону из наркомата НКВД сообщили, что должен прийти великий князь...

Мужчина, не договорив, замолчал, и попаданец понял, что он должен представиться, если не хочет, чтобы его с позором попросили из здания.

«А как бы иначе, — попытался он оправдать мужчину, — здание частное, нечего тут всяким шландать. Может, хозяин будет бродить в легком дезабилье, а тут ехидные незнакомцы. Не говоря уж о безопасности. Могут ведь и пристрелить».

— Я — великий князь, — довольно властно сказал он, так что самому понравилось, — меня зовут Сергей Александрович, к вашим услугам!

— Ага, — нерешительно сказал мужчина, — а я, стало быть, Прохор Герасимович, бригадир местный.

Еще немного поколебавшись, придирчиво посмотрев на Сергея, словно на нем что-то был написан его статус, на Алену Кормилицыну. Потом не выдержал и попросил: — а документ какой-нибудь имеется, извините?

Сергей в нерешительности замер. У его респондента, как и у любого советского гражданина, был паспорт, но там не был написан статус великого князя. Конечно, паспорт есть паспорт, нечего желать нежелаемого, но Прохора Герасимовича иначе не пробьешь. Вот бы удостоверение было! Надо попросить такую бумажку на председателя Всеславянского комитета. И подписать — великий князь Романов С.Л.

Алена словно прочитала его наивные мечты и... вытащила данное удостоверение. И даже с фотографией. Ее-то откуда взяли?

Дождавшись, пока бригадир чего-то там прочитает текст удостоверения и напоследок сличит фото с оригиналом, Сергей бесцеремонно взял документ, сам посмотрел. Действительно председатель Всеславянского комитета и фотография его, видимо, из прежнего места работы. Вот же ж ж! До него дошло только здесь прикрепить юридически

его положение, а руководство страны, скорее всего сам И.В. Сталин, пришли к такому выводу гораздо раньше. И ведь не ошиблись!

Отдал удостоверение обратно в руки спутницы, весело сказал:

— Ну те-с, если с юридической частью мы закончили, то покажите мне мое жилье, самому интересно.

— Пожалуйте! — засуетился Прохор Герасимович, показывая здание и одновременно рассказывая его историю. Оказывается, до революции это был особняк высокого сановника, ушедшего в отставку и уехавшего по традиции всех богатых отставников в старую столицу. Но поскольку связи в Зимнем дворце у него оставались широкие, и сам император Николай II не чурался спрашивать его мнения, то и здание строилось с учетом всег этого.

Три этажа строились таким образом: на первом этаже были подсобные помещения и комнаты слуг и служанок, на втором этаже — официальный зал, как для танцев, так и для больших сборов, небольшие комнаты для заседаний, где могли уединяться и два человека и пятнадцать, курильня, парадная столовая. Наконец, на третьем этаже были личные помещения — спальни хозяина и членов семьи, кабинет и библиотека, домашняя столовая и т. д.

После революции особняк, естественно, национализировали и выбросили хозяев на улицу. Поначалу в здании находились различные ведомства, а потом, после переезда советского правительстве, по очереди несколько наркоматов.

— Грязи и хлама оставили много, но ничего сильно не переломали, — неспешно говорил бригадир, — так что можно обойтись косметическим ремонтом, а потом привезти и мебель, старая-то почти за двадцать лет сильно излохматилась.

— Мебель вам привезут из-за границы, французскую. Распоряжение ЦК ВКП (б). Сам лично товарищ Сталин подписал! — вклинилась Алена торжественно.

— Угу, — задумчиво сказал Сергей. По-видимому, на него ставят очень многое. Это и радует и немного пугает. А вдруг не оправдает доверия? Причем не по его вине, доверие окажется тяжеловатым.

Ладно, пессимистические мысли прочь! Спросил в воздух, не зная, у кого поинтересоваться — толи у бригадира, толи у секретарши:

— С материальной базой вижу хорошо. Как с кадрами?

— Вы еще не видели всю базу, — обидчиво сказала Алена, — что продовольственную, что техническую. Всего на двенадцать привилегированных и на сто обычных пайков, на три грузовых машин и семь легковых. Гараж, при нем легкая мастерская, еще два жилых дома для вспомогательного персонала. И, по сути, часть казармы центрального аппарата наркомата НКВД, там проживают стрелки НКВД, охраняющие здания и имущество Комитета.

Сергей примирительно поднял руки в знак капитуляции:

— Полностью сдаюсь, прямо-таки безоговорочно, моя красавица. Но все же, скажи, сержант госбезопасности НКВД, тебе же нарком сказал, что у нас с кадрами? — пояснил: — я не требую делиться с секретами, но общие сведения ты можешь сказать.

Алена недовольно посмотрела на стоящего рядом бригадира, откровенно греющего уши, но сказала:

— Состав комитета и вспомогательного персонала, обслуживающего великого князя, делится на три части: первое, вольнонаемные помощники, выполняющие ответственную работу, типа меня. Их немного, меньше десяти. Второе, стрелки НКВД из батальона

наркомата. Я точно не знаю, но, по-моему, их в совокупности сотни полторы. И Николай Иванович меня предупредил, что не экономили. При потребности охрана может быть увеличена до полного батальона.

И третье, вспомогательный персонал, то что раньше называлось слуги, а также повара, официанты и библиотекари, составляют около сотни человек. Они набирались из состава политических заключенных, но выбор тщательно контролировался, так что можете им доверять до определенного уровня, разумеется.

Сержант госбезопасности Кормилицина выразительно посмотрела на великого князя. Да он и сам понимал, что политзаключенные, обвиняемые в основном по 58 статье, фактически были невиновны, вся их вина, как, скажем, великого князя, заключалась в происхождении до революции или месте работы, неудобном для Советской власти.

Алена подтвердила, сказав, что по третье группе подбирали специально из слуг аристократов — от полотеров до постельничих до письмоводителей и секретарей. Все опытные и квалифицированные, работающие старательно. Их предупредили, что в случае «косяка» и просто недовольства великого князя их отправят обратно в места заключения, а кого и сразу к расстрельной стенке.

— Не беспокойтесь, ваше высочество, люди очень рады вам прислуживать, — отозвался Прохор Герасимович, — и не только из наказания, — посмотрел он на Алену укоризненно, — большинство являются по происхождению из слуг великих князей, некоторые даже из прислуги императорской четы. А из молодых — дети дореволюционных слуг. У всех очень хорошие впечатления, а вот при Советской власти как-то не сложилось. Так что будут вам служить не за страх, а за совесть.

— Мгм, — слегка кашлянул попаданец, обращая внимание, — особый интерес сосредоточьте на аппарат секретаря, то есть на ваших людей, Алена. Из тех, кто уже работал до революции, изи хотя бы сумел окончить классическую гимназию, знает европейские языки.

Попаданец в прошлой жизни XXI века, будучи руководителем менеджеров торговой сети, небольшого уровня но все же, четко выяснил, что люди — это все. Можно быть дураком-руководителем, или, хотя бы, посредственностью, но если ты сумеешь подобрать хороших подчиненных, то выедешь. Ты даже, по большому счету, можешь не работать.

И в XX веке, став к какому-то счастью великим князем, он считал, что необходимо работать так же. И.В. Сталин был великим человеком, но вот однажды ляпнул, не подумав, что не заменимых людей нет. Понятно дело, с учетом конкретики и условий фраза может быть полностью видоизменена, но ведь его помощники, а в будущем историки, приводили ее по поводу и без повода. Сергей Логинович по этому случаю был категорически против. Талантливый человек всегда ценен и руководитель тогда хорош, когда он умеет его находить, а не тогда, когда умеет много работать.

— Так, замечательно, — вслух подытожил Сергей, дело, кажется, идет. По этому поводу я решил назначить двух человек — руководитель моего секретариата Кормилицына Алена... э-э-э?

— Михайловна, — готовно подсказала Алена.

— Алена Михайловна, — согласился Сергей. И дополнил: — а руководитель моего вспомогательного аппарата, занимающего быта и повседневностью, причем, в общем-то, всем — от ложки до автомобиля — назначаю Прохора Герасимовича... э-э-э?

— Ивановы мы, — подсказал бригадир довольно.

— Прохора Герасимовича Иванова, — окончил приказ Сергей. Посмотрел на обоих, радостных, что начищенный самовар, немного подкорректировал: — должности дается не из красивых лиц, слышишь, Алена, а из деловитых качеств и работоспособности. Так что пока они у вас временные, на месяц — два, но скорее всего меньше. Быстро посмотрю и сделаю вывод — подходите или нет. Понятно?

Подождал, пока они дружно проговорят: «Понятно», уже другим тоном заговорил:

— Господа-товарищи, вы мои ближайšie помощники. Поэтому моя жизнь внутренне будет зависеть от вас. Я ведь буду много работать извне, сотрудничать, а с кое-кем даже враждовать. А потому внутри Комитета, обслуги и помощников будете работать именно вы. Не ждите меня. Подписывать и решать стану я, но подготовительная работа ляжет на вас.

Прохор Герасимович, как у вас с обедом?

Иванов, надо сказать, не стал медлить, явно ждал такого вопроса. А кто еще будет готовить, как не его люди, подготовленные им повара?

— Обед будет готов, м-м-м, — он покрутил голову, ища взглядом настенные часы, нашел, отрапортовал: — примерно через час. Правда, кушанья будут пока простые. Но к ужину подтянемся.

— Слышите, Алена Михайловна, это уже ваша прерогатива. Подготовите бумаги, если надо будет, пройдите сами по инстанциям, но продовольственный опрос надо решить. И не только для моего питания. У нас будут со следующей недели частые дипломатические рауты и фуршеты. Работа с границей и в Москве и в Европейских странах, а то и в САСШ у Всеславянского комитета будет занимать много места. Не кашей же их с черным хлебом угощать.

Сергей подумал и нехотя подчеркнул:

— Впрочем, товарищ Сталин мне сказал, что общекультурные мероприятия будут у нас и для советского общества. Скажем, около в конце весны надо будет проводить прием в честь первых общеславянских святых, зачинателей славянской письменности равноапостольских братьев Кирилла и Мефодия.

— А..., - Алена смущенно почесала кончик носа, — нам это разрешат?

Колебания девушки были понятны. И дело было не в том, что она, как и большинство представителей советской молодежи была атеистка, минимум ничего не знала о православии в России. Проблема звучала, прежде всего, так: а как к этому отнесется сам товарищ Сталин? Ведь именно от него зависели внешний и внутренний курсы страны. Попадешь еще нечаянно под локомотив власти, так ведь настолько размолотит, косточки не останется.

— Товарищ Сталин, конечно, в курсе, — даже удивился вопросу Сергей. Добавил гораздо тише: — более того, скажу вам без передачи другим. Именно товарищ Сталин предложил вместе с Русской Православной Церковью широко отпраздновать этот религиозный праздник. Понятно, товарищ Кормилицына?

Алена осторожно подтвердила. А Сергей добавил, хотя это уже было уход в сторону:

— Вообще, товарищ сержант госбезопасности, имейте в виду — я сейчас не заключенный, а председатель Всеславянского Комитета, где-то около комиссара госбезопасности. И не вам тут сомневаться и перечить.

— А... — согласилась невнятно Алена, — потом спохватилась: — так точно, товарищ председатель Комитета!

Господином великим князем все-таки называть не решается, — усмехнулся Сергей,

ничего привыкнет, что в СССР наступила новая эпоха!

Через некоторое время, уже находясь во временном рабочем кабинете наедине только с Аленой, дополнительно «вставил ей пистон». Получалось, правда, не очень хорошо — как подъехали они к особняку, так он пилит ее и пилит, как старый ворчун. Но разговор этот был нужен, как ей, так ему.

Выговорив ей немного «фе», он разъяснил, что девушка явно выходит за рамки допустимого в нашей стране. И что на это рано или поздно обратят внимание, а крайней будет исключительно она, как младшая.

Алена насупилась, чисто обиженная девушка, ни дать, ни взять! Потом через некоторое время тяжело вздохнула, но согласилась. Сергей ее понимал, красивая молодая девушка привыкла к цветам и комплиментам, хотя бы к восхищенным словам, учитывая время и страну, а он ее постоянно ругает, пусть без мата.

А как еще говорить? Привыкла, понимаешь, к едким замечаниям к окружающим, за красоту все спишут, а за поцелуйчик еще попросят «на бис». Но он-то все время на людях, да еще при руководстве страны. Тут быстро попадешь под палку.

Кое-как примирились, вернее, Алена с ним пошла на мир, понимая, что полностью не права и нет ей никакого оправдания. Поинтересовалась, а как ей быть с ежедневными сообщениями в НКВД, читай, донесениями наркомму Ежову. А через него — И.В. Сталину, как минимум. А то еще с десятков человек.

Ха, была бы его воля, он сразу и беспрекословно бы все это прекратил, а то выглядишь, как актер погорелова театра. При этом везде на людях, даже в туалете и в кровати в минуты интимной близости. Но он тут никто и слово его ничего не стоит. Но хоть и великий князь и председатель Всеславянского Комитета, но иногда (или почти всегда) для НКВД рядовой советский гражданин.

И даже больше, за рядовым гражданином СССР хоть так тщательно не шпионят. А так, если он наивно подумает, что Алена одна такая, причем раскрыта своим же начальством, то грош ему цена.

Обнял ее крепко, поцеловал хотя бы в щеку. У них как бы интим, красивая незамужняя секретарша имеет любовную связь со своим начальником. Классика любой страны, любого времени!

И ненароком прошептал ей на ушко:

— Я постоянно на прослушке, не спались. Не ты одна такая. А обо мне обязательно пиши все, в том числе самое негативное. Безусловно, ведь, не ты капнешь, так другие. Ежов обязательно узнает, а ты проколешься.

Отпустил ее, громко произнес:

— Что-то есть хочется. Сейчас пообедаем, а после обеда составим перечень праздничных мероприятий на ближайший год и в перспективе на несколько лет.

Улыбнулся лениво, как сытый кот рядом с плашкой со сметаной. Алена без приказа, намека было достаточно, сорвалась на кухню. Сама, наверное, голодна. Он хоть поужинал в тюрьме, а она? Завтрак они пропустили оба, теперь, главное, обед не пропустить. А то ведь и сам побежишь в камеру Лубянки. Там-то скромно, но достаточно и регулярно кормят.

М-да, а пока Алена бегаёт за едой, надо подумать будущую деятельность. Не бегать бестолково туда-сюда за плюшками, а создать солидный всеобъемлющий план на все случаи

жизни. И тогда я окажусь полезен и родимой стране, и И.В. Сталину. А иначе зачем ты здесь, самый несчастный попаданец?

Вернулась Алена, с ходу весело сообщила, что обед его высочеству вот-вот принесут. Уже накладывают. Это ему не совсем понравилось.

— Ска-ажи, пожалуйста, товарищ, — явно иронизируя, обратился он к секретарю. Та насторожилась, опять в чем-то сумела проколоться? Сергей пояснил: — согласно распорядку в этом учреждении трудящиеся обедают. Я здесь, остальные, как мне кажется, в общей столовой. А ты где? Если вместе со всеми, то я буду недоволен. Ты мой секретарь и должна питаться в своем коллективе!

Ой, — на красивом личике в кои-то времена появилось виноватое выражение: — я не подумала!

— Иди, скажи на кухне, чтобы сюда принесли не один, а два обеда, — велел Сергей, — да чтобы они были одинаковые.

— Ага, — кивнула Алена и исчезла в дверном проеме. А через минуту появилась с официанткой, несущей поднос обедом. ОДНИМ!

Недовольство так зримо виделось на лице великого князя, что официантка просто замерла, не понимая, чем она виновата, а Алена поспешила сообщить, что заказанный ее обед уже несут.

А так, конечно, обед так себе. Вечные пустые щи из квашеной капусты, второе, гм, гороховая каша! А он-то подумал, опять перловка или каша из сечки, чай, разумеется. И, парабабам-парабабам, в горохе оказалась котлета! «Неплохая», кстати, но одна, пришлось разделить ее с Аленой. Больно уж он ей симпатизировал (Алене, а не котлете). Про себя же подумал, ну и бедная у нас страна, две котлеты на учреждение не могут выделить (опять стебался).

Девушка, между прочим, попыталась отказаться, но так нерешительно и неловко, что Сергей немедленно ее отбрил. Вот еще.

Да, кстати, было еще три куска хлеба (два черных один белый) и салат из квашеной капусты. Ффу-у! Достоинством его было две ложки постного (подсолнечного) масла и мелко нарезанный репчатый лук и много — много вонючей капусты. Вам наверняка смешно, — мол, тоже мне, нашел количество! Хм, как уж аборигены этой реальности ее ели, а он вот элементарно мучился, когда глотал (питаться это не назовет самый смешливый шутник). А потом еще переваривал, уговаривая желудок не вываливать это никчемную пищу из органа через рот. А не через задницу, как нормальные люди.

Алена, как ни в чем не бывало, уже доедала щи с каким-то химическим реагентом (маслом его назвать было нельзя, не смотря на какой-то маслянистый оттенок), а Сергей еще отходил от этого пищевого оружия. И ведь ядом его было назвать никак не получится, во всяком случае, попаданец не умер и не заболел. Просто кое-как переварил и даже, видимо, использовал. А аборигены те вообще радостно пожрали и глазами искали добавки. Воистину, что русским во благо, то другим людям плохо.

А ведь надо было все это съесть, иной пищи больше не было, а телу надо было активно работать, пусть не физически, так хотя бы умственно. И он съел, уговаривая себя, что это только салат тяжел для ЖКТ, а все остальное он уже пробовал в тюрьме (врал, гороховую кашу не ел!) и все оставалось ОК!

В этом отношении Алена зря смущенно отказывалась. Она стала его спасением. А тс ведь эта котлета так пахла «вкусно» и «чарующе», что желудок предупредительно сжался,

давая наверх в рот пока немного желудочного сока. Горечь от него была, между прочем, страшная. Сергей прекрасно понимал, что котлета эта тоже из разряда Микояновских, не из мяса и из рыбы, а, скорее всего, из древесных опилок плюс чего-то там биологического вроде костей и крови. И что если он рискнет закинуть его в желудок, тот, не задумываясь, предложит ему нечто вроде второго акта Марлезонского балета с икотой и вонючей отрыжкой.

Проще было уговорить Алену съесть это чудное изделие местной химической промышленности. А когда будет упрямо отказываться, то приказать:

— Сержант госбезопасности Кормилицына, вы должны это съесть. Ах, вы отказываетесь старшему по должности, а что там говорится по этому поводу в дисциплинарном уставе? А, я вас спрашиваю?!

Говорилось там, видимо, очень неприятно для нарушителя, поскольку Алена с кислой миной на моське котлету все же приняла. Впрочем съела она ее практически с удовольствием и Сергей откровенно ей позавидовал. Как там писал поэт Тихонов из этого же времени, но не из этой реальности: «Гвозди бы сделать из этих людей / не было б крепче в мире гвоздей!»

Сама жиденькая, но все-таки вкусная гороховая прошла легко, хотя потом ЖКТ явно через задницу выскажет хозяину все, что думает. Зато хлеб был хорош, а чай в меру сладок. В общем, съел он обед полностью и даже щи как-то сумели улечься в желудке.

И интересно все же, эта реальность оказалось такая грубая, или русские XXI века стали нежными и субтильными по сравнению с земляками из XX столетия? Интересно, правда. Кто там говорит о слабом развитии человека за последние века?

После обеда секретарша сама, не дожидаясь работницу кухни, отволокла использованную посуду (подносы официантка унесла сама сразу). Ну а Сергей, как и положено любому высокому начальнику, грузно и не спеша погрузился за стол, который он считал своим. Хотя по виду он был таковым условно. Все еще было временно, и даже французская мебель махала им ручкой из прекрасного далека.

Однако, забудем обо всем бытовом, — приказал уже себе Сергей, — работай над планом, нет хорошего плана, нет эффективной работы Комитета. А значит, скорее всего, не будет и самого Комитета. Или он будет слабым и никчемным бюрократическим звеном в СССР. Мало ли их было в прошлой реальности?

Сержант госбезопасности Кормилицына между тем вернулась обратно, села на свой секретарский стол в полной готовности. Даже карандаш показала и пачку нелинованной бумаги для печатания печатной машинки. Дескать, готова работать над черновиком.

— Что же.... Пишите, Алена, в правом верхнем углу — совершенно секретно. С новой строки — только в одном экземпляре. Еще в одной новой строке — товарищу Сталину.

С новой строки, в центре — Докладная. Ниже там же — План работы Всеславянского Комитета на 1938 год и в перспективе на ближайшие годы.

Ниже опять в центре заголовок. Цифра 1. Праздники, в которых предполагается участие сотрудников Комитета.

Сергей остановился, подождя, пока Алена допишет. Потом приказал: цифры пока писать не будем, поскольку наберем мероприятия, еще посмотрим на порядок. Так?

Так, — подтвердила секретарь.

— Ага! — усомнился начальник в компетентности своей подчиненной. Спросил на всякий случай. — Какой самый важный и крупный большевистский праздник, который

должен всегда быть в сердце каждого советского человека?

Алена в сомнении смотрела на своего начальника. Вопрос был очень простой, но с большой подковыркой. Что еще скажет советский человек в положении великого князя. Нехотя ответила, повинувшись требовательному взгляду:

— Наверное, годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции 7 ноября. Да?

— Кхм. Да... Ладно, сначала посмотрим на такой казус — революция Октябрьская, то есть было в октябре 1917 года, а у вас она в ноябре. Как так? — Сергей указал взглядом ее место в дурдоме.

Алена, с раннего детства привыкнув к этим понятиям, что Октябрьская революция была в ноябре 1917 года, и никогда не думала критически про эти учебные предложения, и оказалась просто в ступоре.

— Как же так, — растерянно всматриваясь в самой же написанные карандашные строки, пыталась их понять Алена. В конце концов, смело сказала, — а ведь точно не сходится! И что надо говорить, Сергей Александрович?

— Это я у вас спросил, товарищ сержант гозбесопасности. Как же вы работаете в НКВД а так идеологически неподкованные?

Обвинение для того времени было опасное и обидное. Алена с жаром его опровергла:

— Неправда, я каждый день читаю нашу советскую прессу — «Правду» ЦК ВКП (б) и нашу ведомственную «Вестник НКВД». И хожу в политкружок на работе. Просто, — она засмушалась, — у нас так не спрашивают. Так ведь и можно попасть прямо во враги Советской власти.

«М-да, что-то ты наглупил, умник, — отругал себя попаданец, — тут тебе не XXI век. Следи за собой, а то снова попадешь в Лубянку и тогда уже не вылезешь!»

— М-да, вопрос оказался неудачным, — признался он и тут же указал: — хотя работники НКВД должны это знать. Но все-таки нет, главный праздник, от которого ликует и радуется сердце каждого советского человека — день рождения нашего Вождя и Гениального Учителя Мудрого Наставника Иосифа Виссарионовича Сталина!

— О-о! — воскликнула Кормилицына, хотела что-то еще сказать, но запнулась, увидев предостерегающий знак председателя Комитета. Вместо этого стала быстро кропать карандашом по бумаге.

— Затем и остальные светлые светские праздники, — сказал Сергей, — с десятков самых важных хватит. Дальше, обязательно надо вписать патриотические праздники на основе церковных и дореволюционных памятных дат. Одно мы уже взяли — празднество Кирилла и Мефодия, затем можно праздник благоверного святого великого князя Александра Невского, знаменитого своими полководческими деяниями. В XVIII–XIX вв. можно еще найти больше тут и знаменитые войны и видные полководцы.

Сергей Александрович задумчиво почесал подбородок и посмотрел на скромно сидящего секретаря.

— Не знаю, — буквально пролепетала та, — я те факты, которые не входят в «Краткую историю ВКП(б)», совсем не знаю.

— Да уж, наверное, не знаешь, — хохотнул Сергей и прямо признался: — я когда смотрю на тебя, то только смотрю на твои красивые формы, не больше. Никакие сведения я не прошу. Сам понимаю, знания не те, да, девушка?

Алена что-то неразборчиво пробормотала, по-видимому, обругала великого князя, но

продолжать этот сюжет не стала, все-таки он начальник.

А Сергей, вдумчиво посмотрев на Алёну, стал перечислять важные праздники, которые он обнаружил в памяти попаданца.

Вдвоем они написали/насчитали важные праздничные даты на три листа. Алёна остановилась и с любопытством посмотрела на председателя Комитета. Что он еще может представить?

— Ну что уставилась, не красивый я, — проворчал Сергей и уточнил: — и знаков отличия у меня нет, не заработал еще.

На это Алёна только хмыкнула. Вот ведь красивые бабы, везде найдут, что сказать, хотя бы междометиями!

Помолчал немножко, не обращая внимания на ужимки девушки, продолжил диктовать, глазами показав на карандаш: «Бери, работай!»

— На следующий листе по центру заголовков — 2. Праздничные поездки председателя Всеславянского Комитета, подчеркни — на праздники семьи Романовых и, снова подчеркни, общероссийские дореволюционные праздники.

— Това-арищ председатель Комитета, — протянула Алёна, прописав это крамольное предложение, — но...

И не продолжила, понимая, что их подслушивают. А Сергей только удивился ей. Ну и пластичная у нее нервная система. Другой бы сотрудник НКВД уже за пистолет взялся, или что у них есть — наганы. А эта только посмотрела осуждающе. Дескать, сколько волка не корми, он все равно в дикий лес смотрит. На всякий случай сказал:

— Предлагаемый план пойдет секретарю ЦК ВКП (б) товарищу И.В. Сталину. В случае его неодобрения, разумеется, он не станет разрабатываться. Понятно, товарищ Кормилицына?

И он снова ткнул в роскошную люстру, где, по его мнению, был подслушивающий микрофон.

Попаданец, кстати, не так уж был не прав, хотя по уровню техники текущую реальность он все-таки преувеличивал. Два человека — сотрудника НКВД — находилась в специальной подслушивающей комнате и слушали разговор председателя Комитета и его секретаря. Для этого им всего лишь надо было снять деревянную пластину, закрывающую слуховое окошко и прикрытое рядом книг. Один из них к тому же стенографировал. Так что наркому товарищу Ежову передавалось все и не только от сержанта гозбесопасности Кормилицыной А.М!

Впрочем, попаданец это подозревал и если прокалывался, то случайно, от длинного языка, дошедшего от XXI века.

— 3. Секретные поездки председателя Всеславянского Комитета, связанными с делами белой эмиграции и иностранными разведками.

Так, дописали, товарищ Кормилицына?

— Дописала, — кивнула Алёна.

— Дайте посмотреть, — Сергей бегло посмотрел, не нашел к чему придраться, дал обратно: — перебелите аккуратно чернилами, положите мне на стол. Пока я не вернусь, караулите! Печатать пока не будем, печатной машинки все равно нет.

Сам он ушел недалеко — до временной телефонной комнаты, почти будки. Комната это располагалась прямо над подслащивающим помещением, но Сергей этого не знал и даже не догадывался, загруженный важными делами.

Неизвестно, для чего эти маленькие комнаты предполагались до революции, но после Октября 1917 гола их сразу направили на прослушку. И когда Всеславянский Комитет здесь оказался с председателем великим князем во главе, тем более.

Потом, после недолгого размышления, верхнюю комнату все же рассекретили и и сделали ее временно телефонной.

Там было три телефона — внутридомовой, городской и прямой до Кремлевский. До него-то Сергей и добирался. Соединившись при помощи А.Н. Поскребышева до вождя он прежде всего, поздоровался:

— Добрый день, товарищ Сталин!

Телефонная связь была замечательной, будто он снова перенесся в технически подкованный XXI век. Сергей слышал не только голос Вождя, но и его дыхание, тяжелое и старческое, перетянутое издержками табачного дыма. Докладывал:

— Товарищ Сталин, я поработал над планом работы Комитета. Разрешите отправить письменный вариант к вам для одобрения?

Вождь, видимо, не ожидая такой прыти, а, может, просто выискивая свободное время, взял паузу. Сергей, много раз видя по телевизору процесс курения старым грузином своей трубки, воочию представил, как Вождь пыхтит табачным дымом, думает. Или он собирается ему отказать!

— Хорошо, товарищ Романов, — ворвался в мыслительный ход попаданца голос И.В. Сталина, — ваш курьер принесет его моему секретарю, а уже он положит мне на стол. Я постараюсь просмотреть его в ближайшее время. Потом поговорим. Все у вас?

— Так точно, товарищ Сталин!

— Тогда до свидания, товарищ Романов, — попрощался Вождь и положил трубку.

— До свидания, товарищ Сталин, — попрощался Сергей в никуда. Короткий разговор высосал у него немало сил. Аж горячий пот появился на лбу. Хотя Вождь не отказал ему в разговоре и даже принципиально дважды назвал его товарищем. То есть будущее у великого князя есть!

Положил трубку, закрыл на всякий случай дверь в «телефонную комнату». И ушел обратно в свой временный кабинет. Надо было завершить работу над уже обещанным И.В. Сталину план работы Комитета, а, точнее, по сути, великого князя Сергея Александровича Романова.

Алена Кормилицына, как и ему представилось, была на своем месте и уже дописывала второй лист. Оставалось немного, а пока он еще раз проверит написанный текст. Что же можно сказать? Сам Сергей с высоты двух веков не увидел ничего опасного в смысле содержания, а молодчина Алена переписала красиво, разборчиво и с минимумом ошибок. Единственно, если он ошибся в решительности Вождя в смене политического курса.

Давай еще раз посмотрим, господин попаданец:

— И.В. Сталин в былой реальности впервые открыто обозначил поворот к патриотическому курсу в 1934 году, в ходе, скажем так, обозначения руководством страны отношения к макету школьного учебника по истории. В «Краткой истории ВКП (б)», выпущенной в этой реальности в 1936 году, он еще раз подтвердил свою принципиальную позицию. Дореволюционная история России рассматривалась в целом положительно, если и критиковалась, то умеренно, даже в чем-то уважительно.

— Практические шаги, проводимые И.В. Сталиным, показывали, что он окончательно проходил от диктатуры партии к режиму обычной беспартийной диктатуры на основе дореволюционного строя. С учетом, разумеется, всех изменений, проведенных в ходе Октябрьской революции и Гражданской войны.

— В экономической сфере Вождь, с одной стороны, прочно обустроил социалистическую, точнее государственную экономику. Это и быстрая индустриализация в промышленности, и коллективизация в сельском хозяйстве. И цементировалось все это крепкой идеологизацией в форме культурной революции. «Краткая история ВКП (б)» это

ведь только один из шагов власти, пусть и весьма существенный.

Но с другой стороны в этой социалистической системе прочно выстроился крестьянский рынок. И это не только из необходимости уступок крестьянскому менталитету. В условиях хронологического недостатка продовольствия в стране, город и промышленность просто не могли выжить без частного (крестьянского) рынка. И сказав А, надо, хочешь не хочешь, проговорить и все остальные буквы алфавита, и прошлые, дореволюционные признаки стойко выстоят.

То есть, объективно его политика и сам он, великий князь, внешне парадоксально, а на самом деле вполне естественно вписываются в сталинскую политику с 1930-х лет. Но ведь Вождь не машина, не компьютер, он просто человек и субъективные элементы в нем очень хорошо прослеживаются до самой смерти. И даже больше, в старости он четко проявляется, как субъективный персонаж со своими чувствами и эмоциями, которые, может быть, и не вписываются в официальный государственный курс.

И что делать? Сергей посмотрел на секретаря Алену, которая, вот мерзавка (!), плотно работала, но при этом, сидела так, что он хорошо видел и привлекательное лицо, и чудесную для каждого мужчины фигуру. Даже тело поставило не к столу, а повернув к нему, чтобы видел получше. Ух, как она соблазнительна!

— Что такое? — недовольно, но очень кокетливо спросила она, видя (чувствуя) его внимания.

Она, что ли, даже сама не понимает, что делает? Все приходит на уровне рефлексов, в данном уровне, женских рефлексов? Занимательно, черт возьми!

— Алена Михайловна, — начал он ее учить уму — разуму исключительно для того, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, ну и совсем немного из того, что она привлекательная молодая красотка и таковых мужчинам — начальникам всегда хочется маленько поругать, — вы молодая, даже юная прелестная красавица, я импозантный мужчина, даже тоже молодой. И поэтому, несмотря на всю мишуру официальных отношений, природа берет свое. Вот, например, как вы сейчас сидите?

— Как сажу? — удивилась она и привлекательно улыбнулась, опять неосознанно, на одних женских рефлексх. Посмотрела, как смогла, на себя, ничего такого не увидела и сердито констатировала: — сажу! Не стоя же мне писать!

Мол, вот ведь пристал со своими занудными и очень непонятными приставаниями, господин-товарищ начальник!

— Ты, Аленушка, конечно, сидишь. Но ведь как сидишь? В пол-оборота ко мне, чтобы я хорошо видел все твои прелести. А для этого, обрати внимание, юбка у тебя чуть ниже колена, что на уровне современной социалистической морали. Но сидя, ты так ее нечаянно задернула, что правая нога, как раз ко мне близкая, оказалась видна почти до бедра. Красивая, кстати, нога, ты вообще красавица!

Алена посмотрела на ноги и сконфузилась. Правая нога действительно оказалась почти полностью обнажена, почти трусики видны! Да и левая была почти в таком виде. Ох, как не скромно!

— Потом посмотри, служебная рубашка у тебя очень строгая, морально устойчивая, застегнутая почти до горла. Но ты ее расстегнула на две пуговицы, так, чтобы показывать, хотя бы немножко, свои прелестные грудки. Тоже правильно, любой мужчина будет смотреть не на лицо, которое у тебя, извини, с излишне мелкими чертами, а ниже, на уровне, понимаешь чего.

Алена, слушая своего начальника, великого князя, густо покраснела. Рубашка на самом деле была смело расстегнута. Вот ведь бл... непристойная женщина! А еще советская девушка, сержант госбезопасности!

Она поспешила дрожащими руками наводить у себя порядок с рубашкой, а строгий и надоедливый, но, в общем-то, строгий и справедливый начальник внезапно перестал ее ругать и даже, наоборот, начал утешать:

— И не зачем ты, Алена, дергаешься. Ты ведь не на сцене и за тобой сотни мужчин не наблюдает. Просто по природе у тебя должна быть семья, муж, лети, наконец. Или ты считаешь, что ты должна в свое время умереть и никого после себя не оставить?

Алена замерла, сосредоточившись на незнакомых ранее мыслях. Отрицательно покачала головой, стеснительно посмотрев на Сергея Александровича.

— А я, со своей стороны, как молодой дееспособный мужчина, невольно смотрю на представительниц прекрасного пола, на тебя, Алена. Не потому, что у меня в голове скабрзные мысли. Я, может быть, в этот момент совсем не понимаю, на кого смотрю, мысленно проговаривая пункты плана. Но глаза будут, милая девушка, смотреть все равно на тебе. Природа-с!

— Ну это же неправильно! — не выдержав, воскликнула Алена, — мы, большевики, должны быть выше этого!

— Это объективная реальность, — мудро сформулировал попаданец, практически зрелый уже мужчина, — и разве товарищ Сталин против этого? Разве он против морально устойчивых советских семей? Что там пишут в «Правде», которую у нас отдельные товарищи тщательно и регулярно штудируют?

Алена Кормилицына, как советская гражданка и сержант госбезопасности, ведомая в границах коммунистической идеологии, увидела знакомые границы и сразу успокоилась. Товарищ Сталин все знает и нам покажет! Даже приструнила своего начальника:

— Ах, Сергей Александрович, как вы меня смущаете! Вроде бы правильные слова говорите, но неправильно ставите акценты. Вначале должно быть общественное, советское, а уже потом личное, семейное.

— То есть, вообще-то, ты, Алена, не против интима? — смеясь, вклинился Сергей в нотации девушки.

— Нет! — опять смутилась, но уже как-то сердито Алена, как-то помедлила, но потом все же высказалась: — вам, мужчинам, только и надо от нас. А поговорить о высоком и изящном вы не желаете!

— М-гм! — задумался теперь Сергей Александрович, сказал впрямую: — по прежней работе скажу — на собраниях можно и поговорить, но наедине вы же сами сводите все к плотской любви. А когда к вам не пристаешь, вы, кстати, обижаетесь еще больше. Мол, не цените, нас, любимых и прелестных.

— Да-а?! — удивилась почему-то девушка, вспомнила некоторые моменты из своей жизни, покраснела.

— В общем, предлагаю вам мировую, — подытожил великий князь: — я не говорю вам никаких замечаний на счет вашей одежды, а вы больше не сердитесь на меня по поводу моих взглядов.

— М-м... — заколебалась Алена, не желая отходить от своей удобной позиции, мол, мужчины — сволочи, а девушки — лапочки. Но когда увидела сердитый взгляд мужчины — начальника, то тяжело взглянув на показ, согласилась: — хорошо уж, только вы взглядом не

раздевайте меня при всех, а то я смущаюсь.

Вот ведь актриса лапотная, опять все развернула!

— Пусть так! — согласился Сергей Александрович, как приказал. Потом, по-видимому, решив, что все уже сказано, повернул на рабочую тему: — теперь, Алена Михайловна, к делу. Как у вас с Планом?

Алена вздохнула. Она бы еще поговорила на такую щекотливую, хотя и очень увлекательную тему, как интим. Но раз он включил режим начальника, то ладно. Хочется надеяться, что он не обиделся? Бодро отрапортовала:

— План работы Комитета почти переписан, сейчас осталось несколько строчек. Через пару минут я окончу!

Собственно, большая часть одного Плана уже лежала на его столе. И он как раз вычитывал перед отправкой в Кремль. Так что знал не хуже своей секретарши. Зато этим вопросом мобилизовывал ее на скорую работу. А то он же обещал бумаги сегодня. Очень неприятно будет, когда Вождь потребует у А.Н. Поскребышева, а он и не знает, потому как ему и не привезли.

Алена действительно быстро дописала вторую и третью части Плана — они были небольшие, поскольку эти секретнейшие материалы Сергей Александрович не решился поделить даже бумагам с грифом «Сов. секретно».

Так что виновником задержки оказался сам председатель Комитета. Но ничего, зато он нашел еще одну грамматическую ошибку, умело прикрытую секретарем, и одну смысловую нелепицу, с которой пришлось бороться уже двоим.

К вечеру все же справились и вызвали фельдъегеря, которого звали пока курьером по ответственным поручениям — целого лейтенанта госбезопасности с стрелковым оружием!

Короче говоря, за сохранение в дороге полученный курьером Планом Сергей Александрович больше не боялся. Такой здоровенный жлоб с наганом и в страшном мундире сотрудника НКВД. Скорее, уж он сам по пути кого-нибудь ограбит.

Ну а пока бумаги шли по Москве в Кремль со скоростью пешехода, Сергей Александрович принялся улучшать материальную базу Комитета. Нет, новых автомобилей он даже не пытался получить, для этого надо было письменное согласования или секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина, или председателя В.М. Молотова. И это еще у кого сложнее. А целом великий князь понимал, что пока Комитет чего-то не добьется, то в верха лезть не приходится — с ходу отобьют. В стране, несмотря на строительство автомобильных и двигательных заводов, все равно чувствовалась острая нехватка машин.

Да и не нужны были Сергею, как председателю Комитета, новые автомобили. Имеющие бы эффектнее использовать! Вот с этим-то и поборолся Сергей Александрович. Лимиты бензина и масел, запасных частей для разных типов и марок, даже людей — шоферов — всего не хватает! При чем ведь нигде не отказывали, но чтобы согласовать со всеми чиновниками, а с каждым необходимо было обязательную докладную с объяснением, что да как да. Ух, замаешься!

Но к концу дня все вопросы с ГСМ и запчастями удалась решить. С шоферами обещал помочь Н.И. Ежов. Честно говоря, такую помощь Сергей видел только в гробу, но ничего не поделаешь, с наркомом НКВД не поспоришь.

А вот с каналами снабжения продовольствием, как и с его номенклатурой и объемом он даже не пытался поработать. Оптимальный вариант для него, как и Комитета в целом, было показаться хорошо И.В. Сталину, а потом, при случае, подсунуть бумажку с надобностью.

Тогда еще получится. А так, попаданец понимал, что и с продовольствием в СССР плохо, хотя и не так тяжело, как в начале десятилетия, но и обильного снабжения не было.

Но это опять, если получится показаться Вождю. Хотя, если не получится, то ты уже не уйдешь, а Николай Иванович распорядится отвести в «свою» камеру.

Охо-хо, как же тяжело тут, как аборигены живут? Какой-то моральный дискомфорт постоянно давит на плечи, в итоге пробежишь по улицам Москвы час — другой, а чувство такое, будто весь день на ногах, причем не в столице, а в пустыне.

Обратно, «домой» он вернулся совершенно разбитый, словно не по кабинетам московских чиновников ходил, а был уже (еще?) на допросе у Н.И. Ежова и там подручные орденосного наркома отдубасили его со знанием дела.

Все, жизнь сегодня подошла к концу, оставалось надеяться, что завтра снова поднимется солнце, и жизнь опять начнется. А пока на кроватку. Сергей помнил, что в его временном рабочем кабинете опять же временно стояла временная (!) железная кровать. Суррогат французской мебели, запаздывавшей из-за границы.

Кровать болезненно походила на прототип в тюремной камере. Правда, там одиночная, а здесь двуспальная. А в остальном все похоже — и белье, и матрац с подушкой, и шерстяное одеяло. А когда он увидел на всем этом штампы НКВД, то у него буквально началась крупная истерика.

Хорошо хоть Алены в кабинете не было, как, впрочем, и остальных сотрудников, иначе у них всех стало бы неприятное впечатление от председателя Комитета. Тот, как капризная балованная женщина, сидел на полу и одновременно плакал и истерически смеялся. И ведь это мужчина за двадцати лет. В XX веке это был расцвет человеческой жизни, поскольку за 30 лет мужчина, как и женщина стремительно катились в старческий возраст.

К счастью, нервы у него все же были крепкими, и Сергей отошел от истерики, вымылся холодной водой (в соседней комнате находились все удобства — и туалет, и ванна, и, конечно, умывальник). А там, помяни черта, он и появится, на своем рабочем месте появилась секретарь Кормилицина. Или лучше ее называть сержантом госбезопасности и она оберегала своего начальника от текущей обстановки (текущую обстановку от такого странного начальника)?

Хотя при виде своего председателя девушка так радостно-счастливо улыбнулась, словно солнышко снова появилось. На небе-то светило было уже где-то за зданиями. Москва 1930-х годов была как ниже столице будущего, но все равно заботливо прятала вечернее солнце за зданиями.

Хотя бы какие-то мелкие радости есть и в эту эпоху, — подумал Сергей, помня, однако, что и она сотрудница НКВД, и не только может, но и должна арестовать его в соответствующем положении.

Но пока Алена являлась его ближайшей сотрудницей, хотя и не постельно-интимной, и в таком состоянии сообщила, что кухня приготовила ужин. Все остальные трудящиеся уже покушали, но нам и еще трем, не имеющим возможности во время покушать. Будете кушать сейчас Сергей Александрович или вам отложить?

Точно собака Павлова, — сделал себе диагноз Сергей. Еще недавно он думал только о сне, но стоило его секретарю сказать о пище, как рот заполнился слюной, а желудок сердито забурчал, что пора уже, надо бы и ему что-то подкинуть.

Поели. На пустой желудок и перловая каша с каким-то непонятным маслом было вкусной. Не фига се, так ведь и всякую дрянь начнешь жевать. А потом все же свалился

спать. Темнает уже, пора и нам отдыхать!

Ложась спать, он по старой тюремной привычке не стал заботиться о закрытой на ключ двери. В тюрьме это смешно, не так ли? Увы (или, тьфу-тьфу, к счастью), он был уже не в этом казенном учреждении. Забылся... И его буквально с лету наказали, он даже совсем не успел уснуть.

Дверь тихонечко скрипнула, и в кабинет неслышно вплыло... привидение. «Упаси господи!» — в такт подумал Сергей Логинович. Как большинство россиян он не то, что не верил, но и к Богу не обращался. Как говорится, они жили свободно — бог не докучал Сергею, а Сергей богу. Но опять же, как только приспичило, то это «свободный человек» спешно бросился к мольбою к Небу.

— Сергей Александрович, — неслышно прошелестело привидение голосом Алены, — вы уже спите или еще нет?

«Ох уж эти женщины! — неискренне возмутился Сергей, успокаиваясь, — спать пора, какие тут шуры — муры в моей постели!»

Это секретарь пришла обратно, одевшись в белую ночную рубашку, ночнушка по простому. Понятно почему женщина пришла ночью к мужчине — начальнику. Решила «стабилизировать» отношения. А может просто захотелось мужской ласки или интересно стало, каков великий князь в амурных затеях.

Все-таки люди не могут быть гендерно равны. Об этом даже рьяные феминистки не возмущаются открыто, хотя, может быть, думают. И общественный настрой такой же. Ведь если мужчина сексуально домогается женщины, а она не желает, то это называется изнасилованием и наказывается как юридически, так и морально. А когда наоборот, то, в лучшем случае, амурное шаловство и никак не наказывается. И ведь сами мужчины не называют себя жертвами сексуального домогательства, а если женщин назвать любовными маньяками, так те и в суд могут подать в XXI веке, при этом выиграют, пожалуй! А в XX веке и в советском обществе, и в западном, мужчины вообще застесняются, а суд и его и засудит за домогательство женщины к нему, хе-хе! Какое уж тут равенство!

И ведь, между прочим, пока сознание печатало ядовитые филиппики (мысленно), его же мужское тело гостеприимно отодвинулось в глубь. Мол, пожалуйста, ложитесь. Для вас на все готов! Вот ведь гад! И что теперь? То, что женщины в своей сущности двуличны и не могут себя остановить, да и не хотят не сколечко, Сергей еще понял в XXI веке и уже не удивлялся. Но вот, оказывается, и он такой же двуличный и даже коварный! Для него это было неприятной новостью. И даже отмазки он не находил.

Алена, например, когда он на последних крохах разумности предложил не любиться (это по очень вежливому), просто отмахнулась, мол, нарком НКВД Ежов, ее прямой начальник, приказал ей стать любовницей великого князя в его кабинете, помните? А она его очень боится. Хотя эта трусость, загнавшую ее силком в постель председателя Комитета, не мешала потом наслаждаться плотской любовью.

Сергей с трудом сумел сдержаться чтобы не напомнить ей ее же фразу о сознательных большевиках-коммунистах, которые выше всего этого личного. Сам-то он наслаждался сексом с этой великолепной женщиной, которая и хотела, и умела пользоваться своим прекрасным телом.

А когда понял это, то гневно и окончательно засунул свое «праведное» и «честное»

мнение. Она, Алена, женщина, он, Сергей, мужчина. И или он будет заниматься с ней любовью, или выгонит ее со своей кровати (очень гипотетический и невероятный вариант реальности). А если и то, и это, то увольте, далекие предки еще говорили: ты если с нравственной проповедью занимаешься в постели с женщиной, то либо трусы надень, либо крест сними.

А ведь и секретарь у него не дура, хоть и блондинка. Когда они только еще укладывались в кровать и прилаживались друг к другу, она шепнула на ухо шепотом, чтобы ненароком никто не услышал:

— Бойтесь Ежова, он получает прямо-таки райское наслаждение, когда смешивает человека с грязью. Особенно, если тот чего-то стоит в глазах товарища Сталина. А вы прямо-таки прямой кандидат. И не думайте, будто его сдержит тот факт, что именно он сам приблизил вас к Вождю. Как он сам говорил словами другого Николая (Гоголя): «Я тебя породил, я тебя и убью».

Вот ведь как! Ой, сержант госбезопасности, не по чину тебе голова дадена. А учетом женского болтливости языка она с легкостью погубит и себя, и своего начальника. Сколько уж так гибло родных и просто близких у сталинских жертв.

Он хотел совсем было отойти от этой опасной темы, перейти к другой, более приятной и естественной теме — прелести женского тела, благо для Алены он хвалил бы без натуги. Но потом все же ответил грозным шепотом:

— Еще раз об этом скажешь, отрежу язык. И я не шучу.

А уж потом, не давая ей зло ответить (он бы точно ответил зло), крепко ее поцеловал и одновременно сжал рукой роскошную грудь.

Алена поначалу напрягалась все телам, пытаясь вырваться и ответить, как смелой и сознательной большевичкой (это мнение Сергея. То есть она действительно напряглась, но думала ли в этот момент о сознательном большевизме, неизвестно). В любом случае, женщина легко сломалась и поплыла по любовному течению, а страстные стоны и крики только показывали, что ей это очень нравится.

Они так и уснули, переплетавшись телами, а ранним утром, едва проснувшись, продолжили любовный процесс. И кто был из них страстен и любвеобилен — Алена или Сергей — был большой вопрос.

А потом они разбежались, пока остальной трудовой народ не проснулся. Оба они были людьми опытными и понимали, что спать вместе на службе и не спалиться не возможно. Но чрезмерно наглеть, и встречаться с людьми в коридоре было нельзя. Ведь одно дело, когда об этом знает только высокое начальство. С этим ничего не поделаешь, приходится смотреть на это как на объективную реальность. А другое дело, когда бухтеть начинает народ. Тут и с ним как-то надо разбираться, и начальство явно прекратит свою олимпийскую пассивность.

Алена убежала куда-то вверх, там ей удалось как-то пристроиться в крохотной конурке. А председатель Комитета ушел в соседнюю комнату — проверить на практике удобства, опять же надо бриться, мыться, чистить зубы. А если учесть, что это еще порошок, а не паста, то сделать это было не просто. А если иметь в виду, что не эклектическую бритву, а опасную, то даже опасно.

Во всяком случае, Сергею, не имеющему практики использования той и этой, было не просто. Во всяком случае, если с порошком он разобрался без особого труда, и здоровье его не пострадало от излишнего попадания в желудок. А вот опасная бритва уже заставила понервничать. Умереть от пули ежовского НКВД очень нехорошо, умереть от бытовой

бритвы — совсем глупо!

— М-да, — негромко резюмировал он результат бритья, — четыре не большие ранки на лице не хорошо, длинная царапина на шее — плохо. От кровотечения он избавился легко — кусочками газеты «Правда». А как моральная ответственность? Классическая опасность для попаданца встала во весь рост, а он даже не знает, как избавиться от этого теоретически. Умрешь ведь дружище и не вякнешь!

Алена, пришедшая уже с завтраком, только прыснула, увидев такие итоги борьбы за красоту. Она сама, без официантки, принесла поднос с блюдами в двух комплектах. Сергей был в недоумении, как ему с ней держаться. С одной стороны, принесла завтрак, все же заботится о старшем товарище, хотя это и не входит в ее прямые служебные обязанности. С другой стороны, что за обидный смех? Даже не начальству обидно, мужчине!

По-видимому, все это отразилось на лице, поскольку секретарь сумела сдержаться и успокоить физиономию на лице. Спокойно, умиротворяюще предложила позавтракать.

Пицца принесла некоторый приятный сюрприз. Кроме традиционной каши, просяной на этот раз, чая и два ломтика черного хлеба, был еще кусочек животного (сливочного) масла и ломтик батона.

— Что за это барство? — вопросительно посмотрел на Алену, и уже только подумал: «и как это едят?». Последнее, конечно, было шуткой, а вот начало фразы было уже серьезно. Покамест он один из головки Комитета и за все отвечает перед Кремлем. Вот утвердят официально остальных, в том числе интенданта, тогда другой разносол.

Алена ничего не имела против. Видимо и небольшой смешок вырвался у нее нечаянно. Очень уж смешная моська была у начальства. Но Сергей не собирался сдаваться. Пусть она и красавица и, что удивительно для блондинки, умница, но за каждую глупость надо платить!

И секретарь поняла это, без каприза доложила:

— Вчера по вашему распоряжению, я с официальными бумагами от Комитета была на 3 Московской базе снабжения. Там получила некоторые остродефицитные виды продовольствия. Поскольку ответственных лиц еще вы не выделили, то ответственные пайки пришлось распределять самой. Вам, мне, как секретарю и еще на четверых человек временно.

Сергей молча требовательно смотрел на него. Вначале Алена попыталась сделать вид, что так и положено, потом нервно пробурчала:

— Что такое я неправильно проделала, Сергей Александрович?

Лицо ее стало скромным и виноватым, прямо-таки пай-девочка у сурового начальника, прости ее и поцелуй хотя бы в щечку. Но Сергей на этот раз не собирался сдаваться. Бабы ведь они такие, один раз сядешь, потом не сбросишь. Спросил, как скомандовал:

— Сержант госбезопасности Кормилицина, если командир что-то забыл или просто пропустил, что надо сделать?

Взгляды их скрестились: его — злобный и твердый, ее — лукавый и немного неуверенный. Скрестились и исчезли, взаимно аннигилировались. Но все-таки мужчина победил (с точки зрения Сергея), а женщина если и не победит, то очарует (с точки зрения Алены).

— Алена Михайловна! — сердито обозначил великий князь, понимая, что взглядом ее, как красивую женщину, не пробьешь, поскольку она считает, что уже фактом своего существования она всех победила, — как младший чин, занимающий небольшую должность, вы в первую очередь должны помогать мне, а не действовать самостоятельно с непонятными

результатами. Вы понимаете!/?

— Ага, — сообразила девушка. Она сама предчувствовала, что делает что-то не то, но что не то, не сообразила. Слова мужчины (не зря начальник!) ей вдруг в полной мере обозначили всю картину ее неправильной деятельности. И поэтому она просто и по-военному четко подтвердила: — так точно!

Он в свою очередь, получив женщину, во всем согласную, при чем не только по словам, но и по ласковым взглядам и почти подобострастному виду, действительно во всем, нужно лишь дать ей соответствующий знак. Одно Сергей не знал — а она все действительно поняла и полностью капитулировала, или это только внешняя форма, а так Алена лишь выжидает, а при случае обязательно укусит. Да еще сильно обидится на мужчину, почему он, такой нехороший, заставил его соответственно действовать!

Неловкую паузу прервало появление нового действующего лица — женщину рабочую со второго этажа. Она сообщила, что там, похоже, звонит телефон, и уже относительно давно. А поскольку такие аппараты находятся в закрытом помещении, да и рабочие не имеют права к ним подойти, то ответить никто не может.

Сергей Александрович чуть не ударил себя по лбу. Как он забыл про них, да еще оставил их в закрытой комнате. И ладно ведь городской или внутридомовой для текущих потребностей. А если звонит из Кремля и абонент обидится? Тут ведь не только будет неловко, если это сам И.В. Сталин, и по моське можно получить!

Разорвав разговор с одной женщиной (секретарем) и поблагодарив другую (рабочую), он стремительно полетел на второй этаж, прекрасно понимая, что губит тем самым свой драгоценный авторитет. Но ведь и цена высокая, заставляя ждать первого человека в стране! Или может его секретаря, что немногим слабее по уровню отдачи палкой по голове. Хоть бы это городской телефон!

Открыл комнату и похолодел. Нет, Господь не помиловал, звонит — надрывается телефон связи с Кремлем. С ходу, торопясь, снял трубку.

— Романов? — оглушил его сердитый окрик А.Н. Поскребышева, — у вас когда закончат ремонт, что за безобразие! Ведь не достучишься ни до кого в Комитете, хоть криком кричи!

Сергей вздохнул, охти, Господи (!), медленно, спокойно, сбивая накал страстей, сообщил, что ремонт здания будет проходить еще два-три дня. До этого рабочий процесс был замедленным из-за недостатка различных стройматериалов. Сейчас это узкое место ликвидировано, рабочие действуют активнее, но окончания работ необходимо подождать. Надежных же людей для дежурства у телефона Комитет, к сожалению, не имеет.

Спокойный, в какой-то мере методичный тон Сергея Александровича подействовал. Поскребышев перестал орать, понимая, что его собеседник — великий князь, и к тому же человек, пользующийся доверием САМОГО!

Но все равно потребовал поставить у телефонов пост НКВД. Пусть Николай Иванович побеспокоится, неужели в целом наркомате не может найти трех-четырех человек? И только потом сообщил, что звонит по поручению хозяина. Тот просмотрел план работы Комитета, он ему в целом понравился, но все равно есть вопросы и замечания.

В конце разговора Поскребышев сообщил, что И.В. Сталин попросил прибыть на ближнюю дачу, на утреннее время, к часам к 12.00. Он хочет с вами позавтракать, а заодно поговорить по поводу работы Всеславянского Комитета.

Время было еще ранее, нужная документация подготовлена, а дополнительный

материал в голове структурирован. К тому же он еще может подумать. Только вот одежда...

В первый визит к И.В. Сталину он был одет в одежду НКВД, тогда подсуетился Н.И. Ежов. Наряд был неплох, в тему и по положению, ему он понравился, так же как и Вождю. Так что туалет можно повторить, не зачем менять всем подходящее одеяние. Лучшее — враг хорошего, а он не актриса, чтобы делать упор именно на это.

Но и делать вид, что платье ему не интересно, не надо. Великий князь должен быть одет просто, но изысканно. И уж никак по чиновничьи полувоенно. Фу-у! Так что надо один раз набрать, деньги у него сейчас есть. И забыть об этом, поскольку он все же мужчина.

А вот, где он возьмет одежду, это другой вопрос. в условиях общего дефицита и простоты, даже примитива, в советские промтоварные магазины лучше не ходить, только время потеряешь. Был уж там, оплевался. И ателье, обслуживающие верхушку тамошнего общества, тоже не выход. Опять примитивно и полувоенно стандартно. Искать же эксклюзив некогда. Их, разумеется, найдешь, но не сейчас, ведь остается три часа с копейками!

Может, подобрать дореволюционные наряды в столичных рынках. Склады НКВД, снабжающие, в общем-то, там же — от представителей дореволюционной верхушки, но не на рынках, а во время арестов, показывают, что приличная одежда еще есть.

Закупить там по-быстрому, потом ушить и подшить, где полагается, и на дачу к И.В. Сталину, так называемую ближнюю (а есть еще дальняя, куда он не любит приглашать гостей), можно ехать во всем блеске!

Решив так, он набрал внутридомовой телефон, к которому в советское время были подключены и различные службы. Вызвал легковой автомобиль и поспешил одеваться. Времени до поездки к И.В. Сталину было еще прилично, но это не означает, что можно было медлить. Так ведь и можно остаться у разбитого крыльца!

Во временном рабочем кабинете на пером этаже его секретарь сидела на своем рабочем месте и старательно по-женски изображала вселенскую скорбь. Дескать, я виновата во всем, так пожалейте, бедную и несчастную. Желательно в кровати, иначе зачем тут она?

Сергей Александрович ворвался в эту кладбищенскую меланхолию с шумом и треском работающего перфоратора.

— Собирайся, — велел он, — в полдень я должен ехать к Хозяину на дачу, а до этого надо прикупить кое-какую одежду. Ты едешь со мной.

Видя, что председатель Комитета после разговора по телефону радостен и бодр, она поспешила собраться, хотя, скорее, уже по инерции, чем по делу, сохраняла вселенскую печаль. Сергею это быстро надоело.

— Послушай, — сказал он наставительно, прижав в уголке девушку, — ты, конечно с моей точки зрения виновата, и вообще, мне не нравятся такого типа женщины. Но ведь я тебя не выгоняю и наша совместная деятельность совсем не кончена. Надо всего-то немного себя изменить, а?

И чтобы она посильнее почувствовала его слова, изловчился и поцеловал.

По-видимому, это был самый правильный ход. Адена хотя покраснела и засмушалась, но внутренне стала радостнее. Вставай, товарищ, побыстрей, труба зовет!

Москва по всем временам была хороша, но, как уже говорилось, очень уж относительно просторна. Зато в легковой машине на мягком сиденье можно было очень даже быстро добраться до цели, а в довоенную пору и легко. Хотя водитель их автомобиля и по-старчески ворчал, но попаданец смотрел на это с ленцой и его не поддерживал. В 1930-е годы на улицах столицы был лишь общественный транспорт, редкие легковые машины и, поближе к окраинам, лошади с телегами. Лепота, а не езда. Посмотришь вот на усиленное движение в XXI веке, тогда офигеешь!

Так что по вещевым рынкам, хотя они были по разным концам столицы, проехали быстро. Сергей, кстати, благоразумно вначале спросил у Алены, может, все же по магазинам вначале проехать?

Но та, подумав, молча отрицательно покачала головой. Государственные магазины из принципа (или по директивам) продавали только стандартные модели советской одежды. Великий князь в таком костюме будет наподобие коровы в седле.

Теперь уже ехать нужно было обязательно. Сюртук, конечно, или фрак не брали (да их и не продавали). А вот английскую серую тройку, джемперы, легкие брюки, зимние и летние ботинки купили.

Купил и подарки для, гм, своей женщины (Когда сумел. Или, вернее, когда она сумела?). в частности, в частности, великолепное полупальто из верблюжьей шерсти, аж в 188... какого-то года, сделано в Англии. Это он все на этикетке прочитал. И пощупал руками. Полупальто хоть и старое и явно заношенное, но до сих пор в хорошем состоянии. Продавщица, внучка бывлой собственницы заломила большую сумму — семь тысяч рублей — больше годовой зарплаты городских жителей, про крестьян вообще надо молчать. Но покупка того стоила.

И пока сержант госбезопасности и радостная покупке, и обозленная обозначенная стоимости, начала торг, обозначая рыночный процесс, Сергей Александрович уже вытащил из кармана пачку сторублевков. Покупка произведена!

Алена, между прочим, только сначала держалась индифферентно. Мол, вы меня взяли инструктором, вот я и буду инструктировать, не более. Но долго она на такой соплежуйской позиции не удержалась. Женщина да при покупке одежды будет стоять в стороне, ха!

Вскоре она горячо спорила и торговалась, оттолкнув от председателя Всеславянского Комитета от рыночного процесса к его облегчению. Он хотя и был в XXI веке торговым менеджером, но покупать себе одежду не любил. А тем более в XX веке, с совсем иным менталитетом и модой. И это не только при покупке полупальто, но и при выборе его, чисто мужской одежды.

Но и ему пришлось однажды вмешаться, когда древняя старушка, причудливая голубка, видимо, от безвыходности или от старческого маразма, начала сравнивать старинную моду времен Александра III и современную советскую моду 1930-х лет. Ха-ха, ну уж нет, одежду он покупать не любил, но в общей тенденции развития нарядов разбирался. Переспорил, разумеется.

И когда эта старая калоша сгоряча заверещала:

— Да кто ты такой, чтобы так разбираться прошлой одежной эклектике??

Просто ответил:

— Сергей Александрович Романов к вашим услугам, господа!

В центре советской столице среди белого дня на почти третьем десятилетии большевистской власти это было сказано громко. почти как ангелы в аду или, наоборот, черти в раю. И население, кстати, практически сразу разделилось. Одна часть, больше старая, из привилегированной части дореволюционной России, поражено стала его поддерживать. Другая же часть, разумеется, большая, так же страстно принялась Романова осуждать.

До массовой драки все же не дошло, хотя все признаки этого существовали. Но время было не военнкоммунистическое, накал страстей был невысок. Правильно говорил Великий и Мудрый Учитель товарищ Сталин, другое пришло уже время, и императорская семья Романовых не так сильно была ненавидима. Больше, между прочим, даже любима.

Милицейского патруля (два человека) хватило, чтобы пресечь все непотребства. А уже потом начали брать за цугундер самого великого князя. Но опять же достаточно мирно, без кровопролития и даже использования личного табельного оружия. Видимо, милиционеры имели какую-то служебную инструкцию и знали, кто такой Сергей Александрович Романов и что он делает в СССР. Для проформы проверили паспорт и, с уважением, удостоверение председателя государственного комитета, затем посоветовали с рынка на всякий случай уехать. Сопровождающую сержанта госбезопасности даже не проверяли, только по-товарищески козырнули, когда она представилась.

Многочисленные зеваки, сначала жадно ждавшие ареста и, может даже, мордобития, удивленно переговаривались. А уж когда таинственный Романов со спутницей — молоденькой женщиной — мирно уселись с кипой купленной одежды в автомобиль, явно служебный, то среди просветленной толпы громко раздались крики:

— Это же советский великий князь, наш, пролетарский! Да здравствует его высочество!

То есть дошла, наконец, и до простых советских людей мысль попаданца, что он такой же обычный советский гражданин, просто со званием великого князя. То ли еще будет!

Даже Алена Кормилицына, которая в качестве сотрудника НКВД, была рядом с ним уже несколько дней, а в качестве женщины даже оказалась любовницей, так сказать боевой подругой, даже она удивленно сказала:

— Пожалуй, в старости я еще буду гордиться, что сотрудничала с советским великим князем, во как!

Сергей Александрович на это только погладил ее по голове, как ребенка. Дескать, молодец, маленькая, так уверенно держать. Сам же удивленно подумал:

«А ведь правда, черт возьми, я — великий князь в СССР. И это, между прочим, не так уж инклюзивно только в этой реальности. В других мирах есть похожие явления. А вот такой активный великий князь, сумевший добраться до Сталина — это уникальность».

И только. Его активная мыслительная деятельность на этом была довольно грубо прервана, если не сказать сбита. Алена, не обращая того, что спутник молчалив и тих, явно занят внутренней мыслительной работой и не имеет (не хочет) желания общаться со спутницей, просто просунула свою голову ближе к его лицу и, изловчившись, оглушительно чмокнула в щеку.

— Фу, как это не по-женски, — неодобрительно сказал Сергей, пользуясь тем, что они были одни — от собственного водителя они на обратном пути были отгорожены стеклянной перегородкой.

— По-женски, — не согласилась с ним Алена, — у меня ведь нет такой большой суммы

за полупальто.

Гм, он не хотел днем об этом говорить, но раз она начала, то откровенно и прямо продолжил:

— Одним поцелуем, Алена свет батьковна, ты не отделаешься, даже не думай. Ночью снова продолжим.

Она все-таки смутилась, толстокожая сотрудница НКВД! Он удовлетворенно улыбнулся, а Алена, пользуясь тем, что автомобиль пришел к цели, и водитель остановился, стремительно вырвалась от неприятного разговора. Нет, она сама хотела его, надо ведь уточнить пусть мелкие, но существенные детали, и финансовые, и интимные, но не в автомобиле же это говорить!

Тем более, причина активности сержанта госбезопасности была весомая — они остановились около ателье НКВД, где договариваться могла только Алена, как сотрудница этого наркомата. Он же оказывался с ними близок только как бывший арестант. Тоже мне коллега!

Хотя Сергею здесь тоже понравилось. Чисто, светло и тепло, сотрудники вежливы и квалифицированы, а цены государственные, то есть для него почти даром. Они быстро получили свой заказ, так что в Комитет вернулись раньше десяти. Вот ведь каково! Даже с учетом позднеосенней грязевой дороги можно было не торопясь, со вкусом присмотреться к покупкам и к работе сотрудникам ателье.

Впрочем, особо увлекаться не стоило. С учетом этого довольно примитивного времени 1930- гг., когда благоустроенная дорога обозначала лишь гравийное шоссе. Асфальт уже, разумеется, был, но Вождь его почему-то недолюбливал. А машины, что легковые, что грузовые, были мощные только относительно. То есть сырая гравийная дорога легко могла превратиться в грязевую ловушку.

Вырваться оттуда еще было можно, хоть и с серьезными недостатками для одежды, но драгоценное время! Конечно, с учетом отсутствия мобильной связи и наличие маломощного транспорта, пять минут опоздания, как и у женщин, это не опоздание. Нозадержка на полчаса, а тем более, на час, это уже становилось неблагоприятным последствием. И.В. Сталин шутить не будет и ждать столько не собирается!

Поэтому Сергей не собирался идти на поводу у секретаря и, примерив только один наряд, ту самую английскую тройку, решительно прикрыл эту модельную лавочку, несмотря на активные возражения Алены. Хотя и та была нерешительна, ведь, оказывается, она тоже едет на дачу к Вождю!

Буквально час назад к ним, наконец, удалось к ним дозвонится (реплика самого наркома НКВД). Н.И. Ежов настоятельно, читай, в приказном порядке, велел Кормилицыной быть у И.В. Сталина вместе с великим князем

Единственно, на чем настояла женщина, а мужчина, наоборот, не стал отвергать — примерка ею полупальто. Да и то с разными последствиями. То, что для Алены было просто примеркой, для Сергея Александровичем оказалось генеральным действием перед поездкой. Проще говоря, великий князь хотел, чтобы она ехала в этом к И.В. Сталину?! Сержант госбезопасности, имеющий, между прочим, форменную одежду сотрудника НКВД? Да легко, если вы не шутите!

При этом имелось в виду, что, хотя Алена говорила об одежде, а Сергей не возражал, но только замены шинелью полупальто, которое она очень любила. А остальное ей и ничем было менять. На работу секретарем она приходила в форменном наряде сержанта. Да и, как

полагал Сергей, дома у ней, учитывая общую бедность, гражданской парадной одежды просто не было. А, все одно красивая!

Так и поехали — на казенной машине, в единственном наряде, зато молодые и красивые, великий князь с секретаршей — сотрудницей госбезопасности СССР. И ехали они, между прочим, к простому секретарю ВКП (б), не самой высокой должности в партийно-государственной верхушке аппарата, хотя на самом деле к диктатору.

В общем, как понимал попаданец, шаблоны рвало везде, где-то уже привычно, со времен перестройки (для жителя XXI века), где-то снова удивительно, но успокоиться было невозможно!

На Ближнюю она приехали почти вовремя, хотя и не старались. Шофер, что ли, постарался. Он, кстати, был другой, пусть Сергей просил того же, возившего их на рынок. Может быть, тот, конечно, устал, хотя попаданец сомневался. Он социально при Алене возмутился, и хотел было позвонить еще раз, показать, кто в доме хозяин. Сотрудница внутренней службы на это только махнула рукой — все уже проверено и, как надо, сделано, что кипятится?

М-да, не только великий князь, но и простой советский гражданин, очень простой, ничего бы не понял. А вот попаданец XXI века быстро уяснил. Это СССР, детка, здесь всех кого надо держат под колпаком, а кого надо охраняют. И хозяин здесь не народ, а НКВД (КГБ, ФСБ и так далее). Хотя, если они излишне надоедят, то и народ заговорит.

Короче говоря, великий князь и председатель Всеславянского Комитета (не последний, кстати, советский чиновник) рот свой быстренько закрыл. Он ведь еще бывший зэк и, вполне может, будущий. Нечего гневить Господа на Небе, и Вождя не Земле.

И ведь что не делается, то все к лучшему. И автомобиль к даче И.В. Сталина приехал вовремя, и водитель был, как минимум, не хуже. И сами пассажиры приехали целыми, не покалеченными, не арестованными.

Охрана Вождя, тоже из НКВД, но послушная только, как известно, Н.С. Власику, а еще точнее самому И.В. Сталину, проверила их молча и не требовала излишних слов. Документы, сдача оружия. А если проверим? Все равно нету. Словам здесь не доверяли, но и излишне не задерживали. Сергея даже не обыскивали, знали, он еще тот штафирка. Взглядами опытные люди проверили и ладно. А вот Алену тщательно проверили, сержант госбезопасности все же.

И, кстати, ничего оскорбительного и сексуально неприятного не было. Обыскивала ее особая женщина, находившаяся на этот случай в охране. Проверила лапochку и добродушно улыбнулась. Не врала, точно оружия нет!

На этом и прошли в личные покои Вождя, куда даже охрана проходила, только по призыву Хозяина.

Тот уже ждал, умытый и, как обычно, полувоенно одетый. Посапывал пустую трубку, перебирая за письменным столом деловые бумаги.

Увидев гостей, поднялся, пожал руки — и Сергею, и его секретарю Алене. Никто и не удивился и не оскорбился этому. В эту патриархальную эпоху, женщина в деловое время (не в постели) легко приравнивалась к мужчине, а в домашней обстановке, раз уж пропустили, здоровались со всеми — и с ответственными чиновниками, и с их охранниками.

Потом завтракали. И.В. Сталин, как известно, был по характеру сова. Ложился он поздно, иные в это время уже и вставали. Зато и вставал далеко днем, завтракая тогда, когда вся страна обедала.

Зная об этом, Вождь вежливо предложил им, если хотят, и пообедать. Ха, они бы и пообедали, если бы осмелились. Сергей и не думал здесь жрать, не в ресторане же. А Алена и тем более. Она была, прежде всего, сержант госбезопасности, а уже потом капризная красотка и четко понимала, кем она здесь приходится.

Так что поели по-утреннему. На столе ничего лишнего — самовар с кипятком, душистая заварка, сахарница. Дальше, как и положено — ломти хлеба (не батон, хотя и белый), варенье двух видов, животное (сливочное) масло. Единственно, что выпадало из общего уровня, это нарезанный на тонкие дольки лимон.

Хозяин, хоть и грузин, обычно с ним пить чай не любил. Но тут приказал поставить на стол и хитро поглядывал на великого князя.

Ежов, собака, скорее всего, наболтал, — сразу понял попаданец, — или сам Сталин вспомнил. Теперь придется опять играть для находившихся здесь зрителей спектакль. Точнее для главного зрителя.

Конечно, привычка — вторая натура, Сергей, если уж был на столе лимон, не удержался бы, пил чай с цитрусовыми. Но ведь должен будет строго копировать самого же, каким он был у Ежова или в Кремле, у самого Сталина. Не дай бог ошибется! Сразу вопрос — а почему собственно?

При все при этом Хозяин был грозно гостеприимным. Сергея Александровича он, пусть и не называл великим князем и, тем более, его высочеством, но именовал исключительно по имени — отечеству, как и положено члена императорской семьи. Неоднократно обращался к Алене, демонстративно показывая, что видит в ней, прежде всего, красивую женщину, а не охранника и секретаря.

Когда Сергей положил в чай лимон, священнодействуя, обратил на это внимания. Только не так, как раньше, ненароком и как бы невзначай, а открыто интересуюсь, как и что. Любопытно ведь, какой будет вкус и что здесь полезного (или не полезного).

А потом прямо за завтраком все же перешли к делам и заботам Всеславянского Комитета. И.В. Сталина перво-наперво интересовало, как сам Сергей Александрович смотрит на это, что во главе советского Комитета находится, вообще-то, враждебный СССР великий князь.

— Это ведь мы знаем, что никакой ты не враждебный, — пояснил он, — а весь остальной мир, что в СССР, что за границей считает по-другому.

Вождь, по-видимому, уже знал про случай на столичном рынке и чем все это закончилось. И теперь хотел решить эту проблему, пусть не острую, но злободневную.

Попаданец с высоты XXI века был готов ответить.

— Я думаю, товарищ Сталин, — сказал он, — что большевики, а вместе с нами и мы, сочувствующие, не должны прятать голову от острых вопросов. Наоборот, надо их по-большевистски, по-сталински, как учите вы, решать незамедлительно.

— Угу, — пыхнул Вождь из трубки клубом, как бы не замечая, что его хвалят, но спросил: — хорошо, товарищ Романов, а что конкретно вы предлагаете?

Сергей мысленно перекрестился, самый опасный этап удалось пройти. Видимо, мысли И.В. Сталина шли по тому же пути, или, по крайней мере, где-то рядом. А конкретику, пожалуйста, это мы уже не раз продумывали!

Программу развития если не целого большевистского государства, то хотя бы одного единственного государственного учреждения Сергей вырисовал кратко и красиво: организация советская, но председатель у него в глазах всего мира враждебен СССР. Вот и надо его красочно и прямо на глазах всех людей как бы воспитывать. И, между делом, председатель должен создавать нечто полезное.

Алена, запутавшись в словах великого князя, робко спросила, вклинившись между мужчинами:

— А кто этот председатель?

Сергей Романов перенес на нее тяжелый взгляд, от которого она почти физически прочувствовала больно и плохо.

— Ах! — жалобно простонала она, прося и даже требуя от сидящих здесь мужчин ласки и сострадания.

Но мужчины, эти толстокожие и черствые существа, даже не собирались разбрасываться теплыми светлыми чувствами. Наоборот, еще более привнесли сумрака и темноты.

И.В. Сталин даже изволил удивиться, что за это козявка мешает собеседникам решать важные проблемы. Да красивая и мужские глаза отдыхают на ней. Вот пусть молчит и радуется вниманию мужчин.

А вот великий князь Сергей Александрович просто обозлился. Столько катастрофических изменений произошло в стране за последние полста лет, уже и строй стал другим и даже государство другое, а женщины все одно красивые и глупые. Что она влезла со своим бестолковым вопросом?

Попав в перекрестье неласковых мужских взглядов, Алена и сама поняла, что сунула нос не туда и не в тот момент. Растеряно улыбнулась, нахохлилась, как маленький птенец.

Сергей кивнул, словно что-то понял важное, вернулся к прежней теме:

— Товарищ Сталин, позвольте мне выказаться кулуарно по весьма важному идеологическому вопросу. Я не так умен, если ляпну что, вы поправите.

Вопросительно посмотрел на Вождя, как заведомо младший перед старшим. Сталину это понравилось. Он все еще колебался, как ему с ним быть. Вроде бы и интересная может быть игра, и результат весомый. Но вот сама фигура вроде бы с гнильцой... не получится ли так, что ближайшая перспектива что-то принесет положительное, а вот потом все хуже и хуже.

Потому и пригласил сегодня великого князя и его подружку, очень красивую, если даже такой гомосексуалист Ежов обслюнявился, и такая же глупая, как и все женщины. Это плохо, хоть и не очень. А вот то, что великий князь Сергей Александрович оказался очень умным и сообразительный, это очень хорошо.

Вождь, как это он делал всегда, поручил собрать справочные материалы и сделать на их основе небольшую выжимку — аналитический доклад. Полученное его удивило. Он, в общем-то, и раньше знал, что Сергей из-за большого кровопускания стал важной фигурой в династических планах семьи. Но снисходительно смеялся, мол, на безрыбье и рак рыба, и после смерти прямой ветви Романовых белая эмиграция хватается за любого сколько-нибудь подходящего.

Ан нет, все оказалось гораздо сложнее, причудливее и интереснее. Старший сын

Николая Палкина будущий Александр II Освободитель, конечно идеально подходил в династическом плане, как старший потомок мужского пола. А вот в плане ума и перспективы, вроде бы, лучше был бы следующий сын императора Константин Николаевич. Сейчас, в конце 30-х гг. XX века уже видно, что тогда Россия попала в гибельный тупик. Уж каким бы не был плох правящим монархом Константин, но Александр оказался неудачен. Он просто запоздал с появлением. В XVIII веке он был бы величайшим царем, продолжателем дела Петра I, доделавшим так необходимые России преобразования. А вот в XIX веке он только расшатал и так уже ветхое здание монархии. Да и потомки его оказались все хуже и хуже, как государи. Либерал Константин I, юркий, мягкий, но ничего не делающий, как все либералы, был бы более оптимальный вариант. А его потомки, хоть сумасбродные, оказались куда умнее и талантливее.

Большевикам повезло в XIX веке в плане того, что монархия обрушила сама себя. Революционерам лишь надо было подождать, а затем в нужный момент решительно выступить. У нас был умница В.И. Ленин, а у них размазня Николай II. Комментарии, как говорится, излишни.

Однако теперь-то ему надо не разрушать, а, наоборот, созидать. И если уж что-то (кого-то) брать у Романовых в виде ладного помощника, то лучшего потомка, чем внука старшего сына Константина Николаевича не найти! А хорошо бы было, как у Шекспира. Слабый, но умудренный представитель дает последнее послание вождю новой силы. Ха-ха! Юридически, конечно, это ничего не дает, но морально будет хорошо встречено и у нас, и за границей.

А ведь Сергей Александрович в состоянии сделать не только это. Поставить его императором России, безвластно, но со всеми погремушками. Или, если городское население встретит уж чрезмерно негативно, председателем Верховного Совета, а?

И И.В. Сталин уже повеселевшим взглядом посмотрел на великого князя, а заодно его прелестную пигалицу.

Сергей, разумеется, все эти мысли Вождя не знал, но по поведению его понимал, что его шансы укрепиться на верхушке партийно-государственной власти заметно увеличились. Вождь уже выбрал неплохой вариант, тогда великий князь сумеет и рыбку съесть, и... ну вы ведь меня понимаете?

И уже смелее, хотя так же почтительно продолжил:

— Прежде всего, надо решить постановку будущей, но зримой цели — или по-прежнему идти терновой и кровопролитной дорогой к мировой революции, как это хотел жиденок Троцкий...

Тут Сергей остановился, желая увидеть реакцию лидера страны. И Сталин не обманул его, даже более. Он зло и жестко посмотрел на гостей, в том числе на умненького аристократа, аж дурно становится! Может наградить его расстрелом отделения НКВД, да потом еще для верности еще раз прострелить голову? А это лахудра пойдет за ним вместе, будет его услаждать на том свете. Ежов ведь говорил, что она стала любовницей? Грех разлучать любимых!

Хотя нет, нечего так легко разбрасывать ценные человеческие кадры, — уже с некоторым сожалением подумал Сталин, после того, как внезапная вспышка гнева прошла, — этот выкормыш Романовых ведь не мои мысли рассказывает, а свои, семейные, романовские. Будет любопытно посмотреть, как он мои хотелки под монаршим соусом будет реализовывать!

Сергей же в эти минуты, когда И.В. Сталин, смотря за обеденным столом на них, словно мысленно зачитывал расстрельный приговор, даже, кажется, дышать перестал. И Алена, еле слышно вздохнув, как бы подтвердила, что он не ошибся, по острию ножа ходит.

И попаданец тяжело, но облегченно вздохнул, словно уже у расстрельной стены ему прочитали распоряжение Верховного Суда о помиловании. Ведь Вождь, взяв положенную (брошенную) на стол трубку и окутавшись в очередной раз табачным дымом, спросил еще не отошедшим от бешенства голосом:

— А какой еще намечается для большевизма путь?

«Фу ты, ну ты, пронесло, Господи!» — чуть пяткой не перекрестил себя в чувствах Сергей. Ведь и сказать нельзя и не сказать не получится. Прямо как по науке — самый действенный способ найти верный путь — практика. Ух, расстрельный метод познания реальности! Сказал негромким, даже веселым тоном:

— Я, конечно, товарищ Сталин, могу ошибиться, не ученый и не коммунист, — предупредил Сергей на всякий случай, как имя бога произнес церкви. А потом сказал сокровенное: — по-моему, все же соединение большевизма с русским патриотизмом имеет большой потенциал, как в общественной науке, так и в политической практике в СССР.

Все, высказал сокровенное, но опасное. И Вождь, вроде бы, стал спокоен и как-то меланхолично задумчив. Видимо, синхронизируются наши мысли. Или же нет?

Сергей, разгадывая трезвым разумом идущую действительность и вспоминая исторические факты о сталинском периоде развития страны, понимал, что И.В. Сталин все это неоднократно продумывал сам, и даже реализовывал в реальности. Тут самое главное попасть в струю по времени. Попал?

Вождь, судя по долгой паузе, не сразу принял мысль о приоритете русского над интернационалистическим. Где-то у него и самого вилась в голове, что надо оторвать коммунизм от мировой революции, ведь в этом мировом революционном процессе, Россия, а потом уже СССР будет находиться в одном из последних мест. Это И.В. Сталина, несомненно, не устраивало. Но чтобы вот так прямо, как камнем в лоб, да еще и не он диктатор не озвучивал, а сказал почти враг, хотя и почти перекованный...

Сказал задумчиво, пусть и немного расплывчато, мол, интересно говорите, товарищ Романов, но он пока еще обдумает. А что из рабочей конкретики вас беспокоит?

Вся текущая работа базировалась как раз на большевистском патриотизме, но ведь не будешь ведь говорить об этом. Как еще повернет Великий Кормчий, сломает всю работу Комитета и что? Лучше он пройдет по пунктам плана, не дурак ведь, всяко поймет. И если он согласен с его теоретической основой, то у него получится хорошая возможность примазаться, извините уж за грубость. Если же не согласен... об этом лучше вообще не думать.

— Я прочитал ваш план работы Комитета, — не торопясь, как любил говорить Вождь, слушая самого себя и одновременно размышляя. У собеседника от этих манер зачастую бывал инфаркт, но его это как-то не беспокоило, — и мне он поправился.

«Вот. наконец, твердая точка, — удовлетворенно подумал Сергей Александрович, — можно предаваться яростными продолжительными аплодисментами». Вслух же сказал, как добросовестный ученик любимому учителю: — спасибо, товарищ Сталин. Благодарю за высокую лестную оценку!

И.В. Сталин усмехнулся. Чувствовалось, что эти слова для него привычная рутина, нечто вроде возгласа «Христос воскрес» в Пасху. С другой стороны, попробуй-ка не не

скажи! И самому Хозяину будет неприятно, а уж прощельги из свиты как возьмутся, где положенное число «Ку»!

— Чувствуется изрядная связь между вашей теоретической базой и практическими мероприятиями Плана, — сказал Сталин, — я, знаете, еще не готов принять первую, но твердо стою за вторые. Молодец, Сергей!

— Товарищ Сталин, — попытался смягчить Сергей имеющиеся противоречия между современным большевизмом и русским патриотизмом, — коммунистическая концепция сейчас является самой передовой и научно выверенной. Но население советское слишком разное и зачастую отсталое и его не может принять. Как бы не стало излишнего разобщения в ходе войны.

— Да, война, — помрачнел Сталин. Спросил, похоже, на всякий случай, типа одна голова хорошо, а полторы много, — а как вы думаете, товарищ Романов? Сейчас на Западе существует два лагеря империалистов. К какому должен примкнуть СССР?

«Не фигу себе вопросец! — изумился Сергей, — он бы еще спросил, сколько ангелов на кончике иглы».

— Я думаю, что верить не надо никому, товарищ Сталин, — твердо сказал попаданец, — все равно, обе стороны обманут рано или поздно.

Хм! — удивился Вождь и втянул дым из трубки.

— То есть, полагаться на меня не надо, — пояснил Сергей Александрович, — просто я так считаю всегда, и до войны, и в годы нэпа.

Что же касается населения, то в этом отношении русский патриотизм на примере таких полководцев, как А. Невский, М. Кутузов, может, скорее всего, соединить старые традиции и новые устои.

— Мгм! — оценил И.В. Сталин, пояснил свой подход: — патриотический подход не надо переставать. Но с другой стороны, лишним он не будет. Попробуйте, а мы посмотрим!

Такой подход Вождя прозвучал угрожающе. Каменев и Зиновьев ведь тоже «попробовали», но Вождя их подход не устроил.

И.В. Сталину его тон тоже не понравился, он смягчил его заботами о повседневной жизни Всеславянскому Комитета.

Председатель Комитета, как советский гражданин, это немедленно уяснил.

— У учреждения все имеется — жилищная база, транспорт, квалифицированные кадры, — сказал он, — единственно, нам бы немного бензина и автомобильного масла...

— И все? — удивился вождь. По-видимому, когда диктатор становился щедрым и сам предлагал просить, то посетители «теряли берега». Буркнул: — ну-ну.

Но ГСМ выделил прилично.

За разговором допили чай и, по предложению Хозяина, перешли снова за письменный стол. И.В. Сталин сел на торце, как руководитель, Сергей рядышком, нечего кричать, разговаривая, а за ним скромно присела Алена. После того случая, когда мужчины вдруг на нее наехали, хотя она до сих пор ничего не понимала, она решила, на всякий случай, просто молчать. Хоть целее будет, а если что просить, так у нее и так ранг небольшой. За нее обычно просят ее начальники и то не у Сталина, а уровнем ниже, и не для ее конкретно, а за коллектив.

Мужчины меж тем снова зарылись в деловые бумаги — План работы Комитета.

— Я так понимаю, второй пункт и третий касаются лично вас? — резюмировал И.В. Сталин.

— М-м, — промычал Сергей Александрович, — я бы сказал, что мероприятия всех трех пунктов касаются меня, как председателя Комитета, а потом и всех сотрудников Комитета. Просто, в рамках первого пункта сотрудников будет больше, а по второму и третьему, как разрешат.

— В смысле разрешат? — удивленно не понял И.В. Сталин, — кто такой не разрешит?

Сергей мысленно чертыхнулся. Вот ведь какая закавыка, проклятый несдержанный язык! Всю аудиенцию с диктатором продержался, опасные ловушки обошел, а в конце на мелочи прокололся. Пришлось признаться:

— Главным образом вы, товарищ Сталин.

Попаданец опасался, что собеседник рассердится на намеки Сергея о диктаторских замашках кое кого. Но оказалось, Хозяин всего лишь хотел знать фамилию прыткого человека из своего окружения, имевшего наглость его заменить!

Успокоившись, он дунул в свою трубку, проверяя ее дееспособность, добродушно спросил:

— А зачем вам за границей наши люди?

«В смысле НАШИ? Сотрудники НКВД, что ли? — усмехнулся Сергей, — да, в общем то, мне и не надо, но вы ведь все равно всучите!»

А вслух же сказал политкорректно и почтительно:

— Товарищ Сталин, причин здесь несколько — белоэмигранты и западники должны знать, что великий князь в СССР не проклятый изгой, что вы ему доверяете и верите. Ну и я должен на кого-то базироваться. На людях председатель Всеславянского Комитета обязан быть всесильным, опираться на множество сотрудников, да и на практике, чтобы получить весомые результаты, мне надо иметь ответственных работников, охранников, наконец, просто слуг. Как говорится, *poblesse oblige*, если работники гостиницей увидят, что великий князь сам чистит свои одежду и обувь, то они страшно удивятся, разнесут по округе, а мое реноме будет подорвано. Разумеется, мне не станет тяжело ухаживать за собою, и репутация за границей по большому счету не имеет особого мнения. Но тогда роль моя будет малоэффективна.

— М-гм, — И.В. Сталин хмыкнул, встал, неспешно прошелся, о чем-то сосредоточенно размышляя. Остановился напротив сотрудницы НКВД (он знал об этом ее статусе), внимательно глядя на нее, как на картину, вплоть до мельчайших подробностей.

Алена даже покраснела от такого внимания, попыталась встать. Сталин успокоитель надавил на ее плечо, мол, расслабься, все хорошо. Спросил, и как сотрудницу НКВД, и как секретаря и любовницу, то есть доверительного человека:

— А вы как считаете, товарищ Кормилицына, мы можем безбоязненно доверять Сергею Александровичу за границей?

Вот ведь как сумел подойти. Не у самого спросил, но при нем. Дескать, давайте узнаем, кто ты такой, ваше высочество? Заодно и смотрителя от НКВД проверим. Может, и не работает она уже должным образом, спеклась!

А он и не подумал про это, ждал более честную игру. Хотя знал ведь, что политика — грязное ремесло. А теперь вот смотри и вой!

Вот в этот знаменательный, пусть и ответственный момент Сергей окончательно и понял, что влюбился. По уши, до бровей, в общем, полностью, только ручками напоследок помахал, погружаясь в путину любви. Поймите правильно, Алена, разумеется, красива. Ну, почти, если особенно в лицо не смотреть. Но таких в российских просторах тьма-тьмущая и не только русских, но и других народов. Конечно, лучше красивая, чем дурная, а если умная, то лучше совсем бежать от такой гадюка.

Но Алена так умно его прикрыла, так совсем незаметно похвалила, что даже И.В Сталин, недоверчивый по природе, смягчился, заметно отошел от нее, опять задумался, но уже не глубоко.

Алена ведь его смогла прикрыть, но не так, типа «Я ему верю, как себе», а с логичными поворотами. А заодно предложила, как его прикрепить, чтобы он незаметно не скрылся на Западе. И ведь Хозяин ее предложения принял!

— Великий князь Сергей Александрович, — сказала она, спокойно глядя на Вождя, а это надо еще суметь (!), — за время моего с ним знакомства показал себя, как типичный советский гражданин. И даже некоторые отклонения, с моей точки зрения, окажутся для нашей страны полезны. Например, Сергей Александрович маниакально постоянно пытается соединить дореволюционное прошлое с революционным настоящим. И это не страшно, ведь второе у него всегда преобладает над первым.

Он уже наш, хотя старое романовское в нем еще явственно видится. Но, с точки зрения советского государства, это даже лучше и с финансовой точки зрения и с идеологической. А чтобы он и дальше был на нашей стороне, надо его сделать коммунистом или сотрудником НКВД.

— Или тем и другим, — предложил Хозяин, подойдя к Сергею, — ты я вижу, еще не отошел от слов своей секретарши, а, по совместительству, подружки. Так отойди и подумай. Предложение-то толковое. Иначе ведь так и остановимся, где стояли.

Что-то я должен куда-то идти и кем-то становится. Ну членом ВКП (б), еще ладно. Большевиком я быть не собирался, но и откровенной антипатии к этой партии не имел.

Когда-то, теперь уже давным давно (это к XXI веку), покойные его родители в 1960-х годы стали коммунистами как бы между прочим. Как все. И также в начале 1990-х годов вышли среди прочих, ни в том, ни в другом случае не прилагая особых усилий. Чем он хуже родных предков?

А вот служба в НКВД, да еще сексотом, это было противно. Ну его к лешему! Вот же ж помогла Алена, то ли радоваться, то ли пугаться. Уедем отсюда, вначале обязательно поташу в какой-нибудь роскошный ресторан — заслужила. А потом «дома» — в здании Комитета, где он не только работал, но и ночевал, выпорю — тоже обязательно заслужила.

Сталин между тем не уходил, также стоял и смотрел в упор. Видимо ждал ответа, пусть и немедленного. Хоть и понимает, что получил недавно моральный нокаут и ему надо придти в себя, но ведь и ждать долго его не стоит. Вождь все-таки!

Так что Сергей решил уступить, если и ему чуть-чуть пойдут навстречу в самом неприятном. Сказал, как бы невзначай:

— В НКВДя мог бы пойти (добавил мысленно — только не сексотом), но лишь в Европейский отдел.

И посмотрел на Сталина голубыми ангельскими глазками, как глядел на него младший кот Снежок.

Не знаю уж, что тут сложилось — взгляд ли, или Вождь с самого начала не хотел брать его в страну, но И.В. Сталин неожиданно сразу согласился.

Ух, как хорошо вышло! Теперь и о партии можно поговорить.

— Тоаприщ Сталин! Я и сам хотел попроситься в партию, для меня это большая честь. Но ведь рядовые коммунисты в ячейке не согласятся!

— Не согласятся, зачем? — пыхнул трубкой Хозяин.

— Так ведь великий князь и в коммунистическую партию. Тут, пожалуй, и самый гибкий член ВКП (б) не решится сказать ЗА. Я даже не знаю, кто за меня поручится.

Секретарь ВКП (б) И.В. Сталин, хорошо знающий внутреннюю кухню партии добродушно кивнул:

— Наша коммунистическая партия славится свои пролетарским демократизмом. И никто не заставит рядовых коммунистов голосовать против партийной совести. Однако, если у вас нет черных подленьких делишек, вам нечего бояться, будут протии, но будет и ЗА.

Он повернулся к девушке:

— Товарищ Кормилицина, вы большевик?

— Да, товарищ Сталин, я вступила в партию в числе первых после возобновления приема в 1936 году, — то ли доложила, то ли похвасталась Алена.

— Хорошо, товарищ Кормилицына, вы можете дать рекомендацию товарищу Романову, или, точнее, Романову-Советскому?

— М-м, — протянула она, стрельнула глазами на Сергея, что-то про себя и решительно сказала: — да, товарищ Сталин, я могу дать товарищу Романову-Советскому рекомендацию по приеме в партию.

Вождь удовлетворенно сел за письменный стол. Видимое колебание девушки даже понравилось ему. Не бездумно согласилась, понимает, что коммунист, рекомендующий нового кандидата в ВКП (б) сам в какой-то мере отвечает за него, как один из родителей. Не зря рекомендателей тоже двое.

Придвинул к себе лист бумаги, что-то размашисто написал на нем, потом расписался, прокомментировал:

— Ну, а вторым рекомендующим вас в партию буду я! Не будете сильно возражать, товарищ Романов?

Вождь лукаво улыбнулся, понимая, что у великого князя нет особого выбора. Великий князь, как член партии был очень опасный эксклюзив, руководители партии, сам И.В. Сталин, как член Политбюро и секретарь ЦК, должен был принять в этом участие. Да и вообще, попаданец, насколько он понимал в режиме диктатуры, понимал, что такой крупный шаг мог сделать лишь диктатор. Лишь в таком случае получался хоть какой-то позитивный результат.

Правда, Сергей все же предполагал, что И.В. Сталин перестрахуется. Проведет постановление Политбюро о приеме в партию великого князя или даже решение ЦК опросом. Уже не один, а кучка. Но нет, видимо, секретарь ЦК принял во внимание, что великих князей и в мире-то мало, а уж в СССР вообще один, по крайней мере, мужского пола.

И просто сам написал рекомендацию. Тут и принцип пролетарской демократии не пострадал, и кто решиться персонально возразить всесильному секретарю ЦК?

Согнул лист вдвое, порекомендовал:

— Торопиться не надо, товарищ Романов, но и затягивать не стоит. Мало ли что нас ждет впереди. Скажем, подайте заявление накануне октябрьских праздников (7 ноября по н. ст.) и это будет нормально.

И.В. Сталин, по-видимому, почувствовал, что время для посетителей у него израсходовано, стал торопиться. Начали прощаться и гости, хватит уже, итак более двух часов пробыли.

Хозяин их не задерживал, лишь констатировал, что работа Комитета у Сергея идет нормально, в рамках постановлений ЦК ВКП (б), к самому товарищу Романову-Советскому никаких претензий нет. Он должен лишь в ближайшее время вступить в партию, а потом оформится в НКВД.

Тут Сталин помедлил, подумал и сказал нечто странное, типа, что в наркомат внутренних дел он бы пока ходить не рекомендовал. Лучше бы к середине ноября, не раньше.

Посмотрел на непонимающее лицо у Сергея Александровича, и, наоборот, на очень понимающее, даже хитрое его спутницы. Порекомендовал:

— Товарищ Романов, вы на верхах партии и правительства находитесь недолго, лучше больше советуйтесь с женой. Она у вас не только красавица, но и умница, аж слюнки бегут. Был бы помоложе — украл бы, — помолчал, давая понять, что все это шутка, продолжил: — у вас ведь, время, я так понимаю, сейчас много свободного?

— Да, товарищ Сталин, — аж подался вперед попаданец. После быстрого ритма XX] века, когда у любого человека сутки строго разделяясь на минуты и даже на секунды, прядущий XX век казался излишне неторопливым.

— Вот-вот, — одними губами улыбнулся И.В. Сталин. Посоветовал: — женитесь, пока любимую женщину ку вас не отобрали. Потом жалеть будете.

— Что? — не понял Сергей.

— Я говорю, то, что вы живете с секретаршей вместе, хорошо, — начал сердиться Хозяин, — а то появились сейчас всякие, то с мужчинами живут, то с собаками, тьфу! А вот то, что вы эти отношения официально не регистрируете, плохо! Товарищ Кормилицына, прошу вас, возьмите на себя инициативу, сводите этого молодого человека в ЗАГС.

— Слушаюсь, товарищ Сталин! — покраснела, но готовно ответила Алена.

— Гм, — негромко кашлянул Вождь, откровенно посмотрел на настенные часы, объявил: — на этом, товарищи, время мое сводное совершенно истекло, пора в Кремль, на службу. Кстати, поехали в моей машине, как?

Оба гостя, что Сергей, что Алена прекрасно понимали, какой части они устаиваются. Отказаться в этот миг мог только совершеннейший дурак. Поехали, конечно. Сергей сел рядом со Сталиным, а его секретарь, как лицо менее важное, на переднее сиденье, рядом с шофером.

По пути Алена, повернувшись к мужчинам на заднем сиденье, по педантичной милицейской привычке докладывать о всех нестыковках и служебных приключениях, рассказала о некоей стычке на рынке. На всякий случай, в юмористическом плане. Мол, посмейтесь, товарищ секретарь ЦК!

И.В. Сталин, однако, в отличие от секретаря и, в данном случае, охранника, к информации отнесся серьезно, даже хмуро. Поинтересовался, сколько было у великого князя охранников, и кто имел оружие. Оказалось что охранник, вернее охранница была только одна, а пистолет, вроде бы Алены есть в дамской сумочке? Проверили вместе, точно, под

пудреницей лежит, правда, незаряженный.

Сталин, с явной усмешкой наблюдавший за этой суматохой, в конце концов, не выдержал и вслух выматерился, помянув, правда, очень неодобрительно лишь Ежова, как наркома НКВД. Сказал, как приговор прочитал:

— В то время, как проклятые троцкисты-бухаринцы и иже с ними, прикрываемые мировыми империалистами совершают у нас в стране один теракт за другим, у вас проявляется такая жуткая мягкотелость. стыдно, товарищи, стыдно!

Попаданец, однако, хорошо зная, кто такие «внутренние враги» на самом деле и уж совершеннейше их не боящийся, изволил легкомысленно улыбнуться. Он, понятно дело, все же спрятал лицо от Хозяина, чувство самосохранения у него сохранялось. Но Хозяин все равно увидел и тут уж рассердился окончательно. Сказал, обращаясь к Романову:

— Обращаюсь вам, как мужчина к мужчине. Стыд и срам! Ваши предки, кажется, до революции считались военными и постоянно носили оружие? Вам не стыдно, Сергей Александрович!?

Сергей, понимая, что элементарно попал под раздачу, сделал скорбное лицо, как бы говоря: да виноват, товарищ Сталин, не учел. Но не бейте дяденька засранца, я исправлюсь!

Хозяину этого было мало. Отчитав председателя Комитета и понимая, что какой с него спрос, он повернулся к сержанту госбезопасности и укорил ее:

— Никогда бы этого не поверил, но приходится обращаться к женщине по вопросу о защите мужчины. Как же так, товарищ Кормилицина? Большевистская партия и Советская власть доверила вам такую цель, а вы! — помедлил и почти обвиняюще закончил: — есть мнение, что вы не справились с поставленным вам поручением.

Сергей знал по литературе, что после этого может произойти, что угодно — от ссылки на Север на «бессрочную командировку», до обвинения в троцкизме и терроризме с последующим наказанием. И Кормилицына это, судя по побелевшему лицу, прекрасно понимала. Этого для Алены после семейной постели и сегодняшней его защиты, он не желал.

— Товарищ Сталин, — вмещался он в разговор, не давая девушке говорить с понятно каким результатом, — в это есть и моя вина и как руководителя учреждения, ну и как мужчины. Разрешите, я возьму этот вопрос под свой личный контроль и решу его за сутки.

И.В. Сталин помедлил. Чувствовалось, что у него уже было решение проблемы, но к счастью для Сергея и для Алены, оно его тоже не устраивало.

— Ладно, — решил он хмуро, — учитывая, что Ежов здесь виноват не меньше вас, нарком, мать его! А сотрудник НКВД к тому прекрасного пола, на первый случай прощаю. Но смотрите, потом проверю, и если опять провинитесь, накажу вдвойне!

Затем посмотрел, где они едут по Москве, скомандовал:

— Дальше езжайте самостоятельно на своей машине, вам, как говорится, налево.

Автомобиль остановился и великого князя с охранницей, как метлой смело. Вождь с доброй улыбкой посмотрел на них и на прощание поднял руку. Видимо, он сильно не рассердился на них. Да и за что? Романов, как председатель Всеславянского Комитета, совсем не отвечал на охрану, а его охранница вообще была девушкой, какой с нее спрос!

А Алена, державшаяся в сталинской машине мужественно, на улице, расслабившись, закатила истерику. Хотя она сама понимала, что оживленный московский проспект это не то место, где бы можно было распускать откровенные чувства. Поэтому, прижавшись к Сергею, только крупно дрожала и еле заметно слышно рыдала.

Романов ей не мешал. Бабы они вечно так, на чувствах. Вот наплачется, выпустит со слезами эмоции, с нею можно будет говорить. А пока только так. Впрочем, слез ей хватало и на стояние на улице, и на недолгую поездку на автомобиле. Только уже на Якиманской набережной она затихла, вроде бы упокоилась. Сергей, тем не менее, на всякий решил прогуляться. И погода по-осеннему хорошая, дождь, но без ветра и даже относительно тепло. Вот и прогуляются, нервы успокоят и заодно откровенно поговорят, ведь в здании Комитета помещения точно прослушивают, проще уж в жестяной рупор на площади кричать.

Алена не возражала. После прошедшей истерики она была задумчивая и ласковая.

— Ну те — с, — сказал Сергей решительно, — прежде чем мы распределим обязанности по итогам визита к товарищу Сталину, расскажу, что хочу я. Во-первых, твоя деятельность на даче настоятельно требует, чтобы я отвел тебя в самый роскошный ресторан Москвы и там как следует угостил. Все на твой выбор — и ресторан и ужин. Во-вторых, по этой же деятельности, я хочу обязательно тебе выпороть!

Надо сказать, что первый пункт ее откровенно расслабил, она была в какой-то прострации, то ли в любовной, то ли просто лирической, по погоде. Несмотря на дождь, сняла шляпку, распушила волосы. Знала, что они у ней роскошные и мужчинам всегда нравятся. И теперь лукаво шурилась, крутя головой и разметывая белокурую прическу. Дескать, вот я, такая прелестная, люби и помни!

Однако, второй пункт Алену отрезвил. Она вновь притихла у его плеча, уже молча прося прощения. Хозяин своими действиями показал, что она работала, как минимум, на тройку с минусом или на двойку с плюсом. Оценки практически одинаковые, но двойка — это неудовлетворительно, тогда как тройка — уже удовлетворительно с соответствующими последствиями. И ставить отметку будет теперь уже великий князь самостоятельно и, может, это даже будет хорошо, поскольку остальные экзаменаторы еще хуже.

— Я буду ласковой и податливой этой ночью, — попыталась определить Алена аванс великому князю.

Сергей Александрович даже не думая, отрицательно уткнул. Девушка поджала губы. Неудачный ход, нельзя обещать то, что и так принадлежит ему. Попыталась еще раз:

— А нельзя, чтобы и ресторана не было, и порки?

— Нет, — отказал великий князь, — сначала будет ресторан со всеми вкусностями и винами. С десертами! Тебе какое нравится мороженное — клубничное, земляничное, смородиновое? Ну а потом, уже дома, я тебя выпорю за твое поведение у Хозяина.

— Ах! — очень восхитительно воскликнула девушка, — тебе так нравится издеваться над беззащитными девушками!

— У тебя есть пистолет, — ответил Сергей. По сути, потешаясь, — правда, он не заряжен, но им хотя бы можно кидаться. Всяко не беззащитная.

Вот ведь гад, никак его не пробьешь, — наполовину восхищенно, наполовину обижено подумала она, — а мне что делать?

К счастью для сержанта госбезопасности Кормилицыной ее очередной нынешний начальник и, как правило, любовник, С.А. Романов действительно просто голословно издевался, не собираясь приводить в действие озвученные угрозы. Только уточнение — вначале он на самом деле хотел ее выпороть — ничего ей не будет от десятка несильных ударов кожаной плети, или что еще бог подаст председателю Комитета. Пусть задница пострадает от излишества языка. Но потом — просто удивительно, как быстро, — он сломался от просящего личика своего то ли секретаря, то ли охранника, то ли, о-ох(!) жены-любовницы. И уже просто забавлялся, успокаивая нервы после непростого визита к диктатору, а по совместителю и секретарю ЦК И.В. Сталину.

Но он все же был не маньяк, а обычный великий князь, а также мужчина. Изгаляться над беззащитной женщиной, пусть и с незаряженным пистолетом, ему претило. И он решительно прекратил это нехорошее зрелище, хотя и с некоторым положительным результатом для себя:

— Хорошо, я забуду эту сцену у Вождя, если ты, как и обещала, будешь ласкова ко мне ночью.

Сергей сказал это шепотом и на ухо, но все равно ей стало стыдно, такова уж была женская сущность. Кровь ударила в голову, но очень фривольно, заиграв румянцем по щекам. Она негромко хихикнула, стрельнула глазками и представила свои условия:

— Если мне понравится ресторанное угощение и ваше поведение в ходе похода в ресторан!

Сергею Александровну эти слова существенно не понравились. Он угрожающе обхватил ее, благо на осенней дождливой улице совсем не было прохожих, и заявил:

— Я не потерплю такой подход! Эта ночь будет расплата за твое поведение на даче!

Алена буквально испугано бросила короткие взгляды вдоль по улице. Конечно, ничего антисоветского они не сказали, и на лбу ее спутника не было написано «я — великий князь», но, боже мой, как стыдно!

Под воздействием этих чувств, она решительно отбросила его руки — а девочка-то была сильная и, когда надо, решительная, — и медленно пошла. Сырой осенний воздух быстро ее остудил, а теплого, сильного и, все же хотя бы для нее, приятного мужского объятия уже не было. Ее расчет, что медленный темп шага позволит мужчине быстро нагнать девушку, увы, не оправдался. Она досадливо остановилась и огляделась. За ней, не торопясь, шел пусть и не крупный, но солидный и очень внушительный мужчина. ЕЕ МУЖЧИНА!

Она почувствовала, что ее сердце само собой застучало быстрее и возмущеннее. Что ты убежала от него, такие мужчины да еще в ранге великого князя по советским улицам гуляют очень редко!

И она протянула к нему руку — милостиво, как ей казалось и смущенно, как показалось ему. И оба торопливо и в то же время тепло обнялись и уже вместе пошли по московской улице. Не торопясь, но и излишне не задерживаясь, как обычная советская семья на будничной прогулке.

Однако, договаривать прежний разговор было необходимо, не обвисать же ненароком невесть где? И по традиции (какое небывалое счастье!) начинать его, как обычно, должен мужчина. А где же гендерное равенство? Где хотя бы женщина — друг человека?

Хотя ладно, Сергей Логинович, который попаданец, давно к этому привык, что, когда надо, женщина говорит, возмущаясь, о равенстве, а когда надо, спокойно убирает свои заморочки и подталкивает вперед, — мол, ты глава семьи, иди первым!

— Милая, по-моему, мы договорили тут много лишнего. Давай вычеркнем разговоры двух-трех часовой давности и начнем сначала? — он пожал ее руку в знак примирения и не удивился, когда почувствовал ответное пожатие. Женщина тоже человек, а не брехливая собака. Конечно, среди них больше сплетниц и болтушек, но основная часть такая же тихая и спокойная, как и ее кавалеры.

И, кажется, они окончили эту бестолковую ссору и перестали воевать друг с другом. Правильно, лучше бороться с жизненными невзгодами, или, точнее, с непростыми задачами, которые сегодня поставил И.В. Сталин. Ведь с ними никто не будет справляться. Сам решай свои невзгоды!

— Дорогая Алена, сегодня мне поставили, — Сергей посмотрел на подругу, одобрительно кивнул, увидев ее протест, поправился: — нам поставили серьезные задачи, которые мы должны обязательно решить. Товарищ Сталин шутить не любит, так пнет, увидев, что мы не шевелимся, что долго будем лететь, аж до Камчатки. Работать буду, естественно, я сам, а вот тебе, как уже говаривал незабвенный Вождь и Учитель, предстоит роль мудрого советника.

Алена смущенно улыбнулась, и не сильно, но чувствительно двинула его в бок локтем: — разумеется, посоветую, что смогу и знаю. Только, — тут она быстро перешла на шепот, — не надо часто упоминать имя товарища Сталина. Он этого очень не любит, а на улице много доносчиков и просто сплетников.

«М-да, не говорите оных существ всуе, они и не полезут под руку», — промелькнуло в голове попаданца, но в слух он только сказал:

— Да, милая, конечно, все будет, так, как ты хочешь.

И сам искренне удивился: «Не фига се, я еще не женился на ней, а Алена уже командует. И что самое главное, я сломался и сдался, как будто так и принято. Вот она, видимая роль женской красоты. А вот в XXI веке и не собирался сгибаться. Лариска, что ли, была не такая красивая, хотя, ха-ха, такая же белобрысая».

Прошли несколько шагов молча — он широким мужским шагом, она, подстраиваясь, более коротким женским. Потом он снова заговорил:

— Как я понимаю, нам надо решить следующие задачи, а в ряде случаев комплекса задач:

Во-первых, дальнейшие вопросы укрепления и развития поручений в сфере деятельности Комитета. Здесь все хорошо, я Вождю уже про них говорил, он одобрил и надо только не снижать темпы;

Во-вторых, надо с органами НКВД и лично с товарищем Ежовым укреплять безопасность среди сотрудников Комитета, в том числе и его председателя;

И, в-третьих, личный вопрос, поставленный сегодня сверху. Выйдешь за меня замуж?

Алена аж засмеялась от такой постановки вопроса. Радостно, а какая женщина не порадуется подобному изменению в интимной сфере, когда ты сама старалась-добивалась такой цели?

Но все же не так — товарищ Сталин указал, а мы дружно двинулись в семейную сферу, выходи за меня замуж! Нет, она преданная большевичка, но где-то надо остановить партийные директивы на пути к семейной постели. И потом — сначала затащил ее в постель

с большой порцией плотской любви, а потом спрашивает, можно ли? Вежливый мужчина действует по-другому. Или в амурных делах нет вежливых мужчин?

Щелкнула своего милого — хотелось легонько, а получилось оглушительно, хотя и не больно, но обидно для мужчины, а, тем более, великого князя.

— Ух! — оглушительно взревел он в ответ, как бык перед смертью. Алена уже подумала нехорошее, но ничего не успела сделать. Быстро посмотрев вперед назад, он резко поднял ее на руки и двинулся в подъезд.

— А-ах, — только сумела вздохнуть она, не то возражая, не то поддакивая. А он уже крепко целовал ее и гладил по интимным местам, опустив на земную поверхность. Не хорошо, что не в постели, но как приятно!

Однако, где они? — она чмокнула его в щеку, подтверждая их близость, вербально повторила: — да, любимый, я согласна.

И тут же озаботилась, оглядывая на безмолвные, чужие окна, неодобрительно смотрящие на них:

— Пойдем отсюда, здесь как-то тяжеловато и неладно. Ну, пожалуйста!

Сергей тоже посмотрел на окна. Обычные, с блестящими стеклами и деревянной основой. Хотя действительно, морально немного давят.

— А ну давай! — решил он и, взяв ее за руку, выскочил обратно. А там уже и особняка их Комитета. Вошли в здание мимо дежурного постового НКВД, задумались. Любовь — любовью, а кушать хочется всегда, при чем обоим.

— Так! — подумала она в слух, посмотрев на часы в рабочем кабинете, — время где-то послеобеденное, пойду на кухню, может, покормят страждущих.

Практичная Алена в отличие от великого князя, витающего постоянно в высоких сферах и постоянно забывающего о низменных потребностях, еще до поездки на близкую дачу И.В. Сталина запомнила кухонным работникам, что сегодня она смогут пообедать только ближе к вечеру. И потому в этот не обеденный уже час легко договорилась не только о двух комплексных обедах, но и чтобы их еще согреть, ведь великий князь не будет есть холодное!

А сам Сергей Александрович, о котором так заботилась секретарь (ну и заодно о себе), наконец-то забеспокоился о трудящихся — бригаде пока еще строителей, которые потом, если согласится хозяин, в данном случае великий князь, останутся здесь же слугами его высочества.

А он даже не соизволил переговорить с ними (или, хотя бы, внимательно посмотреть). Лишь имел некую встречу с их старшим Прохором Герасимовичем Ивановым, от которого он почти ничего не узнал. Вот лентяй!

А между делом, строители были в большинстве пожилые, степенные, к великому князю относились очень приятно и уважительно только потому, что он был потомок российского императора. Ведь почти они все, как говаривал Прохор Герасимович, были до революции великокняжескими слугами, а кое-кто прислуживал и императорской чете! Строители помоложе имели родителей тех же слуг представителей Романовых. Так что случайных людей здесь не было, об этом жестко побеспокоились сотрудники НКВД. Ведь в большинстве они уже сидели в лагерях ГУЛАГа и им еще повезло, могли бы и просто расстрелять, как других узников. Им и еще и повезло, что их вдруг выдернули из чистилища. А уж что их вновь приставили служить к великому князю, так только и оставалось хвалить Господа Нашего Милостивого!

Об этом и поговорили, когда Сергей Александрович посмотрел на результаты работы.

Они ему понравились, чувствовалось, не молдаване делали евроремонт, качественные поделки. Потому и говорил уважительно, не торопясь. Правда вопросы были как-то старорежимные, что ли. Особенно почти мальчик, юный подросток, едва только перешагнувший во взрослую жизнь, так посмотрел горящим взглядом, что стало неудобно не только самому Сергею, но и стоящим рядом людям.

Довольно-таки пожилая женщина, явная его мать или ставшая на этой роде, легко теребя за рубашку, негромко звала:

— Миша, Мишенька, пойдем уже, несмотря так прямо, неудобно, беса тешишь ведь, родной!

И он вроде бы и подчиняясь ей и постоянно отходя, но все равно оставляя горящий взгляд. А потом и совсем выдал:

— Дядя, а вы, правда, что ли, великий князь?

«Дурак, что ли, — озаботился Сергей Александрович, — неудобно как-то», — но сказал, вспоминая фильм «Иван Васильевич меняет профессию», — да я великий князь, всамоделешний, зовут меня Сергей Александрович, я теперь уже внук Николая Константиновича, старшего сына великого князя Константина Николаевича, потомка императора Николая I.

Получилось, как на торжественном тезоимствовании в церкви, и все бывшие здесь сразу поклонились великому князю глубоко в пояс. Прохор Герасимович же виновато объяснил, что это сын умершей Феогносты Кирилловны (по-видимому какая-то местная страсотерпца или просто уважаемая женщина)

Попаданец Сергей Логинович, хоть и не раз бывал в таких неудобных ситуациях, хотя и не таких, но все равно неловких, постарался перейти к другой проблеме, близкой по тематике, спросил, глядя на оголенные шеи:

— А вы что без нашейных крестов, али не православные?

Спросил, и понял, — точно в цель! Причем цель была очень болезненной и морально сильно кровоточащей. Строители, все как один, забыв о вежливости и о почтительности, громко загалдели. Как понял Сергей, до ареста они все носили православные кресты, несмотря на то, что существующая власть смотрела на это неодобрительно. Но после ареста где еще в камерах уголовники «присмотрели» золотые нательные крестики, где следователи в пролетарском азарте не только били, но и срывали кресты, а где и уже в лагерях ГУЛАГа.

— И ведь даже директивы такой особой не существовало, — тоскливо проговорил Прохор Герасимович, — а вот поди ж ты, как басурмане какие-то стали.

Последние, до сих пор несущие дорогие для души крестики, сами отдали. Сотрудники НКВД с какого-то бодуна (со злости?) объявили, что зеки, собирающиеся в спецотряд (некая служебная фреологизма НКВД для тайны, хотя всем уже знали, что берут слуг для великого князя), должны обязательно сдать крест.

Вот и жили они и работали без крестов и даже к православной церкви не смогли причаститься.

Что же, — подытожил великий князь Сергей Александрович, — работа мне ваша нравится, сам вы люди хорошие, православные, так что, бог даст, будете работать у меня.

— Христос воскресе, — вдруг отозвались все, как во время Пасхи. «Бога, что ли увидели в великом князе, тьфу-тьфу», — подумал Сергей и задал последний вопрос, очень важный и нужный:

— Как у вас с питанием, хватает ли пищи?

По внешнему виду и так было видно, что, по крайней мере, не голодают, но надо все-таки спросить, мало ли что.

Оказалось, что на месте строительства кормили очень хорошо, даже один раз в неделю давали мясо. Их давно уже так не кормили.

«Ну и ладно, — решил Сергей, — главное, не страдают»

Поспешил на первый этаж, то ли работать, то ли обедать, сегодня, почитай, почти только завтракали, правда, два раза, но полноценный обед это не заменяло.

Перед этим, однако, завернул на кухню — после нервного визита на ближнюю дачу к Вождю захотелось есть не только что-то, но и чем-то изысканным. Не стальными же или алюминиевыми обрубками все подряд рубать. Сергей еще в первый день, когда со всем знакомился и мельком смотрел, ненароком видел несколько столовых комплектов посуды — ложек, вилок, ножей и т. д., видимо, нашли еще царские ковырялки пищи, как-то случайно не обворованные и по приказу из Кремля привезенные сюда.

Для всех аборигенов этой эпохи — и из Кремля, и из НКВД — у Сергея Александровича проснулась родовая память (для самых умных и знающих — гены), а, значит, он мог спокойно справиться с любыми неведомыми цацками, даже с такими, которые нормальными, то есть простыми людьми и не привидятся.

Вот тут товарищи, несомненно, ошибались. То есть факты и явления они подмечали и удивляли правильно, а вот причины видели совершенно не те. Ведь память и в XXI веке представлялась волшебной и непонятной, что же уж там в 30-е годы XX столетия. Вещь в себе, как говорил великий Гете.

Нет, все объяснялось просто, хотя и может быть для местных жителей еще более невероятно. Великий князь Сергей Александрович, в будущем миру Сергей Логинович, был попаданец, и как-то раз по приказу свыше, обучался по интернету штучкам — дрючкам, то есть, какие есть различные заморочки и что ими едят. Вот уж не подумал бы тогда, как эти долбаные, пардон, изысканные навыки ему пригодятся.

— Вот что, милый, готовите вы, надо сказать, неплохо с таким-то продуктами, но кормите ужасно.

Шеф-повар в удивлении замер в странного гостя. Вроде бы, число ложек равняется числу людей, руками никто не ест. Что еще нужно?

— Я так не могу, — объяснил гость, — одной и той же ложкой кушать салат, суп, кашу, это, несомненно, дико. Так что, *per favor*, будьте любезны, к моему столу всегда подавать наборы ложек, вилок, ножей сообразно персон. При этом мнениегостей, особенно из советского высшего света не слушать. Если будет кочевряжится, список подавать мне для подачи а канцелярию товарища Сталина.

Главный кухонный работник молча согласился. Мнение великого князя работнику НКВД было фиолетово, но оно совпадало с распоряжением Кремля, а, значит, требовалось безусловного выполнения.

Сергей Александрович удовлетворенно кивнул. Ее теория будущего века обязательно требовала текущей практики. Ибо, теория суха мой друг, а древо жизни пышно зеленеет (Гете).

Сегодня Алена, ха-ха, Михайловна будет очень трудно кушать!

Сержант госбезопасности А. Кормилицына за два года службы в НКВД никогда не оказывалась в столь сложной ситуации. Даже когда к ней приставал гомосексуалист Ежов, к сожалению, являвшийся еще и ее наркомом, и оба не знали, что делать — ни он, не она. Но чтобы так ее грубо опустить!

Она сидела и тупо смотрела на набор блестящих столовых приборов — шесть ложек, вилок и ножей, шесть дворянских недоразумений, еще не воткнутых в ее нежное тело, но явно просящихся это сделать.

— Ваше высочество, — позволила она себе аристократическую фривольность, ведь в комнате больше как бы никого не было, кроме официантки Анны и ведущих свою работу «слушачей», а для них формально секретов не было, — ЧТО ЭТО?

Набор столовых принадлежностей, — спокойно ответил Сергей Александрович, — я, как вы уже обозначили, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ и мне не должно кушать, как простонародье одной ложкой. Спасибо, Анна, — поблагодарил он официантку и застонал, понюхав ароматную уху.

— Да, но я то не великая княгиня и даже не дворянка, можно я буду есть, как все? — жалобно попросила она снисхождения, понимая, что сейчас ее слова звучат, как каприз и любой мужчина ответит сугубо «Нет!»

Сергей Александрович, не посрамил свою благородность и мужскую честь, строго заметив, что, как его секретарь она и так является дворянкой, пусть не столбовой, а личной. И что будучи таковой, она должна не только питаться благородно, но и одеваться, как дама света.

— Это относится ко всем! — строго заметил он официантке, нечаянно двинувшей, естественно, с шумом стул.

Та, с ужасом посмотрев на диковинные приборы и с трудом представляя, как она с их помощью станет есть, в раз усохла на аршин.

— Скажи, Анна, — уже непосредственно обращаясь к ней, спросил великий князь, — а работники кухни, попробовав уху, как оценили ее?

— Работники-то — задумалась он смущенно, — вкусная, говорят, ой! — покраснела она, как маков цвет.

«Вот и угадай теперь, отчего она засмузилась так сильно, то ли от того, что повара испробовали господское блюдо, то ли просто обворовали казну. Рыба им-то не была предназначена», — озадачено подумал Сергей. Официантку же приободрил:

— Ничего Анна, товарищ Сталин не зря говорит, что в стране жизнь улучшается. Скоро волжская вкусная рыба будет и на каждом столе трудящихся СССР.

— Да товарищ... — она не подобрать имя существительное, и сказала, как есть, что ложилось на языке: — великий князь!

Алена, не выдержав, прыснула. Ладно хоть во рту ничего не держала. Обрызгала бы весь сто и не безызвестного его высочества.

Сергею это очень не понравилось. Он попросил Анечку принести второе и, когда она вышла, ядовито спросил:

— Ну, госпожасекретарь великого князя, что скажите? Не знаю, как дворянство, но спеси у вас набрано достаточно, больше чем у меня! Не стыдно, ваше благородие?

Алена смущено потупилась, но горячо возразила:

— Я не благородие!

— М-да? — со скепсисом оценил ее поведения Сергей, — а ведешь себя, как высокое благородие, при чем мерзкое, грубое, нечистоплотное, те, с кем, собственно, и воевали большевики.

Вошла официантка, неся второе — тушеное мясо по-французски с гарниром. Блюдо откровенно роскошное. Пусть голодные годы (1932/33, 1934, 1936 и просто безномерные) уже ушли и столица сумела первой шагнуть в более или менее благополучную полосу, но простые москвичи жили очень умеренно, а многие скудно. Алена, хоть и была на неплохом государственном обеспечении, как сержант госбезопасности и не имела иждивенцев, но такую пищу не ела. От этого, а еще больше от обидных для нее слов великого князя, она совсем не смогла есть это блюдо, уставившись на него, как сыч на паршивого мыша.

В отличие от Алены Сергей Александрович имел прекрасный аппетит и, запивая его вином Каролина резерва, откровенно смаковал пищу. Окружающие женщины — и секретарь Алена, и официантка Анна — про себя считали, что он просто питается едой (и вином) своего круга, то, что было у него с детства и что было оторвано с Советской власти.

И ладно еще Анна, она о нем ничего не знала. Но Алена-то понимала, что родившись с 1917 году и живя только в своей стране, великий князь и, по сути, не был великим князем. Но все равно так считала!

А попаданец Сергей Леонидович меж тем вспоминал счастливые послезарплатные дни, когда он, еще молодой с женой, тоже молодой и не такой стервозной, ходили в ресторан, брали вот такое мясо и вино, другого, конечно, года. Ах, как было тогда хорошо!

Мясо, к сожалению, кончилось, а вместе с ним и приятные воспоминания с хорошим настроением. Сергей Александрович ощутил себя снова в рабочем кабинете с многочисленными проблемами и не своими женщинами.

Но и так надо жить и еще надобно красиво.

— Спасибо, Анна, все было очень вкусно. Передай на кухню, я впечатлен, — улыбнулся Сергей Александрович.

Анна пискнула: «Спасибо», начала собирать грязную посуду, и тут наткнулась на почти не тронутое второе Алены. Обернулась на великого князя: «А это?»

Дескать, а с этим что делать, совсем не ест малышка, совершенно капризничает и балуется за столом.

— Это оставьте, она позже доест, — великодушно решил Сергей Александрович, но преупреил строго: — когда я ее хорошенько выпорю и она захочет есть!

Алена от таких слов еще более нахохлилась. Честно говоря, она и сама не знала, как ей быть, но сдаваться не собиралась. Она красивая, и вроде бы умная. И уж точно мужественная! И нечего ее тут поучать, бе-е-е.

Великий же князь помолчал, главным образом, чтобы официантка Анна с посудой вышла. Потом констатировал проблему:

— Сколько тебе, стало быть, примерно лет?

— Девушкам такие вопросы не задают, если ты вежливый мужчина. Или вот, дво-рянин! — припечатала Алена и вызывающе посмотрела на своего начальника. Однако, не подействовало. Простому, хотя и великому князю в такой ситуации было бы тяжело, все-таки пришедшая в бешенство представительница, хе-хе, прекрасного пола — это страшное оружие. Но попаданец, прошедший огонь, воду и медные трубы XXI века, даже глазом не

повел. Нет, он даже наоборот контратаковал ими (глазами).

Тяжелый, испепеляющий взгляд, не дающий никакой пощады, заставил вначале Алёну изобразить смиренную девочку, красивую, аки аленький цветочек, а потом нехотя проговорить:

— Двадцать лет уже минуло. Я взрослая и сама могу за себя постоять!

Сергей Александрович очень обидно для Алёны хмыкнул, сказал:

— А вот мне показалось за обеденным столом, что ты как была маленькая девчушка, так ею и осталась, просто физическая оболочка похорошела.

Алёна опять напряглась, собираясь сказать очередную дерзость, типа «Сам дурак!» или нечто подобное, за что потом бывает очень стыдно. Но попаданец не дал ей это сделать. Снова перебив, или, точнее произнес начальническое последнее слово:

— Честно говоря, я уже понял, что дело здесь не в возрасте и не в свободолюбивом женском характере («И очень сумасбродном»), — добавил он про себя). Дело, скорее, в элементарном отсутствии культуры, да Алёна?

Девушка сумрачно посмотрела на него, но ничего не сказала, мод, говори, что хочешь, но вот она я, красивая и смелая.

Однако она почему-то не додумалась, что высокое начальство не только может говорить, но и приказывать. Или великий князь ее расслабил своим вежливым спокойствием?

Его жесткое повеление заставило ее почти оцепенеть:

— Я решил, что негоже такой привлекательной сотруднице НКВД оставаться на уровне грубого, вульгарного дворника. С завтрашнего дня каждое утро к тебе в Комитет будет приходить старушка Антинаида Никандровна, божий одуванчик, бывшая графиня. Она будет учить тебя, как правильно, красиво кушать, как одеваться на службу и на бал (на вечеринку). Что и как говорить мужчине и начальнику. Как ходить, наконец. Словом, все чему ее учили в Смольном институте, и что она может дать тебе в виде квинтэссенции.

Он помолчал и, видимо, считая, что не оказал на нее впечатление, добавил:

— В конце каждой недели я буду экзаменовать тебя. И не дай бог, увижу где-то ленность или слабое прилежание...

— То я буду отправлена к Николаю Ивановичу пить чай? — холодным, хотя и тихим голосом спросила Алёна.

Сергей остановился, глядя на нее. Какая она все-таки прекрасная! Еще бы образование немного поднять. А сейчас она очевидно испугалась. Ежова она вживую знает гораздо больше и опасается его жутко. Хотя и он много читал в последующей литературе и смотрел в телевизоре. Действительно, страшный человек. Вот это выражение «пить чай к Николаю Ивановичу», кажется, означает быть арестованным? Тогда он уже пил этот чай, как фигурально, находясь в камере в Лубянке, так и в прямом отношении, находясь однажды в кабинете всесильного наркома НКВД. Бр-р-р!

— Нет, — ответил он, — если я увижу, что Антинаида Никандровна не справляется, то я сам начну учить. А цена учебы у великого князя очень высока!

— Тебе разрешают подрабатывать даже у собственных подчиненных? — крайне уливалась Анята, — но так же нельзя в светском государстве!

— Ха-ха, — хохотнул Сергей Александрович и уже серьезно и угрожающе сказал: — с тебя я буду брать только сексом. И цена будет большая. Ты меня поняла, милая? Экзамены я, кстати, тоже буду принимать в постели.

Он думал, что его секретарь обидится, зло обругает, хотя бы безобидно, типа «Козел безрогий» или даже матерщинно, негромко, как бы про себя. Но Алена только покраснела и набычилась. Вот как она может!

— Кстати, — вспомнил великий князь, — женщина, ты сотрудник НКВД опытная, что можешь сказать о задачах (комплексах задач), которые поставил нам товарищ Сталин и о которых мы уже говорили?

Ага! — почти зримо обрадовалась Алена, — будет и на нашей улице праздник! Гнобил меня не за что, почти издевался, а все одно за помощью пришел. Ну я ему дам!

Наивная такая девочка, да кто ж тебе даст-то? Спросить — это не обмишурится. Он все еще сидя на стуле за обеденным столом, только немного отодвинувшись поодаль. И вдруг его руки, обычные человеческие конечности, между прочим, на изрядном расстоянии подняли девушку и посадили к нему на колени.

«Интересно, а как она отреагирует — эмоционально, спокойно, враждебно»? — почти забавляясь, подумал попаданец. Он как-то устал сегодня. А тут эта женщина тоже требует, ну хорошо, просит своего внимания. А он ведь не железный и тоже хочет отдохнуть.

Алена его поняла. Она не стала ему надоедать высокопарными словами и ненужными эмоциями, а просто усевшись на коленях, молча прижалась к нему. К вам когда-нибудь тесно прижималась женщина? Если вы молоды, это только сексуально волнует, если же уже в зрелости, то тело и разум не только возбуждаются, но и переходят на другой уровень, быстро и эффектно размышляют и реагируют.

— Спасибо тебе, что ты есть! — тихо признался Сергей Леонидович, понимая, что на все прошедшие жизни у него одна по настоящему действительная спутница — женщина. Да и в будущем, скорее всего, и в XX, и в XXI веке у него уже такой не будет. Нет, женскими телами, особенно когда заберется высоко, может владеть сколько угодно. А вот спутницы уже не будет.

Попаданец взял ее лицо в свои руки и нежно поцеловал. И Алена отозвалась как-то странно, улыбнулась и вдруг сказала: «Да».

— Что «Да»? — не понял великий князь из, по сути, XIX века, и он же по совместительству (и такое бывает!) попаданец из будущего XXI столетия. В общем, дуб — дубом по времени из эпохи XX временной категории.

— Ты спросил меня, говоря о сталинских задачах, могу ли тебе помочь по третьей проблеме ивыйти замуж. Я подумала и сказала «Да». Уже поздно?

— Нет, — улыбнулся Сергей, — я как раз думал о надежной спутнице в твоём лице, а тут ты со своими словами. Видишь, как мы можем одинаково думать?

Он снова поцеловал ее, но уже крепко, что аж у Алены голова закружилась. Потом сказал ей заветные слова, которые так ждут все женщины любого времени:

— Я очень рад за себя, ты такая прекрасная красавица. Буду тебя лелеять и беречь. И ты будешь в семье не только мать и хозяйка. Впрочем, это ты уж сама смотри: или ты окажешься простой советской женщиной, занятой только проблемами семьи. Или станешь моей спутницей по жизни и по службе. Выбирай!

Алена слегка чмокнула его губами по щеке, спросила иронично и таинственно:

— А сам ты как думаешь, милый, на что я гожусь, по-твоему?

На это Сергей ответил не более таинственно, но слишком уж пессимистично:

— Даже не знаю, что тебе сказать. Ты красивая, но при чем умная и сметливая. Представляешь, как обалдеют все мужчины консерваторы, услышав, что и блондинка, и

вдруг умная, а?

— У меня есть пистолет, — предупредила она, — не знаю, что вы, мужчины, подумали обо мне на даче, но я его могу зарядить и при чем сама.

Она еще сильнее прижалась к нему, но не для того, что завести, а чтобы оказаться губами поближе к уху. И там выдать один неприятный секрет:

— Ежов однажды меня заподозрил в подготовке теракта на него. К счастью, в этот день я, совершенно случайно, его не зарядила. Так что Николай Иванович попал впросак. Ну а я, на всякий случай, вообще не беру с собой боевые патроны ни в пистолете, ни в карманах. И личное оружие таская в дамской сумочке, она отодвинулась от Сергея, хотя и по-прежнему сидела у него на коленях. Громко сказала с прицелом, по-видимому, на «слухачей»: — я же блондинка!

Сергей Александрович молча погладил ее по роскошным белокурым волосам, подумал, как ей не просто зовется в это тяжелое время. Затем мысли перешли в другое направление — Ежов ведь говорил ему, когда помогал работать над Комитетом, что еще не разу не встречался с Аленой. А она сегодня говорит — встречался. Кто врет?

Мгм, на этот раз он стоит на стороне жены. Не потому, что ей верит. Женщина — существо слабое — и для поиска места над солнцем всегда должна была врать и льстить. Со временем это стало ее вторичной харизмой. Так что поверь ей и бог тебе в удачу!

Но Ежову он не верил еще больше. Нет уж, ему поверишь, быстро попадешь отдыхать в землю с пулей в голове.

— Я хотел бы с тобой поговорить о нашем совместном будущем и о том, как я тебя вижу, — предложил он меньше эмоционально говорить о прошлом и рационально о будущем после свадьбы, — предложил великий князь.

Видно было, как она, мучаясь, перестраивает себя по плану будущего мужа. Но вот она была готова и он вдохновлено произнес:

— Я вижу тебя в белом или голубом платье на великокняжеском балу. Или, например, спутницей великого князя на переговорах с американцами или англичанами. Так?

— Эй, уже ведь советская эпоха, — тихо засмеялась она, — какие Романовы, о чем ты говоришь!

Сергею это не понравилось. Он запустил руки в ее волосы, заставил смотреть в его глаза и строго спросил:

— А я кто, по-твоему, гризетка? Шавка бестолковая? Запорю березовыми розгами! Моя дворянская честь требует строго наказать неких советских болтушек, — он многозначно посмотрел в глаза Алены, — мы, конечно, не будем говорить, кто это, просто оттаскаем за косы! Я всегда буду великим князем!

— А-а! — тоненько закричала Алена то ли в злобе на себя, то ли на высокопоставленного начальника, то ли совсем не в злобе, а в восхищении на счастливое будущее. В общем, как-то по женски.

Он, наконец, перестал изображать из себя жесткого хозяина рабского гарема и перестал держать ее за волосы. Хм, а ведь совсем не больно и даже в чем-то привлекательно. Подытожил:

— Ты видишь со мной светлое и весьма увлекательное будущее?

— Да! — твердо сказала она. Пусть великий князь будет врагом Советской власти, да и так уже условно. Ведь товарищ Сталин сказал, что у нас есть и другие неприятели, куда опаснее и сильнее. А у него Сергей Александрович и не враг вообще, а любовник, а теперя

вот муж. Что она не может идти по жизни за своим мужем?

Помирились. А то ведь почти муж и жена уже, хоть и не формально. Сергей смирился с ее, как он считал, божественной красотой, Алена — с жесткими, по ее мнению, требованиями, пусть и справедливыми. А что же делать, не он такой суровый, жизнь такая шебутная. Ведь здесь даже не их Мудрейший и Гениальнейший Наставник показательно тяжел — текущая обстановка настоятельно требует, а подходы у всех даже советских людей к великим князьям высочайшие.

Значит, чтобы и жил, как светлый ангел, и жрал не как грязная свинья, а как трепетная лань. Смерти гибельной не боялся, а только радовался, словно он и не живой совсем, гкхм.

А отсюда и к близким родственникам такие же строгие требования. Если танцевать, как балерина Уланова, или, хотя бы, как прима местного театра, если кушать, то так, чтобы все обзавидовались вчерную. И выглядеть, как фешенебельная и ослепительная красотка. Иначе ведь не поймут ни за что!

Пострадали немного за такую тяжелую жизнь, помиловались слегка, поцеловались. Сергей по привычной мужицкой традиции, незаметно для почти жены, но уж невесты точно, дотянулся до нежнейших дынок Алены, помацал. Ах как приятно стало для обоих, как чудно-волшебно!

Надо сказать, подруга его пришла от любовного экстаза первой. С сожалением отодвинула от себя руки друга (мужа?!). некогда ведь — трудовой, изрядно нервный день еще был в разгаре. Работайте, божьи рабы в имя аллаха (или как его) мучайтесь. Зато каждая ночь вас будет ждать вас не только тихим сном, но и амурными утехами.

Сергей Александрович, разумеется, как мужчина, в эти мутные амурные (имеется в виду любовные) воды не погружался полностью и всегда часть головы держал трезвой. Хотя приятные чувства имел также хорошие. Убрал руки с напоминанием, что их лишь отодвигают, а не отрезают и они при первой же возможности быстренько придут...

Потом они сидели вместе, девушка (пока девушка!) была на коленях у жениха, не торопясь, поели «свадебную кашу» — остывшее второе от обеда припозднившейся невесты. Ибо, как ты не пудри мозги мужикам, как не крутись, любуясь собою, у зеркала, а главное предназначение женщины — всегда продолжать род человеческий путем рождения своих детей. А как ты будешь рожать, если тебе уже целый третий десяток стремительно идет — бежит, а милого, ненаглядного, единственно драгоценного все нет, как нет. А ведь без него и не родишь совсем, так природой заведено!

Но наконец, вот он, любимый, сиятельнейший и очень милый! — Алена с большой любовью и старательностью положила ложкой с картофельным пюре в рот мужа (мужа!). потом еще кусочек мяса, как он не отбивался... съел, гад, но только на паритетной основе. То есть, пришлось сначала самой съесть и кусочек мяса и немножечко пюре, только потом он соизволил открыть рот. Гад! Гад! Любимый!

После «свадебной каши» нужно бы, по традиции, в постельку, к амурным делам, но нельзя-с! Трудовой кодекс РСФСР требует, чтобы трудящиеся, а у нас все трудящиеся, кроме, разумеется, детей и стариков, днем работали и никаких!

С огромным сожалением он решительно, но с муками совести отодвинул единственную и очень любимую женщину на стул напротив, чтобы руки,двигающие самостоятельно, никак не дотягивались до ее тела. Даже гладить не могли руки обожаемой!

После этого разговаривали уже предметно, по-деловому, без хаханий там и хехений. Договорились, что великая княгиня Алена Михайловна (а жена великого князя сама является великой княгиней, не правда ли?) должна полностью соответствовать данному эталону аристократии. В частности, она должна быть за столом, на больном полу и на деловом ресшпекте первой (хотя бы!).

А потому милейшая старушка Антинидида Никандровна, незабвенная наша графиня, должна была дать все знания и навыки прошедшей светской жизни (не советской!) по максимуму. Сама же Алена свет Михайловна обязана это впитывать не из-под березовой палки, а старательно, тщательно работая с учителем. Да да-с! Только после этого она, безусловно станет настоящей великой княгиней, и ее будут принимать не по формальному приказу, а по велению трепетного сердца.

Помолчали. Алена все еще пыталась понять, как это она из обычного сержанта госбезопасности, являвшимся миленькой, красивенькой, очень хорошенькой и нравящейся мужчиной. Но между прочим, как это она уже сама понимала, девушка все равно была дура-дурой — примитивной, грубой, вульгарной, умеющей не только мило улыбнуться, но и похабно пошутить.

И вот из этого-то... существа (а как еще назвать?!) должна была образоваться не только роскошнейшая, умная, образованная, но и очень красивая женщина. М-м-м, как я вас люблю, mon dieu... или mon dju? А, плевать!

— Mondieu, — сухо поправил ее Сергей и на удивленный взгляд пояснил: — ты заговорила вслух, а это очень, очень вредно!

Алена сконфузилась и опять так мило покраснела. Великий князь тяжело на это вздохнул. Как они умудряются, провинившись, передвинуть положение таким образом, чтобы она уже была не виновной, а красавицей на подиуме. И чтобы все близлежащие мужчины только тупо пялились и истекали слюной?

Сам Сергеине был исключением, вот еще! Такой же обычный дееспособный мужчина двадцати лет с копейками, в котором еще был другой мужчина поопытней, но тоже в соку. И вот все эти мужчины, как сговорились, потащили свою женщину обратно себе на колени и сладко обняли.

А Алена и не сопротивлялась. Мало того, что она прекрасно понимала, кто есть кто (whois who на языке вечных, гм, друзей), и кому она всем обязана, так еще и сама этого хотела, понимаете?

Но работа, эх, работа. И посадив свою милую на колени и обозначив пару обязательных поцелуев, Сергей, преодолевая свое внутреннее сопротивление и мягкий, но настойчивый отпор Алены, заговорил:

— Мне все же надо разрешить три важных вопроса, поставленных на самом верхе, сама слышала, милая. И ты, как секретарь и будущая жена, должна помочь, так?

Теперь Алена разочарованно вздохнула. Он что, о господи, совсем женщин не понимает? Так долго ее домогался, чуть на колени не вставал. До домогался, наконец, женщина готова сдать, а великий князь лишь вдруг отошел, как ни в чем не бывало. Алена в раздражении только стукнула его куда-то в область живота. Там, где у настоящего мужчины находятся обычно не мышцы, а сплошные стальные полосы. Ой, как хорошо-то, собака злая, женская! Только руку, женскую прелестную ручку зря ушибла об него, паразита, хорошо хоть не покалечилась.

Она демонстративно прямо у него на глазах начала дуть на пострадавшую конечность.

Хотя, как бы она могла иначе, сидя-то у одного же на коленях, прятаться? И он пассивным не остался, демонстрируя свою смиренность и тяжкую вину, стал также дуть, мощно и сильно, как промышленный вентилятор. Так дружно и дули, потом одновременно засмеялись.

Алена только зубы показала, пусть выкобенивается, мужчина уже взрослый, не перевоспитаешь. Но ночью он мне все отдаст в тройном размере! Сказала, раздумывая и делая короткие выводы:

— Собственно, ваше высочество, товарищ Сталин и сам все дотошно разобрался в ситуации, обозначил нужные результаты и вам не надо долго думать, а лишь старательно проработать над задачами:

— Первое. Работа Комитета, здесь все проработана и мероприятия, и общие направления. Хозяин, — Алена выделила уважительно и почтительно, как большое ХОЗЯИН, — четко обозначил, что ему все нравится. Значит, надо лишь дальше так же трудиться и все будет хорошо, — поцеловала в губы и, не давая перерасти поцелую из делового в страстный, отодвинулась резко, но все равно близко. И попаданец понял почему — Алена заговорила очень тихо, даже не шепотом, еще тише, и на грани слышного фола: — помни — ты в этой деятельности можешь дорасти очень высоко, на уровне наркома или даже предсовнаркома, а можешь рухнуть до одной — единственной пули.

В ответ он тоже поцеловал ее. И от возмущенного вопля — какие амуры, если мы работаем над серьезными делами — ее сдержал только заговорщицкий взгляд мужа. Он словно говорил — я тебя люблю, но это все понарошку, что б наши вертухаи не заподозрили чего. И когда она, словно в страсти, нагнулась, что бы поцеловать в шею, подставив тем самым ухо, также шепнул, почти мысленно обозначив:

— Я все это знаю, но большое спасибо.

Алена была крайне ошеломлена, показав степень удивления глазами. Великий немой заговорил, так, кажется, говорили в 1930-е годы? Попаданец с опозданием понял, что Алена-то не раз говорила об этом и на грани опасности, а вот он молчал. Или говорил, но его можно было понять лишь как великого князя, а не как пронизательного человека. Хотя ведь, товарищ сержант госбезопасности, уж вы-то должно понять, что от расстрельной стенки до Кремлевского кабинета И.В. Сталина просто так не пройти, даже если ты и великий князь! Мозги надо иметь, черт возьми!

Обнял ее правой рукой, как бы обнимая и рассказывая не словами. И она обняла его, но обоими руками, в универсальном жесте понимания и примирения. Обняла, а потом слегка оттолкнула — ты хоть и великий князь, но дурак. Но он опять не обиделся — любовными глазами — она буквально семафорила — я тоже сама дура, мы такая парочка!

Умничка девочка, он уже и не знал, что думать, вдруг забыла. А показывать в очередной раз опасно. Вдруг не только слушают, но и подглядывают.

— Так, — наконец-то заговорила Алена вербально. Можно сказать, под протокол товарищей слухачей, — второе, о защите. Тут проще, товарищ Сталин нам сказал четко — ждите, как минимум, несколько суток. Значит, нам и надо ждать, а не ерепенится.

А глазами меж тем показывала — знаю дополнительно, очень интересно и очень важно, но здесь весьма опасно. Потом, на прогулке, — показала она завлекательно, скосив глаза на двери.

Сергей мысленно хмыкнул. Да он, в общем-то, красавица, уже все давным — давно понял. Защита — это оружие, оружие — это в СССР НКВД. А НКВД — это, извините, Ежо который давно уже свои полномочия выполнил и должен идти на вечный покой под

травяное одеяло. Вот ведь интересно, это художник был такой гениальный, или изначально сам И.В. Сталин в своей речи обозначил «ежовские рукавицы».

Современники-то обращали, кто с восторгом, кто с ужасом, на первый термин — «ежовские», то есть колючие, убирающие всякую мразь. А вот он, попаданец, с его опытом из циничногой очень политического ХХIвека, обратил бы больше на термин «рукавице». Не понял ты, Николай Иванович, свое предназначение — проработать ограниченный срок и в ветошь! Ну, или, в могилу, что, по сути, одинаково.

Единственно, что господин (не товарищ!) попаданец не понял, это по срокам. В прежней-то реальности, откуда и сам Сергей Логинович родом, Ежов в начале этого года стал генеральным комиссаром госбезопасности. Но уже в последующем 1938 году отправлен был, как не справившийся, в наркомы водного транспорта СССР, в 1939 году негласно арестован, в 1940 году, наконец, расстрелян. Прямо-таки по кусочкам резали, беднягу. То ли побаивался его Хозяин, то ли, хе-хе, отомстил за расстрелянных.

Может, в этой реальности будет все по-другому? Арестуют и «сразу же», после месяца-другого следствия расстреляют? А что его держать, тайного троцкиста и активного участника террора, что почти правильно, только с другого противоположенного направления. Трудно сказать, тут Сергей Александрович Вождю не советник. Если что, тоже будет жертвой.

А все-таки интересно, м-да! Посмотрел на Алену. Та посмотрела в ответ, еле заметно покачала головой. Думает, что его понимает. Ха-ха, ничего ты, милая, не знаешь и не понимаешь. Может, кстати, и к лучшему.

— Что же, — ответил он с заметным промедлением, — подождем, так даже будет несколько лучше.

Хмыкнул, не скрываясь. Он-то говорил про арест Ежова, а вот Алена явно подумала про другое. хотя даже и про это, промолчала ведь. А мысли еще не читают.

— И третье, самое сейчас актуальное, — она посмотрела на него в смущении, — на твой вопрос я тебе уже сказала «Да», теперь, по традиции, должен делать ты.

— Что-то я не помню, что должен делать великий князь, — откровенно схитрил Сергей. — может, ты поможешь?

Вроде бы все обычно-нормально, но Алене стало как-то нехорошо. То есть, она откровенно взбесилась! Ее кисти рук, обычно такие ласковые и добрые, как-то само собой сжались в кулаки. Хотя нет, в кулачки, но в очень сердитые и бойкие.

Ну что можно сказать? Судя по результатам, Серега полчаса бил ее руки своим телом. При чем тело было пассивным, а руки активными. Но все равно, ушиблены оказались оные конечности, синяки и шишки, как только они там место нашли. А великокняжеское тело как бы и осталось цело. Физиология, едрить — кудрить! Главное, что в лицо не била, спасибо ей ха это!

Правда, где-то в глубине души что-то пискнуло, а сердце заныло. У нас что, так семейная жизнь и пойдет, как постоянное КПЗ со злым персоналом? Он так не подписывается? Но Сергей приласкал девушку по ладному телу и успокоил себя — ведь семья — это такой социальный механизм, в которой милые девушки превращаются в сволочных женщин. Пробьемся!

Наконец, Алена устала нервничать и реагировать на его неловкую «мужскую» шутку. Воспользовавшись этим, Сергей посадил свою будущую жену на колени и закрепил ее так сильными для женщин руками. «Домомучительница» в прострации еще несколько раз

дернулась и однажды даже ударила в грудь, хм, своего мужчины. Но потом куда-то исчезла, видимо, улетела к другой женщины.

А тихая и ласковая Алена, наконец-то притихла и была готова выслушать конструктивные речи своего будущего мужа. А у него, между тем, появились большие проблемы, к счастью, в основном технические и только немного административные, несвязанные напрямую с будущей семьей, но тем не менее.

— Послушай Алена, я теперь уже серьезно. Что я буду делать во время свадьбы, как великий князь?

Алена от этих слов запыхтела, задергалась, думая, что ее несравненный жених на этапе «окукливания» в мужа, опять переходит к своим гадским шуткам, которые мужчины почему-то считают смешными и даже остроумными.

Однако, объятия его были по-мужски крепкими, а орать Алена, как сержант госбезопасности, не считала целесообразно. Она смирилась, утихла и только метнула в него страшную молнию своего женского негодования:

— Ну, не хотите жениться, ваше высочество, на простой советской женщине, скажите прямо, я как-нибудь переживу.

Сергей вообще-то хотел перейти к этим проблемам, очень уж актуальным и злободневным, но слова прелестной и, гм, нехорошей невесты его заметно задели. К тому же он учел, что «один раз пропустишь невесте его гадские замечания, она сочтет, что это нормально и будет так прикалывать и злить постоянно». И он отреагировал:

— Алена, ты ведь не только женщина, но и сотрудник НКВД. Подумай своей не только красивой, но и пустой головой. Великий князь в СССР, а? Звучит экстравагантно и немного смешно, но для нас печально. Нас ведь не пропустят в ЗАГС!

— Как это не пропустят? — снова начала закипать Алена, — не умеют права! И это ты владеешь головой пуст... Ой!

Она ойкнула и посмотрела на Сергея Александровича широко раскрывшимися глазами. Дошло все-таки до ее разума, хотя, говорят в женском организме такового нет вообще.

— То, что я, природный великий князь романовской крови, знают с некоторого времени только некоторые работники НКВД, ты, моя несравненная жена, ваш нарком, товарищ Сталин и все! Остальная огромная страна остается в неведении и думает, что великие князья остались в далекой эпохе до 1917 года, или, по крайней мере, находятся за границей. Более того, советское население до сих пор полагает, что они до своей крови враждебно к Советской власти и подготавливает очередные каверзы.

А тут мы такие женятся. Ха, да они нас, скорее, немедленно арестуют!

Сергей и Алена переглянулись: он — в хмурой непреклонности, она — в неприкрытом ужасе.

Что им делать?

Хоть Сергей Леонидович (в этой реальности великий князь Сергей Александрович) неоднократно шутил о женской медлительности, считай тупости, но условный выход из тяжелого положение нашла все-таки Алена.

Почему условный? Да потому как женщина, она нашла и путь этот по-женски — не только теоретический, но и вообще не алгоритм действий, а туманное направление — типа, пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

Конкретно говоря, товарищ А. Кормилицына, наша белокурая красавица, имеющая быструю реакцию, но безбашенную сущность, предложила найти Сергею один из московских ЗАГСов, коих здесь довольно много. А если мне повезет и найду эту богоугодную организацию, то обязан спросить, мол, не имеют ли они возможность зафиксировать нашу великую свадьбу. Ибо, хотя я великий князь, но все же советский гражданин. А невеста моя тем более обычная гражданка СССР, правда, в звании сержанта госбезопасности, что почти что в нашей страны аристократия, хотя и специфическая.

Хороший квест? Еще бы был здесь хозяин уровня и пошло мочилово на компьютерной площадке на радость взрослой пацанве. Только бы кровь летела феерическая!

Нафантазировал по уши. Вот только нет здесь еще компьютеров, а об интернете не знают не только представители обычного не очень грамотного, особенно сельского, населения, но и высоколобых ученых, имеющих особо прогрессивное и научное советское образование.

А в принципе, надо бы своими ножками шагать и физически представляться перед образами игры. А хозяин уровня вот он — начальница ЗАГСа, обычный человек с некоторыми дополнительными надстройками типа жуткой фурии или темной ведьмы. Оуах!

И ведь, главное, само по себе посещение ЗАГС не имеет особого значения. Будет оно положительным, или, наоборот, отрицательным, для них более существенно, что они здесь появлялись и могут теперь пожаловаться их незабвенному Хозяину! (Это все философско-созидательные мысли вслух Алены, частично прокомментированные про себя Сергеем).

В любом случае, какие бы надежные и положительные мысли у них не появлялись, их необходимо реализовать, только тогда можно говорить о конкретных результатах. А что понапрасну языком молотить?

Решив так, Сергей собирал новый парадный наряд их разной одежды, купленный на столичных рынках, заодно почистил, если надо, погладил, даже пошпопал. Алена, по инерции продолжавшая вслух фантазировать, вскоре своей чуйкой сотрудника НКВД почувяла что-то неладное.

— Это вот ты как это? — немного косноязычно спросила она своего пока просто кавалера. Ибо женихом он уже быть перестал, а мужем еще вроде нет.

— В ЗАГС собираюсь с одной красивой, но глупой и очень медлительной женщиной! — прямо сообщил он свежие новости их будущей семьи. Новости были как сумасшедше красивые, так и оглушительно призывающие на действия. Ее любимый и все еще грозный и непонятный муж собирается жениться, а она, его невеста, на которой, собственно хотят жениться, просто так сидит и пузыри пускает. Караул! Люди, без ножа ведь режут, кровопийцы!

Вскоре собиральщиков стало двое. Не сказать, что процесс стал более умиротвореннее

или упорядочение, но он пошел. А вот то, что он живет не в XXI веке, а в XX, Сергей Логинович понял почти сразу. Для нашего же времени, как на войне, главное что? Деньги, деньги, и еще раз деньги. Оные у главного героя были после выдачи ему аванса — на проживание свое и коллектива, представительство опять же первое и вторых, при чем вторые были персонажи весьма условные, на что им вообще деньги? Продукты по карточкам, одежда по спискам в положенных магазинах. То есть все не бесплатно, иначе вообще работать, но государственные цены тоже весьма условные.

Короче говоря, у теперь уже Сергея Александровича денег было примерно десять тысяч рублей и они, после визита в столичные рынки, как-то даже и не думали убывать. Много это? В конце 1930-х годов среднее жалование советского трудящегося, точнее, городского жителя, так как крестьяне зарплату от государства не получали совсем, состояло 300–400 целковых в месяц. От них и отталкивались государственные цены на товары и услуги, транспорт.

Скажите, пожалуйста, значительная ли вам будет стоимость автобусного (трамвайного) билета в десять — пятнадцать копеек, если у вас в кармане находится солидная пачка денег в десять тысяч рублей? И, кстати, вопрос тоже немного условный, поскольку Сергей Александрович, будучи великим князем, пардон, высоким советским чиновником, в общественном городском транспорте не ездил. У него был свой персональный автомобиль.

Только вот, если попаданец и радовался, то ненадолго. В СССР в XX веке деньги были не главное и даже второстепенное, это был просто текущий фон. Главное же, а также второстепенное оказались канцелярские бумаги, о чем сержант госбезопасности Кормилицына (она же любимая женщина Алена) вовремя сообщила. И, между прочим, самому ему их было получать можно, но не нужно. А то еще товарищи советские граждане обидятся или даже оскорбятся, не понимая, в чем же изюминка ситуации.

Ведь до революции председатель Комитета (министр) был его превосходительством, штатским генералом. После революции октября 1917 года специальным декретом СНК все прежнее чиновничество было ликвидировано, но почитание высоких должностей все еще оставалось, несмотря на двадцать лет Советской власти. А ведь не к лицу дорогим товарищам суетится! Так что справки, удостоверения, различные копии собирала секретарь Сергея Александровича, а он лишь обозначал себя, когда надо, а зачастую вообще сидел в своем рабочем кабинете, задрал ноги, работал так сказать.

Собрав приличную папку, Алена сообщила, что можно, наконец, ехать к из цели. По ее лицу было прекрасно видно, что женщина совсем уже оказалась готова и в ЗАГСе она появится не для реализации формального акта бюрократии, а для соблюдения своей голубой мечты, по крайней мере, взрослой жизни. В чем же дело, попаданец в двух ипостасях — Сергей Логинович XXI века и Сергей Александрович XX столетия — был готов в этом активно помочь!

Но еще до отъезда, бравый попаданец получил еще один изрядный щелчок по лбу. Моральный, но, по его ощущениям, вполне физический, Сергей Александрович аж присмотрелся в зеркало — нет ли здоровенной шишки. Таковой не было, но голова гудела, как колокол после удара. Вот ведь как! Оказывается, молодожены в советскую пору должны иметь двух свидетелей (по одному от жениха и невесты). Объяснялось это тем, что эти свидетели гарантируют государство от излишних расходов (четверо дают денег всяко больше, чем двое) и, может быть, сумеют уговорить ветреных жених и невесту, решивших вдруг отказаться от свадебного брака.

Да уж, хорошее дело никогда браком не назовут. Сам попаданец смутно догадывался, что это всего лишь «хвост» от дореволюционных обычаев, когда при венчании тоже надо было предъявить свидетелей, по другим, естественно, причинам. Но его здесь никто не спрашивал, а он и не торопился обозначить свою догадку. Сами с усами!

От жениха Сергей Александрович предложил кандидатуру Прохора Герасимовича Иванова, случайно попавшего в рабочий кабинет. То есть не случайно, конечно, а как раз целенаправленно, по хозяйским нуждам. Но все равно очень вовремя. Назначенный самим великим князем помощником завхоза (товарищем управляющего до революции), Прохор Герасимович от утра до вечера хлопотал «по хозяйству» и попался на глаза попаданца. А что, почти родственная душа, тоже политический зек, и статья ему шилась тоже 58, инкриминировалось проведение теракта и антисоветская агитация.

Алена, наша ибн-сержант госбезопасности, идти по такому же пути поиска свидетелей среди уже домашней обслуги (ремонт-строительство в здании потихоньку завершалось, и люди переходили на другой ритм работы) не захотела. Сергею она говорить отказалась наотрез, но, как понимал попаданец, в душе и брезговала связываться с бывшими заключенными и, на всякий случай, просто их остерегалась.

По первому случаю попаданец сморщился, с ним-то, великим князем и зеким, она связываться не погнушалась, а вот по второму одобрительно кивнул. Наличие политического арестанта в сталинскую эпоху всегда было темным пятном в биографии. А там уже, в зависимости от текущей обстановки, могли или арестовать, или, хотя бы, понизить по служебной карьере.

В общем, свидетелем в ЗАГС от своего лица сержант госбезопасности нашла душу почти родственную, по крайней мере, от своего же ведомства — старший майор госбезопасности Герман Николаевич Королев.

Здесь, наверное, следует рассказать, кто он такой и почему Прохор Герасимович Иванов стал только заместителем. Когда товарищ Сталин только многозначительно хмыкнул, слушая хозяйственные проблемы Всеславянского Комитета, Сергей Александрович даже простодушно подумать не мог, что Вождь решит самолично ему помочь в кавычках. Был такой термин в ту эпоху — «укрепить». При этом имелось в виду, что предшествующую кандидатуру понизить, «как не справившуюся», а может вообще арестовать, а то и расстрелять (было неоднократно и такое), а вместо него поставить другого кандидата посильнее.

К счастью, прежнего чистого хозяйственника в Комитете просто не было, Королева элементарно назначили на «пустую» должность заместителя по административно-хозяйственной службе. И ничего, что в другое ведомство и не спрашивая. Время было суровое, могли итак «поднять», что он вполне мог оказаться на бесснежных просторах Якутской АССР.

Так что Герман Николаевич не обижался. Благо, он и старшим майором-то был не настоящим, так, хозяйственник, звание получил только оказавшись в НКВД. И практику эту широкую знал хорошо — И.В. Сталин всегда брал нквдешников в качестве универсальных выдвиженцев. Это как Николай I в свое время брал в качестве кинжала милосердия, т. н. мизерикордия, гвардейцев, чтобы укрепить сферу государственную везде — от армии до балерин, от сельского хозяйства до финансов. Эффект от этого был относительный, ну да ладно. Вот этот товарищ Королев, член ВКП (б), кстати, и приехал свидетелем от невесты, увеличив партийную прослойку ровно вдвое (до этого коммунистами была только невеста, а

теперь вот стал и один свидетель).

Близлежащий ЗАГС, выбранный так не по этому, а по совету Г.Н. Королева. И, видимо, не случайно, поскольку он сразу по-хозяйски, целенаправленно, проскользнул в кабинетик заведующей богоугодного учреждения, шепнув будущим молодоженам, что б не торопились.

А куда бы они поторопились! Очередь была очень маленькой, но ведь была. Пока предшествующие молодожены перед ними неспешно прошли формальности и их объявили мужем и женой (не торопитесь, товарищи, не товар в магазине разгружаете), Королев и переговорил с ведомственной дамой, которую звали Никифорова Ангелина Сергеевна.

Та, хотя и была очень удивлена, но процесс не только не замедлила, но и сама в нем приняла активное участие. Еще бы! Не только Королев, которого она очень близко и давно знала, и устно приказал, и подтвердил, что может в случае надобности письменно дать установку. А в секретариате наркома НКВД подтвердили и указали, что мероприятие это находится под исключительным вниманием самого Н.И. Ежова.

А поскольку ЗАГС в ту пору находился в системе НКВД и она, между прочим, даже имела звание лейтенанта госбезопасности, то должна была не только «встать во фронт», но и проследить, чтобы никаких замечаний и погрешностей. Свои ведь женятся и по приказу сверху! Заведующей, правда, не сказали, что свадьба идет по прямому приказу товарища Сталина, старший майор решил, что на этом уровне хватит и имени Ежова. Но этой даме, действительно и упоминания наркома оказалось достаточно. Сам нарком!

Поэтому и без упоминания, что да когда, заведующая взяла в свои руки ход бракосочетания. Вначале кратко, минут на десять, рассказала о значении создания новой советской семьи, подчеркнула при этом позитивную роль советского государства и лично Мудрейшего и Великого товарища Сталина.

Потом перешла к конкретике — биографическим анкетам молодоженов и их соглашению к бракосочетанию. Невеста, Алена Михайловна Кормилицына, 23 лет, из крестьян, член ВКП (б), сейчас сотрудник НКВД, сержант госбезопасности.

— Согласны вы ли, Алена Михайловна, выйти за своего избранника, Сергея Александровича?

Бедная Алена, смущенная от такого количества людей при этом таинстве... или уже не таинстве, но все равно с небольшим интимом, что подчеркивалось всеми. Впрочем «Да» она сказала твердо и громко, как и положено военнослужащим НКВД. Ни у никого из присутствующих не появилось ни малейшего сомнения, что невеста не только добровольно хочет, но и горячо желает выйти замуж, чтобы выполнить долг советской женщины.

Потом Никифорова перешла к жениху, его биографии, приложенной в ЗАГС им самим вместе с заявлением о бракосочетании.

Сергей Александрович Романов, 20 лет от рода, из дворян, хм. беспартийный, сейчас председатель Всеславянского Комитета, великий князь!

При последних словах Ангелина Сергеевна поперхнулась, тяжело вздохнула и негромко произнесла, так, что это услышали только молодожены и сам Королев:

— Герман Николаевич, я все же попрошу мне дать письменный приказ. Ужас ведь что твориться в стране!

Королев, как ни в чем не бывало кивнул, мол слушаюсь и повинуюсь, моя дорогая, а Сергей Александрович громко, не пугаясь, добавил:

— Да я — великий князь, и совсем не стыжусь этого. Двадцать лет уж прошло со времен Гражданской войны, наши враги находятся либо в сырой земле, либо за границей. В

советском же обществе нет враждебных дворян, тем более великих князей. Сам Великий Сталин подчеркнул это, говоря о настоящем и будущем. В связи с этим, пользуясь случаем, попрошу мне написать в паспорте вместо фамилии Романов, фамилию Романов-Советский.

Все это говорилось не по-ребячьи горячо и звонко, вызывая у окружающих лишь снисходительность и доброту. Нет, великий князь говорил звучно и твердо, констатируя имеющийся факт. Да еще сослался на Вождя и Учителя, которого советские люди 1930-х лет не имели возможности, да и, в общем-то, не желали не только критиковать, но и сомневаться.

Тут попаданцу очень помогли самостоятельные шаги И.В. Сталина, сделанные им при анализе текущей обстановке и на основе его идеологии. Он и в прошлой реальности в 1930-е годы, особенно в конце десятилетия, заметно повернул в направлении русского патриотизма. Но в этой действительности он существенно ускорился. Уже в 1937 году «Правда» явно по его указанию, издала ряд статей о дореволюционной истории страны, главным образом о XVIII. И большого того, появились статьи, которых точно ранее в другой реальности не существовало. По крайней мере, в такой радикальной редакции.

Сергей Логинович, хоть и не был профессиональным историком, но после тридцати, когда прошла молодость с шибутными девками и излишней водкой, много читал, особенно из отечественной истории, и из событий XX века, понятно. А потом много анализировал. Голова ведь дана человеку не только для того, чтобы гордо таскать прическу, да товарищ Алена?

Несмотря на то, что Сергей только молчаливо думал и обратился к ней только мысленно, женщина, внимающая к своему любимому человеку всеми фибрами души и тела, что-то услышала.

— Что тебе, милый? — заботливо спросила она, когда молодожены сели в автомобиль (свидетели с присущей им скромностью сели в другую машину, нанятую в ЗАГС и обратно), — холодно или жарко, или пить хочешь?

«Ой ты, поди ж ты? — удивился попаданец, даже не понимающий, приятно это ему или неприятно, — на мне репетируешь заботу о будущем ребенке или это и есть глубинная сущность женщины?»

Успокоил Алену ответным поцелуем, не столько страстным, сколько заботливым, продолжил размышлять над глубиной изменений сталинской идеологии. Здесь ведь еще что надо иметь в виду, как умный и продвинутый лидер страны, а И.В. Сталин таким совершенно был, он постоянно держал руку на народном пульсе, сверяя реакцию советского общества на его действиям. И если чувствовал, что происходит какая-то дисхронизация — временно отступал, хотя и от генеральной линии своей, как правило, не отказывался.

Это ведь совсем неумные люди считают, что диктатор имеет неограниченную власть. Ха! В старину говорили, безбрежная морская гладь. Но мы-то, с высоты XXI века, прекрасно знаем, что любое море за редким исключением имеет берега. Вот и безбрежная власть — это всего лишь изысканный эвфемизм. Диктатор имеет неограниченную, опять же условную власть над конкретными людьми, даже над целыми народами, но никогда над объективными обстоятельствами.

Ехать было недалеко, все-таки город, пусть и немаленькая столица. Там уж не до глубинных «государственных» мыслей. Молодожены ведь приехали домой! Уже относительно взрослые, в чинах и званиях уже без всякой относительности высоких, а все равно молодые супруги!

Пришлось и поздравления принимать, и самому горячо отвечать и, даже Герману Николаевичу, своего заместителю по административно-хозяйственной работе, дать указание выдать домашним служащим (не прислугою же их называть по-прежнему) по полстаканчика водки (100 грамм по современному) и чего-нибудь закусить, благо было уже из продуктов на местной кухне.

Алена пошла «пошукать на кухне» чего-нибудь и им, а попаданец, наконец, мог расслабиться и продолжать творчески мыслить.

Так вот, он понимал, что даже И.В. Сталину, единственному человеку в СССР могущему свободно па только думать, но и изъясняться, приходится ограничивать себя в публичных действиях. В данном случае существуют два ограничительных фактора на тональность речей (статей) Вождя — консерватизм общества и глубина гибкости самого И.В. Сталина.

Способность кремлевского грузина быстро реагировать на «громкую» реакцию народа было хорошо видна во время убыстренной коллективизации. Попытался Лидер провести ускоренные реформы в деревне, а когда понял, что не получается, тут же сдал назад.

И все же, оглядываясь на все эти ограничения, можно только удивляться в ускоренных подвижках И.В. Сталина. За какие-то две недели, и то меньше, содержания его статей и опубликованных речей прошла от сдержанной констатации некоторых положительных сторон отдельных гениальных полководцев из дворян. Конечно таких, как А.В. Суворов и М.И. Кутузов вообще довольно трудно обругать, особенно первого, но все же. До откровенной похвальбы дворянства, как класса или, если вам так необходимо, социальной прослойки.

Сергей Александрович, а, тем более, Сергей Логинович прекрасно понимал, что есть объективный закон больших чисел, и класс (прослойку) всегда можно как похвалить, так и обругать, смотря кого брать в качестве примера. Тем более, дворян, которые всегда были на виду. И то, что Вождь подошел к ним с положительной стороны, уже замечательно и показательно.

Теперь же, если попаданец не ошибается и И.В. Сталин решится довести до логического конца, он доведет исторические ехегсисе до нынешнего дня и, если так будет, заговорит (запишет) об великом князе Сергей Александровиче. Ибо, что бы не думал о современно политическом положении, но действовать будет, в первую очередь, как государственный деятель.

Так что? Рискованный шаг Сталина по «коммунистическому воспитанию» великого князя уже показывает четки ориентир. Ибо, как всякий мудрый человек, он делает глубокие поступки не только в начале пути, но и одновременно в конце.

И попаданцу, может и не столь умному, но знающему нынешние препятствия, стоит заблаговременно сделать нужный шаг — вступить в ВКП (б) в первичной ячейке. А для этого надо, хотя бы, найти эту первичную ячейку. Не смейтесь, в конце 1930-х годов, коммунистов

было уже побольше, чем в Гражданскую войну, но не так, как в 1970-е годы. И далеко не в каждом учреждении устраивали партячейки. Не было ее и во Всеславянском Комитете, ведь в ячейке должно быть, как минимум, три члена ВКП (б) или, хотя бы, кандидата. А ведь в учреждении Романова-Советского пока было два — незабвенной жены самого председателя и товарища Королева. Тот хотя и был в высоком звании старшего майора госбезопасности, но двоится, или даже троится на трех коммунистов, ему позволял партийный устав.

Конечно, в каждом районе города Москвы существовали и территориальные ячейки ВКП (б), в которые собирались единичные члены партии по месту жительства. Но туда Сергею интуитивно не хотелось. В такие ячейки собирались самые горячие сторонники учения Маркса и самые, надо сказать обезбашенные. Ему почему-то показалось, что в них вступить в партию будет наиболее сложно.

Эх, стать бы большевиком через хотя бы ЦК ВКП (б), тогдашний устав это разрешал, или по решению секретаря ЦК, но Сталин так не разрешил. Хм, излишне недоверчив, при чем не к великому князю, а к своим же однопартийцам?

Хотя хватит полоскать И.В. Сталина, делу этим никак не поможешь. Пока наиболее верным становится поиск ячейки партии в каком-нибудь забюрократизированном учреждении, где коммунисты будут слишком чиновниками и не станут заведомо идеологически лаять на великого князя.

Может, разумеется, Сергей и был не прав, но решить эту дилемму могла только сугубая практика, так что арбайтен, лодырь, раз-два, раз-два! Вначале сходим до Алены, она-то знает, где здесь ближайшая ячейка ВКП (б), должна ведь встать на регистрацию. А потом, если, не удастся, или не понравится, то к Герману Николаевичу. Если и этот не поможет в таком чине старшего майора, то тогда лучше совсем уйти из этой богадельни.

Алена нашлась буквально через несколько шагов. Ну, как нашлась, похоже, она здесь была в стратегической засаде, батальон — другой войск НКВД отлавливался, а попал единственный несчастный великий князь. Сергей Александрович вначале был оглушен радостным пронзительным визгом, потом на него насели в прямом смысле этого слова, где-то пятьдесят-шестьдесят ласково нагрузилось ему на шею с требованием объяснить, где он, нехороший такой, все это время шатался.

Муж прямо-таки ошалел от своей наглой новоявленной жены. Но видя такое радостное и очень счастливое физиономия, сдержался и загрузил еврейским вопросом:

— А ты где была, супруга моя, давай признавайся!

Теперь уже Алена встала перед дилеммой — то ли разгневаться, то ли сначала объясниться, а потом опять разгневаться, сволочь такой, а не муж!

— Я, между прочим, подготовила небольшую вечеринку в честь наши свадьбы, а после этого еще объяснялась с работницами по поводу постельного белья, — сердито сказала жена. Но как-то в промежутке между злобными словами прочувствовала очевидная неуверенность. Попаданец внимательно поглядел в лицо этого гневного, но очень привлекательного ангелочка и ему вдруг как будто стрельнуло: да ведь они все это время напропалую сплетничали под предлогом делового разговора!

И уже насмешливо выговорил Алене:

— Ах, вы, сударыня, все заботах, весь дом на вас. Ха-ха, все косточки перемыли или остался хоть один небольшой сюжет, который вы не соизволили протереть между собой.

Сарказм однако, на Алёну не подействовал. Она загадочно посмотрела на мужа, озабоченно на стены со слухачами, которые, в принципе, могли быть везде, сообщила почти

радостно и беззаботно:

— Переговорили мы действительно немало. И ты не поверишь, что я узнала, но перед этим нам нужно обязательно посмотреть внутренний двор. Жена дворника говорила, что рабочие вручную закатали асфальт на прорехи, тебе надо посмотреть хозяйским взором.

Ха, понятно, сержант госбезопасности хочет о чем-то поговорить, злободневном и опасном, и тянет на природе, подальше от любопытных ушей своих же коллег.

Женщины на кухне сегодня проболтались, что нарком Ежов приехал из Кремля без памяти, шепотом сказала Алена, маскируясь под влюбленный поцелуй. Дескать, асфальт — асфальтом, а они молодожены нетерпеливые, им не терпится до свадебной постели хотя бы поцеловаться.

Сергей, конечно же, ответил таким же жадным поцелуем, небрежно спросил:

— Причина такого беспамятства, и как это скажется на нас непосредственно?

— Ежов мертв! — негромко, но торжественно ответила жена, — две пули в лоб и одна контрольная в затылок. Говорят, его убили сразу в приемной после визита к Хозяину. Все уже было понятно, но он все еще на что-то надеялся и хотел вымолить свою жизнь!

Они стояли во дворе на виду у всех желающих, крепко обнявших. Весь смак состоял в том, что именно так можно было сокровенно поговорить о ведомственных секретах, за которые можно было получить девять граммов свинца. Или даже меньше, если это револьвер или пистолет.

— Как я рада, — ласково щебетала Алена, словно говорила о чем-то о своем. Сугубо женском, — Ежов мне постоянно говорил всякие гадости, угрожал убийством. И вот его уже нет, а я еще есть и даже вышла замуж.

— Да моя лапушка, — как и всякий любящий муж, Сергей Александрович поспешил поддержать свою супругу, — смертельная опасность пока исчезла. Будем надеяться, что следующий нарком будет более нормальный.

В своей реальности он знал, что 1937 год ознаменовался вершиной сталинского террора, а потом, в 1938 — 1940-х годах, преследования, хотя и продолжались, но уже в гораздо меньших размерах и на законной основе. Ха, террор и закон, бывает же и такое!

Правда очередной и единственный на долгие годы нарком НКВД (МВД) Л.П. Берия уже умер. Теперь единственный кандидат в преемники Ежову В.П. Чкалов, в этой реальности, кстати, разобьется он в 1938 году или нет? Или станет, по аналогии с Берией, долгим и постоянным соратником вождя? Других возьмет из верхушки НКВД? Кого он там знает из статей XXI века — скажем, Берман, Медведев, даже Иванов, кто его знает.

Ведь поставленные перед собой задачи И.В. Сталин выполнил, все его враги еще с дореволюционной поры не только проиграли, это произошло раньше, но и умерли. Гомосексуалист Ежов, выполнивший грязную работу, теперь умер сам, и даже не в 1940-ом году, а уже в 1937.

Теперь Вождю было необходимо укрепить государственный аппарат и армию, довольно-таки ослабленный в ходе массовых репрессий, дальше развивать социалистическую экономику, заметно замедлившая темпы в последнее время по тем же причинам. То есть причины были весьма объективные и доказательные, и уже проверенные на практике в другой реальности.

Проблема была в том, что И.В. Сталин все же был человек, а не компьютер, и один раз пройденный путь он не пройдет очень аналогично. Чувства, желание пойти по-другому, субъективные обстоятельства типа упавшего на Кремль метеорита (чем черт не шутит?!),

или, опять же не вовремя упавший самолет, и все, реальность опять будет развиваться по-другому.

Нет, резко активизироваться и ему сейчас нет необходимости. Но отдельные телосложения можно провести.

— Слушай сюда, Алена, зашептал он жене на ушко, — на сегодня — завтра нам необходимо провести:

Во-первых, выполнить долг молодоженов этой ночью...

Тут ему пришлось остановиться, поскольку пунцово покрасневшая Алена резко одернулась, хотела, видимо, сказать что-то громкое и грубое, но вспомнила, где она находится, застеснялась. Так и осталась стоять — молчаливая, прелестная, очень недовольная вплоть до аплодисментов по мужниным щекам.

Пришлось негромко сказать ей, чтобы она не выходила за рамки роли свежеспоставленной жены:

— Нас сейчас многие смотрят, в том числе люди из НКВД. Считаю, идет сценка в театре, а мы с тобой в главной роли. Смотри, если кто-то не поверят!

Укоризненные слова на Алenu подействовали, она снова не только прижалась к нему, но и положила руки на шею. Но гневно прошептала:

— Ты все же сдерживай свой язык, я же молодая женщина, почти невинная девушка, а ты так непристойно хамишь!

— До этого прошлой ночью ты была куда как более сдержанная, — не удержавшись, сказал Сергей, — роль целомудренной жены примеряешь?

— Ты дурак? — вспыхнула Алена, — не знаешь, что надо говорить в семейной постели, а что на многолюдной улице! Совсем головой не думаешь!

В общем, поговорили. Как это бывает в разговоре с женщиной — рассорились на пустом месте, оба обиделись, считая, что именно он прав, а его собеседник, как раз, не прав.

И что-то она рано начинает, Лариска, по крайней мере, 4 недели выдержала, все-таки медовый месяц. А тут еще постель молодоженов не обмята, а первая семейная сценка. А потом что?

Настроение вдруг испортилось, хотя куда уж, и так столько было намерено — и били, и не однажды угрожали расстрелом и даже однажды выводили к расстрельной стенке, правда, не довели. Вот ведь женщина, все настоящее горе от них!

Хотел было вывести и второе, и третье, и четвертое, но что уж теперь. Посмотрел на глаза жены, нет, женщины, полные обиды, понял, что ни о чем-то они не договорятся и даже спрашивать о нужной партиячейки бесполезно — договоришься об еще одной грубости.

Глухо проговорил нормальным голосом, ничего не скрывая от многочисленных зрителей:

— Разговор окончен, пошли домой, есть еще домашние дела.

Алена, по-видимому, не ожидала такого конца разговора. Как любая красотка, она привыкла таким образом улучшать настроение. А знакомые мужчины, даже начальники в немалых чинах, терпели. Зато потом они получали улыбку, а то и две, а иногда и легкий поцелуй в щечку. А тут муж, понимаете, не хочет играть мужскую роль! Или в семье будет все по-другому. Э-э, но этот гамадрил на уровне великого князя так легко от него не уйдет. Она ведь, между прочим, его еще любит!

В два быстрых шага, ну пусть три-четыре, Алена догнала его и молча уцепилась в левую руку, понимая, что пока лучше не договорить. Но когда муж смотрел на нее, тот час же

ослепительно и умиротворяющее улыбалась. Дескать, поцапались, с кем не бывает, но мы же все равно, муж и жена, правда ведь?

Попаданец, которому было в действительности лет гораздо больше, почти в два раза, тоже остыл. Находясь в состоянии зрелого мужчины, уже не столь импульсивного и агрессивного, как молодежь, думал, что не будет он с не расходится. Бабы есть бабы, все одинаковы — смазливое личико, э-гм, скажем так, соблазнительная фигура, и бестолковый характер. И что теперь, шарахаться от них? Физиология ведь требует, даже для здоровья. Потом и детей рожать надо, пусть и через некую определенную женщину, он ведь не бог, не извращенец какой, но фамилия будет романовская, ветвь не угаснет, пусть не в XXI веке, так в XX столетии.

Перед входной дверью в небольшом ответвлении Сергей Александрович вдруг остановился, встав на месте сразу с быстрого темпа ходьбы. Алена от неожиданности споткнулась, с маху врезалась в тело э-э-э мужа?

Дура я дура, тоже нашла перед кем показывать стервозность. Таких красоток даже в НКВД тьма-тьмушая, а великий князь в таком возрасте как бы и не один на весь мир. ОДИН Что ты хочешь сделать, от свадьбы отказаться? Да он пожалуйста, только порадует. И новый нарком НКВД быстренько поищет и найдет, еще смазливее и моложе, пусть рождает! А тебя, незабвенную дуру, хоть в каталажку дежурной, хоть в патруль НКВД на Таймыр. И поделом, глупая!

Алена медленно, сделав глаза «я у мамы дурочка», посмотрела в верх, на лицо ее как бы родимого мужа. Точно мужа, она больше не будет!

— Я решил! — незнакомым голосом сказал Сергей Александрович, — мы все-таки будем с тобой мужем и женой. Не потому что я тебя уже простил, а потому что следующая женщина может быть еще хуже. А мне и так некогда искать, обстановка и в стране вокруг меня и в мире около СССР весьма напряженная и требует много внимания. Но имей в виду, ты должна приложить большие усилия к поиску своего места около меня не только, как жена, но и как жена-помощница. Согласна, нет? В сущности, ты теперь свободная женщина, ведь Ежов умер... — он остановился, не досказав, доверяя ей самой договорить, что она хочет и желает.

«Ищи дурочку, щас уйду!»! — не выдержав, сказала про себя, а слух миленько проговорила:

— Я согласна на все дорогой, ты зря так стараешься, я и так твоя!

И голос был такой медовый м такой сдобный, хоть к чаю подавай. Ясно ведь, попаданец ей не поверил, актриса та еще!

Но ничего не поделаешь, впереди масса дел и то, что у великого князя с молодой женой ругань ничего не волнует. Все равно, бери больше, кидай больше, пока летит — отдыхай!

Как уже говорилось, отношения великого князя с женой Аленой были всем до лампочки. Может и к лучшему, Сергей как вспоминал общественную помощь в виде трех старушек — затейниц и двух инвалидов старческого возраста, так сразу и вздрагивал. На фиг, на фиг, сам помру, не надо мне помогать!

Так, а теперь надо подумать посерьезнее. В свете произошедших событий, так, кстати, а когда они произошли-то? Сами они приехали со сталинской дачи в Москву около часа дня, а сейчас примерно пять вечера... раскудыть мое коромысло, так, похоже, И.В. Сталин уже ехал с твердым намерением в этот день избавиться от Ежова! При чем избавиться, в понимании Вождя, просто застрелить. Знаменитая его фраза — нет человека — нет проблемы — актуальна, как никогда.

То-то он был в машине каким-то взвинченным, почти злым. Нервничал, наверное, все-таки не каждый день все сильного наркома НКВД меняют. Вот интересно, если бы Ежов стал не скулить, а реально сопротивляться, наркомат пошел бы за ним? Ведь хотя бы тысяча — другая сотрудииков, наиболее преданных Николаю Ивановичу, замаранных э-э-э, пусть будет ноздрей, кровью?

Ай, сейчас уже поздно, карлик, вчера еще все сильный, сегодня навсегда упокоился в земде, жаль нельзя сказать, что мир праху его. А живые будут суетиться дальше, такова их вездесущая природа.

Так вот, с чего он так тревожно разбухтелся? Ах да, судя по всему, узнавать все творящее в НКВД и договариваться о будущем можно только с товарищем Сталиным. В рамках диктатуры принципиально можно достигать соглашения только с диктатором. Это логично и трезво, но как волнительно! Да что там говорить, он просто боится звонить в Кремль к вождю! Хотя ведь, можно позвонить только к Поскребышеву и достаточно.

Все, хватит, сомневаться и дергаться, злиться на Алену по делу и без дела. Сергей решительно поднялся на второй этаж в аппаратную, к телефонам. А там уже, хм, сидел незнакомый брюнет — «дядя». Документов, правда, он с великого князя не потребовал. Наоборот, сам встал по стойке смирно, даже козырнул, предусмотрительно одев лежащую здесь же на столе фуражку.

Судя при этом, что незнакомец из НКВД (он был одет в мундир этого ведомства, правда, чин был небольшой — рядовой) поздоровался и назвал Сергея Александровича товарищем Романовым, Королев был предусмотрителен и заставил заучить приметы хотя бы председателя Всеславянского Комитета. Видит бог, великий князь честно пытался поверить, что Герман Николаевич ничем с НКВД не был связан, кроме как через хозяйственную структуру. Но ведь тот сам демонстрировал противоположенное. Покойный Ежов, вроде бы, еще раз подкузьмил великого князя!

Но чисто внешне он приветливо поздоровался в ответ с товарищем и даже протянул руку для рукопожатия, благо кампания «протянул руку для рукопожатия, благо кампания «Нет рукопожатиям» ушла вместе с 1920-ми годами. А потом все же попросил его оставить в комнате одного с телефонами. Извини, товарищ, ничего личного, государственные секреты.

Поскребышев ответил на звонок не сразу и, судя по запыхавшемуся голосу, в кои-то времена был не на месте.

— Здравствуй, Александр Николаевич, — почти насмешливо сказал ему Сергей, чуть не

произнесся «долго ходишь» или что-то в этом роде. И тут же был наказан, не зря до революции смешливость считалась чуть ли не божьим грехом.

— Переключаю на товарища Сталина, — буквально сразу, не ответив Романову ни бэ, ни мэ, сказал Поскребышев и только в трубке щелкнуло.

Затем в трубке послышалось тяжелое, надсадное дыхание курильщика. Вождь, кто еще может быть!

— Здравствуйте, товарищ Сталин! — молодежато сказал Сергей Александрович, — разрешите доложить о выполнении порученных вами заданий!

Сталин был явно в этот момент в хорошем настроении. По тому, с каким тоном он произносил слова, чувствовалось, что он улыбается.

— Хорошо, товарищ Романов, говорите! — разрешил ему Сталин.

Пришлось говорить, сам ведь напросился. Вождь вопреки обычаю не перебивал, а когда он председатель Комитета начал рассказывать о проблемах с охраной, вдруг перебил:

— Подождите немного, товарищ Романов, вот с этого момента вы переговорите с новым наркомом НКВД.

Судя по звукам, трубку передали другому человеку, и вскоре Сергей услышал голос с неистребимым волжским оканьем:

— Говорите, у телефона Чкалов.

Поговорили. В принципе, в рамках целого наркомата, тем более, такого большого, дела Комитета были совершенно крохотные. Они быстро согласовали. Было очевидно, что Сталин каким-то образом успел уже переговорить с Чкаловым о проблемах Комитета, поскольку вопросов нарком не задавал совершенно. А должен был, ведь шла о личном оружии (револьверах, пистолетах) и о людях НКВД, передаваемых в охрану. И тех, и других было, в общем-то, маловато, но ведь не гвозди передавали!

В конце разговора вновь присоединился И.В. Сталин, словно намекая, что он совершенно в курсе:

— Работайте, товарищ Романов, темпы и направления вы взяли правильные, а если будут новые проблемы, не стесняйтесь, звоните! — он помолчал, раздумывая, потом добавил: — сегодня мне некогда, давайте послезавтра, часиков в девять вечера с Вячеславом покумекаем на счет новых кадров, а?

Сергею Александровичу лишь осталось сказать должные слова и положить трубку. Уф! Вытер горячую испарину со лба ладонью, немного расслабился. Самое трудное сделал! А через минуту уже решительно пошел из комнаты, сменяясь местом с незнакомцем из НКВД. Дел было много, пусть нетрудные и даже приятные, но ведь сами они делаться не будут, как бы этого не желал.

По пути к Королеву снова думал. Старший майор уже сумел «прихватизировать» себе целый рабочий кабинет. Вот ведь жук! Нет, все было в рамках субординации, кабинетик был куда хуже и примерно в два раза меньше, но ведь был! Теперь в Комитете было два кабинета — один председателя, другой его заместителя по административно-хозяйственной работе. Имейте в виду, не у личного секретаря великого князя (тоже должность немаленькая), не у заместителя по дипломатической работе (была и такая), а у хозяйственника.

«Раскулачить его, что ли? — подумал пораженный этими новостями председатель, — пойти, как говорится, по пути старших товарищей, которые в начале десятилетия произвели в деревне шурум-бурум, та до сих пор отойти не может. Я-то чем хуже?»

По пути к нему присоединилась его жена Алена, конвой, как водится, занял свое место.

Шаг влево, шаг вправо капается теперь расстрелом (у жены был пистолет и даже может быть заряженный, Ежова ведь уже не существовало), а прыжок на месте приравнивался к провокации. Жена, наверное, будет бить смертным боем или, хотя бы вусмерть защекочет, у ней это не заржавеет.

Так вот эта красивая, но своевольная сержант (сержантиха?) госбезопасности между делом сообщила, что помещения на третьем этаже уже полностью отремонтированы и в них можно переехать.

— Так что же медлим? — не растерялся Сергей, — сегодня же переезжаем, нечего зря тянуть, Комитет должен работать, деньги ведь государство платит.

Как бы не так! На женщине ведь, как сядешь, так и слезешь, да еще «леща» схлопочешь ха неправильное руководство трудящими массами. И Алена язвительно сказала, как выговор объявила:

— Я, дорогой председатель, спальню себе перенесла, а дальше вы сами работайте, уж постарайтесь, пожалуйста!

Однако, м Алена не на того напоролась. Сергей на 110 % убежденный, что она обошлась одними словами, а таскали все мужчины и даже женщины из obsługi, не менее язвительно перебросил мяч обратно:

— Жена моя еще может быть и не причем, а вот секретарь государственной организации обязана работать в поте лица.

И пока пораженная Алена искала что-нибудь язвительное, но не оскорбительное, ловко подставил ей своей ногу.

Старший майор Г.Н. Королев, нечаянно вошедший из кабинета в коридор, так и застал эту сладкую семейную парочку, одновременно являвшейся служебной связкой (председатель — секретарь) — она, стоящая неловко стоящая на коленях и что-то судорожно млея, и он, победоносно находясь рядом. Прямо-таки номенклатурная картина — высокий надменный начальник (не ниже председателя главка) и его смиренная секретарша-любовница.

И ведь, как точно-то! Председатель Комитета великий князь Сергей Александрович со своими делами, с которыми он уже сегодня убийственно (хе-хе!) переиграл наркома Ежова и его красивая секретарь — жена.

Герман Николаевич с большим трудом убрал с лица ехидную ухмылку и деловито спросил:

— Вы ко мне, товарищи? Сергей Александрович, Елена Михайловна, тогда прошу в мой кабинет.

Проблем у председателя (а, значит, и у секретаря) действительно было воз и маленькая тележка и он сидел у своего заместителя пока на улице не стало по-осеннему густо темнеть.

Партийные вопросы, очень важные для самого великого князя, но, в принципе, не большие, они прошли в пять минут. Ячейка ВКП (б), в которой отметились оба комитетовских коммуниста, действительно находилась в паре минут от здания Комитета и входили туда преимущественно сотрудники Наркомпроса, то есть те же чиновники или совслужащие. Люди они были бывалые и потому циничные, ни за что не желавшие выступать против ЦК.

— Были мы там, — прокомментировал Королев, — не сказать, что болото, но и против ветра они, хм, не плюют. Самые наглые и самоотверженные уже полетели в тюрьму ли, в ссылку ли, а остальные за ними не хотят, сволочные люди.

Алена лишь кивнула. Нет, она не тушевалось перед ним. Тут ведь был один нюанс.

Конечно, сержант госбезопасности ничто по сравнению старшего майора той же госбезопасности. Но вот жена великого князя и возможная мать его ребенка гораздо по положению выше, чем любой высокопоставленный чин НКВД.

Проблема только не Королеве, а в самом великом князе, с которым она необдуманно недавно поссорилась, а теперь не знает, как помирится. Так что пусть нквдешник разорвется, он ей не соперник.

Королев, увидев кулачок секретаря, на всякий случай решил отступить. Он еще раньше оценил обстановку вокруг великого князя и статус самого великого князя. Хозяина он, конечно, не слышал, только один раз видел издали, зато не раз слышал оценки покойного ныне наркома НКВД Ежова. И по ним он понял, что Сергей Александрович уже прочно занял одно из главенствующих мест вокруг И.В. Сталина. А Алена таким же образом стала фаворитка у великого князя. И кто он такой, чтобы меняться и с первым, и со второй?

Впрочем, Сергей Александрович не стал доводить поединок до кровавого конца. Просто кивнул Королеву, — мол, я вижу и дальнейшую ссору не одобряю. А Алелу он вообще обнял и затащил за свою спину. Та только пискнула и притихла. Сама же хотела близости с ним, так получай и радуйся!

Остановив, таким образом, «битву гигантов» в своем окружении, Сергей Александрович благополучно выслушал рассказ о положении в ближайшей партиячке. Партийного опыта у него, как вы понимаете, не было совсем. Зато существовала большая и довольно-таки циничная практика жизни XXI века. А там чего только не навидишься!

Так вот, на основе этого попаданец и решил, что он довольно легко достигнет своей цели — станет членом ВКП (б) с временным статусом кандидата. Хотя и понимал, что не стоит так небрежно подменять опыт одного века на другой, но ведь не останавливаться же на полпути. Хоть набьет шишки, но пройдет партийное чистилище! Пусть-ка откажут председателю целого Государственного Комитета, глядя прямо его в глаза, когда его поддерживает сам Великий Сталин!

Ну а по большей степени они все же разбирали административно-хозяйственные дела в самом Комитете. Перво-наперво разобрали продовольственный вопрос. В сталинском СССР (да и в целом почти во всей первой половине XX века) проблемы с продуктами практически всегда стояли остро, колеблясь уровня «голодно», до уровня «недостаточно». Вот и в 1937 году сельское хозяйство наконец-то дало достаточное количество продовольствия. Но к тому времени государственные потребности накопились до такого уровня, что стало ясно — всем до вольготности не хватит! Но, по крайней мере, нормированные органы управления до нового урожая продержаться. Хотя, конечно, их Комитет в рамках отечественной деревни организация сугубо потребительская и может только потреблять.

Договорились, что пока Герман Николаевич будет ежемесячно, а при необходимости еженедельно сообщать председателю о текущих потребностях Комитета. Вообще Королев был настроен оптимистически и считал, что уж их-то организация с такой малостью сотрудников и с ограниченностью задач со скудостью не столкнется.

На этом и остановились. А что еще рассусоливать? Далее старший майор сам остановился на переезде председателя и его личного штата (секретаря). Оказалось, что французская мебель, наконец-то, прибыла и на места постоянного расположения расставлена. И прелестная негодница явно ведь врала своему мужу и начальнику о больших проблемах при перевозках и существенной нагрузке, полученной ею самой.

Алена, разумеется, тут же разволновалась, прямо-таки раскудахталась при понижении

ее роли в повседневной жизни Комитета, но Сергей Александрович прекратил этот спектакль с меццо-сопрано в главной роли. Элементарно, зажав рот своей настырной женой. Хотя та и не очень-то и сопротивлялась, достигнув объятий мужа. И даже сидящий здесь же Королев ей не мешал.

Оный заместитель по административно-хозяйственной части, не моргнув глазом (а то и двумя), просмотрел на это семейное действие, а потом, как ни в чем не бывало, продолжил свой доклад. Оказалось, что вся ее работа по перевозке спальни состояла лишь в отборе и контроле над семейными (Алениными) безделушками.

Мебель ведь уже привезли извне, так же как и постельные принадлежности. Так что эту спальную мебель (кровати, тумбочки, стулья и проч.) и различное белье от наволочек и простынь до ковриков и коврового покрытия просто собрались отнести во время недавнего ремонта к самим же домашним служащим. Они, поскольку прибыли из мест, не далеко расположенных (в основном из лагерей ГУЛАГа, расположенных, ха-ха, как раз далеко), совсем прибывали без мебели, а АХУ НКВД давало им в нагрузку (иначе и не скажешь) такую рухлядь, что только руками всплеснешь.

Аналогично было с рабочей и даже парадной мебелью. Она, особенно последняя, была еще крепкой и достаточно красивой, но категорически не подходила к изящной и даже роскошной французской мебели стиля ампир. Советские цензоры никогда бы не пропустили ее в СССР (по крайней мере, в 1930-е гг.). Но И.В. Сталин, которому очень понравилось слово *АМПИР*, приказал категорически только это. Мгм, привезли ведь, куда денешься

А вот Сергей Логинович, теперь рассматривая мебель на третьем этаже вместе с товарищами (жена Алена и товарищ Королев), и ему нравилось! Роскошная мягкая мебель красного цвета, подходящая и одновременно не идущая к революционной обстановке, очень подходила к самому великому князю. Тоже весьма, скажем так, шокирующий советское общество и в то же время являющийся для всего мира (и для советских людей, между прочим) одним из наглядных преимуществ нового строя.

— Пожалуй, я возьму эту мебель обоими руками, — оценил Сергей Александрович обстановку. Спросил с еле слышимым сарказмом: — кто же из служащих Административно-Хозяйственного Управления НКВД имеет такой изящный вкус?

Но его подчиненные либо его слишком подробно знали, либо представляли положение в Стране Советов. Алена лишь прыснула, не выдержав, а Герман Николаевич погрозил пальцем.

Вельможным заказчиком мебели был сам И.В. Сталин, но об этом не предполагали говорить. Болтуны — враги СССР, об этом даже знали маленькие дети. И они же (а тем более взрослые) прекрасно были в курсе, как их наказывают.

Так что Сергей Александрович лично принес особо важные бумаги, его секретарь Алена различные письменные приборы, а затем стопку бумаг. Остальное несли уже слуги, пардон, домашние служащие — книги, настенные часы в спальню (в рабочий кабинет еще ранее внесли другие, еще более роскошные), одежду великого князя и его жены.

По крайней мере, третий этаж был в рабочем состоянии!

Второй этаж, сугубо рабочий и для великого князя, и отчасти для ответственных сотрудников Комитета, еще чуть-чуть ремонтировался, впрочем, совсем немного. А некоторые служащие, рангом ниже (канцелярия, машбюро, комендант с ее дворниками, техничками и прочей обслугой) планировалось поселить вообще на первом этаже.

Хотя, надо сказать, что и для второго этажа сотрудников еще не было, и для первого они еще работали в строителях, так что оба были почти пустые (строители по простоте нравов того времени спали там же, где работали). Но теперь, коли работы уже заканчиваются, то хотя бы второй этаж необходимо заполнять и лучше всего, раз это работники ответственные и крупные, сразу же через И.В. Сталина и В.М. Молотова. То есть послезавтра, когда будет с ними означенная встреча.

Гм, а что я могу сделать сам вместе с приближенными? А я ведь, кстати, могу, хоть и понемногу!

— Герман Николаевич, — негромко сказал Сергей Александрович, — строительные работы, я вижу, уже кончаются и на хорошем уровне. Передайте мое большое великокняжеское спасибо.

Королев молча склонил голову. Дескать, все слышал и обязательно передам. Потом посмотрел на великого князя, понимая, что это еще не все.

— Теперь для нас важно переквалифицировать строителей обратно в служителей, имея в виду, что они должны стать хорошими официантами, постельничими, горничными. Не просто приносить и убрать, а изящно, хорошо приносить и убрать, чтобы у гостей мужского пола, а они будут главным образом, было сугубо хорошее впечатление.

Итак, Герман Николаевич, от вас я даже не прошу, требую — опросом и наблюдением вычленив служащих, имеющих опыт прежней работы до революции, после революции, не важно. На крайний случай, хотя бы желающих работать по этим специальностям. И чтобы через несколько дней официанты хотя бы знали вилки-ложки-ножи, постельничьи умели правильно заслать простыню и пододеяльник, а горничные умели прислужить гостям, не сбивая их и не посыпая табачным пеплом.

Королев озабоченно кивнул головой, видя большой масштаб работы. Ничего председатель Комитета тебе еще добавит!

— Дальше, отдельное направление — все служащие должны знать хотя бы один иностранный язык, а в идеале — три основных европейских. Исключений не будет. Не справившиеся будут уволены из Комитета с понижением! Срок — три месяца.

Королев явно маялся от терзавших его противоречивых чувств. Языки — это хорошо, ну а как заподозрят в шпионаже. Потом, он уже стар, пойдет ли у него лингвистика?

Попаданец его понимал, но ничем не мог помочь. Ведь работать надо будет с иностранцами, а, значит, придется говорить исключительно по ихнему или, хотя бы, немного понимать.

— И последнее, товарищи. Мы взрослые, идеологически подкованные люди. Более того, Герман Николаевич у нас старший майор, а моя Аленушка — сержант безопасности. Я, хоть и без звания, но имею честь быть секретным сотрудником.

— О! — удивился Королев. Наверняка покойный Ежов знакомил его с подоплекой дела, а об этом не сказал. А как он скажет, если и не знает!

— Сегодня товарищ Сталин озаботил его, — улыбаясь, сказала Алена, — и он согласился, между прочим, даже не думая.

— Честно говоря, — продолжил Сергей Александрович вечер откровений, — я уже об этом думал, но сам не решился предложить. Как же, великий князь и лезет в НКВД. Давно ли сам был под арестом. Но раз товарищ Сталин предложил, то я, конечно, с радостью согласился.

И вы, товарищи, должны идти по этому пути. Все товарищи служащие должны постепенно стать сотрудниками НКВД. И не просто стать, но и овладеть методиками шпионажа, различной борьбы, холодного и огнестрельного оружия.

Сложно? — спросил председатель Комитета, видя посмурневшие лица, — тоже думаю, мы одни не справимся. Буду просить помощь. Но вы, товарищи, не расслабляйтесь, работайте, что было сил.

Ладно, — посмотрел он на уже потемневшее окно, — кажется, Алена говорила про какую-то скромную свадьбу?

— Ой да, какая свадьба, — смущенно запротестовала Алена, — так, небольшая вечеринка всего лишь. Рабочая обслуга и все тут!

— Позвольте, позвольте, — удивился Сергей Александрович, — а служащие, что не люди? Ты Алена, мне брось дореволюционные предрассудки реставрировать. Будет свадьба великого князя в окружении трудящихся. И невеста, между прочим, у него тоже из простых людей.

— Я не это имела в виду! — окончательно засмушалась Алена, — ведь еды немного, и спиртного по две капельки, какая уж тут свадьба!

— Кстати, — мешался Герман Николаевич, еда хоть и простая, но его достаточно для всех. Из спиртного лишь водка, но женщины обещали сварить из нее нечто вроде настойки. Все будет хорошо, Алена!

— О-ой, — потянула жена и почти обиделась, — ну я же совсем не знала! Что вы ко мне пристаёте?

Сергей Александрович засмеялся, Королев тоже. Они потащили женщину на свадьбу, свою собственную, кстати.

На советской свадьбе попаданец был впервые. Ничего, простенько, но со вкусом. Все забило счастливое чувство несколько десятков людей. Сергей Логинович их, в общем-то, понимал. Тюрьма, лагеря, околорасстрельные статьи. И вдруг ты снова возвращаешься в прежнюю добрую жизнь. Он тоже впервые дни после тюрьмы, в которой его чуть не расстреляли, был немного пьян и немного встревожен — вдруг вновь укут?

Ну а потом и радовались свадьбе великого князя. Все они, служившие до революции (некоторые дотянули до Гражданской войны, пока хозяева не сбежали за границу / погибли), считали, что Романовых в СССР больше нет. А ведь надо же! Один не только выжил, но и сумел жениться, а они оказались на его свадьбе! Расскажешь кому-то, ведь не поверят!

Сама свадьба, как свадьба, по уровню XXI века бедновата, для эпохи Гражданской войны даже роскошная. Каша из ржаной сечки с капелькой животного масла (брусок масла в 100 грамм на огромный двухведерный котел каши). Даже и не знаешь, что делать — горевать по поводу маловатости масла или радоваться большому объему каши. Изюму бы еще или хотя бы молока, да нету ни сушеного винограда, ни молочной продукции. Зато есть поваренная соль — и в каше и просто в емкостях на столе.

К этому роскошному блюду интенданты (Королев энд Ко) добавили пайковый хлеб —

около 300 грамм, все что смогли ужать от повседневного стола, и по стакану водки (200 гр.). А поскольку женщин среди obsługi было большинство (70:30), нашлась даже детвора, на которых водка тоже Королевым выдавалась, но, естественно, в рот не вливалась, то спиртного было достаточно. Мужчинам пришлось по три полстакана водки, женщинам по 3–4 рюмки настойки и детворе по две горсти конфет на всех и по разбавленному наперстку настойки. И всем было радостно и по-пьяному весело.

Сам Сергей Александрович, разумеется, не пил. В бытность своей в XXI веке он по русской мужской привычке на нескольких свадьбах друзей и даже на своей прошлой (!) густо набирался, так что и не помнил концовку вечеринок. Но в этой свадьбе ни-ни, облес облидж, как говорится. И невеста Алена, как он заметил, только пару раз макнула губы в рюмку с настойкой, жидкости там и не убыло!

Она и про две капли, как потом понял попаданец, говорила именно про них, намекала, мол, они-то в это торжество явились точно не водку пить. Смешная, конечно, не пить и вообще не есть. Сергей сладостно обнял молодую жену, в яви раздевая и принимая на себя все женские прелести. Теперь уже его прелести, как мужа и ее мужчину!

— Хватит уже! — негромко, но сердито проговорила она, — всю свадьбу раздеваешь меня при всех. Ах, как стыдно и сладостно-то!

А у самой в каждом глазу по веселому бесенку, мол, давай еще! И не стесняйся, пора молодая. Здесь взглядом, а потом, вверху в спальне, и руками. Сегодня, можно сказать, все позволяется, сегодня молодежная ночь!

В общем, свадьба была хоть и была бедная, но пьяненько-радостная, гости были пьяны от спиртного (водки и какой-то настойки), молодые — от предчувствия свадебной ночи и любовной истомы.

А потом, когда они были спроводены пьяными гостями, которые, как водится, пошутили, слегка поиздевались над молодыми, молодые, наконец, остались одни. Уф! Но вначале надо подкрепиться...

— Где-то тут Герман Николаевич дал сверсток со съестным, — в полголоса рассуждал Сергей Александрович, совсем уж пьяный при виде сидящей на постели женщины. Она, его милая, все видом своей говорила — я твоя! При чем не только к сексу, это у них было вчера и будет сегодня, они дееспособные мужчина и женщина и у них все будет.

Нет, Алена явно показывает, что она готова идти с ним по жизни, тянуть вместе с ними все тяготы и радости, растить детей, а потом внуков. В общем, делить семейные обязанности перед природой (раньше говорили перед Богом) и перед государством (сейчас говорят перед Коммунистической партией, имея в виду И.В. Сталина).

О, а вот курица! По русскому обычаю, с молодоженами в свадебную ночь отправляли вареную курицу. Чтобы поели молодые и справно тянули свои тяготы. Ведь как бы ни изгалялись гости, как бы ни радовались молодожены своим священным таинствам, но главное, именно сейчас и здесь между женихом и невестой, мужем и женой произойдет зачатие новой жизни. А зачем, спрашивается, по большому счету, и происходит свадьба?

— На, кушай, Алена! — вырвал он от куриной тушки нежное крылышко. Это, опять же, по старинному обычаю невестина доля. А чтобы она не обижалась относительной скудости, взял с крылышком хороший кусок мяса. Ничего не жалко!

Себе оторвал ножку. Не бройлер, конечно, и не мягкая сладость цыпленка, но все равно явная домашняя птица.

Ну а потом все было как у людей, и уснули, не как вороватые любовники, ворующие

свою любовь и даже не способные вырвать часы спокойного постамурного сна. Нет, они уснули спокойным сном законной семейной пары.

Сергей Александрович проснулся на следующий день поздно, как и положено молодожену. Что-то его пробудило, но что? Открыл глаза. Рядом лежала его жена (ЖЕНА!), уже не спящая, смотрящая на него пристально, и так любяще, что аж сердце забилося радостно и гулко.

Сама виновата, раз приставала к мужу в семейной постели (это ведь можно приравнять к приставанию, правда? Или, хотя бы к попытке). Сергей, только что смиренно спящий и позволяющий любоваться собой своей жене, вдруг приподнялся и поцеловал ее в губы.

— М-м?! — удивилась она, но потом ответила. А он еще погладил ее тело сладко-сладко. Теперь уже можно, они ведь муж и жена!

К полудню, однако, жизнь к ним постучала негромким, но настойчивым женским стуком. Стучала, разумеется, горничная Дашка, разбитная молодуха их же примерно лет. Она тоже недавно вышла замуж, но вот не вышло почему-то, то ли умер муж, то ли просто сбежал от такой неудобной жены. В общем, была у нее свадьба и был трехлетний сын, с которым она была аж в ссылке, а вот родимого мужчины уже не существовало, от чего она вся пылала сексом, как жаром.

Хоть дверь уже полуоткрытой, но Алена встала, накинула на голое тело халат и так впустила гостью. Все, дескать, мы встали! Пока они о чем-то оживленно и весело щебетали, аж повизгивали, Сергей Александрович за занавеской оделся уже основательно. Дарья ведь не крепостная девушка, чтобы шастать при ней в дезабилье!

Пообедали и сразу отправились в партячейку Наркомпросса. Как говорится, с парадного бала да на рабочий корабль, все, празднество закончилось, начались суетливые трудни. Ехали они втроем — великий князь Сергей Александрович, как главный герой этого партийного кордебалета, а также актеры потанцовки — Г.Н. Королев и жена Алена.

Приехали в служебном автомобиле, что уже четко показывало уровень нового коммуниста. И сам парторг наркомата был в курсе — вступающий в ряды партии является ответственным совслужащим и, более того, хорошо знает с И.В. Сталиным. Самим товарищем Сталиным!

Конечно, парторг А.В. Васильев предварительно поговорил с рядом товарищей, провел предварительную работу, ведь если будут сложности, сразу же возникнут проблемы с ЦК ВКП (б), а это уже не очень хорошо и с партийной организацией Наркомпросса, и с самим товарищем Васильевым.

Но хотя парторг предусмотрительно подложил соломку на пол, но и он не знал все тонкостей социального происхождения. Он лишь ограничился формальной справкой из аппарата ЦК, о том, что данный товарищ никаких темных пятен не имеет. С этого и начались все трудности.

И ведь сам Сергей Александрович не подсуетился, не учел, что великий князь в СССР был по-прежнему на уровне допотопного, но довольно страшного бронтозавра. А еще со времен старика И.А. Крылова известно было как российское общество реагирует на слона. А тут бронтозавр!

И то, что наш попаданец параллельно женился и мозги его были разжижены розовой любовной водицей, еще ничего не говорило. Отложил бы свадьбу, не умерла бы невеста от нетерпения. Как говорится, либо трусы надо надеть, либо крест (партбилет) убрать. А нечего тут смешивать!

То есть первые слова были встречены благостно — рабочий-металлург, сталинский выдвиженец в госаппарат, в короткий срок прошел путь от простого аппаратчика до председателя Всеславянского Комитета. Пользуется полным доверием партии и правительства, в том числе самого товарища Сталина.

Кое-кто из торопыг уже начал хлопать, понимая, что его просто нельзя не избрать. Парторганизация Наркомпроса в глазах Вождя и так была излишне либеральной (в те времена это расстрельная репутация, хуже только был ярлык троцкизма). А тут если провалят и этого сталинского выдвиженца, то И.В. Сталин этого не простит.

Но тут оратор запнулся и недоуменно сказал, как в тексте:

— Дореволюционное происхождение — великий князь. Сергей Александрович, объяснитесь, пожалуйста, тут, наверное, какая-то ошибка?! Как же, вы товарищ Романов?

Оратор, немолодая уже женщина, проще говоря, старушка, член партии с дореволюционным стажем, с перекошенным ртом от ужаса обернулась к вступающему.

Попаданец уже хотел было встать и объясниться, как того и потребовали окружающие в лице оратора, но его перебили. Коммунист А.М. Кормилицына, которая в данном случае удостоверяла за С.А. Романова-Советского партбилетом, не выдержала и горячо заговорила. Ой, зря попаданец дал возможность Алене защищать его. В конце концов, женщина закрывает мужчину, не стыдоба ли? Сергея только спасало одно — заседание было партячейки, на котором он, как беспартийный, право голоса не имел, а вот его жена, являясь членом партии и поручителем, как раз не только имела, но и должна была говорить.

М-да. Ну и наговорила она, пусть и не на несколько сроков, но достаточно, чтобы практически все члены ячейки тоже занервничали и принялись горячиться. Причем попаданец заметил своим посторонним взглядом, что чем ниже были коммунисты по служебной лестнице, чем они злее и тверже говорили. А верховодили, извинит, женщины.

Сергей Александрович уже понимал, что, дав говорить своей жене, он сильно ошибся. Ведь мог бы, по-родственному, силком посадить и попросить говорить тому же Г.Н. Королеву, дать партийно-правовую оценку текущей обстановке. Нет, пошел на поводу и залез в грязную лужу по самую макушку.

Мысленно повздыхал и решительно встал, чтобы принять огонь на себя. В предыдущем ХХ столетии, работая менеджером, он неоднократно попадал в такую ситуацию, когда он один, а потребителей много и все на него злятся. Здесь, конечно, ситуация другая, но если радикально смотреть, то идентичная — он один, а их много и все от него что-то крайне нужно.

Значит, что нам нужно? Во-первых, успокоить собрание, ибо горячие коммунисты ни к чему хорошему не приведут, во всяком случае, для него. А во-вторых, свести все к И.В. Сталину, ход будет выигрышным, и люди будут спокойными, и сам он окажется твердым.

Ну и так далее, а там уже посмотрим.

— Товарищи! — прежде всего, призвал Сергей Александрович, — только не надо спешных выводов и радикальных решений! Товарищ Сталин в последних номерах «Правды» неоднократно гениально писал, что события Гражданской войны происходили уже давно, а живущие и, тем более, выросшие в СССР дворяне, в том числе великие князья, такие же советские граждане с обычными правами и обязанностями.

Статья была известная и вытасченная для буквально перетаскивания на лозунги и пословицы. Сами же агитаторы-коммунисты пропагандировали и заставляли учить, что б на зубок. Правда, что так получится на практике и в ячейке появится целый великий князь, никто не ожидал.

А ничего, радуйтесь, что марксизм-ленинизм-сталинизм такое передовое и жизненное учение. Только заговорили, а великий князь вот он!

Высокое совещание примолкло, продираясь сквозь идеологические дебри и пережевывая надоедливую агитационную жвачку. В самом деле, не восставать же против Вождя?! Эдак ведь в лагерную пыль размелют!

Однако наиболее твердые и упрямые ортодоксы не сдавались. Та же ораторша, отзывается на имя-отчество Елизавета Петровна, высказав все, что от нее потребовали регламент и партийное начальство, уже от себя довольно логично и разумно сказала:

— Товарищ Сталин, разумеется, прав, и теперешние дворяне перековались, уже не становятся непримиримыми врагами. Это так. Но товарищи, партийная чистота это совсем другое. И то, что дворяне существуют в СССР не требует механически тащить их в партию. ВКП (б) — это ядро советского общества и оно должно быть передовым и чистым.

— Да! — высунулась какая-то неопрятная, но очень злющая женщина, — в деревню их, пусть на деле покажут, как надо работать. «Двадцатипятипятисочниками»!

Оппа, — подумал Сергей, — дискуссия-то как-то пошла кривовато. И сбить накал полностью не удалось, здесь своя, хе-хе, Кормилицына есть. Бабы они такие, пока не задавишь, часами станут болтать и похерят под пустыми словами простенькое, в общем-то дело. Так, а что же наш парторг молчит, партийную демократию все не наиграется? Настоящая ведь дискуссия тогда бывает плодотворна, когда ее ведут организаторы по задуманным заранее логическим схемам, а не отдадут на откуп собранию болтушкам.

Сергей Александрович вопросительно посмотрел на парторга А.В. Васильева партийный он организатор наркомата или погулять вышел и набрел нечаянно на партийное собрание?

Александр Васильевич все понял правильно. В конце концов это его сфера и он сам должен всех забить и вытащить шкуры наиболее смелых и глупых крикунов на солнышко. Пусть валяются, если не могут думать.

— Ты, Никифорова, замолчи, — сказал не менее зло, — Гражданская война действительно давно прошла. Сейчас, как говорит товарищ Сталин, наш основной враг — проклятые, гнусные троцкисты, бухаринцы, всякие — якие гамарники, якиры и так далее. Дворяне сейчас в корне разбитый класс, который и не думает с нами воевать или, хотя бы, подставить ножку советскому народу, бодро идущему по правильному пути развития социализма.

Ха, вот ведь тоже болтун, — попаданец аж поморщился, — какие обороты сумел

обернуть, сердце «радуется», хотя и скучает. И, главное, все в ключе речей И.В. Сталина, комар носа не подточит. Но и дальше идти ни-ни. Настоящий партийный функционер!

— Вот и я говорю, — обрадовалась Елизавета Петровна, — Надежда Никифорова здесь по-трудящему немного перегнула, пусть товарищи бывшие дворяне спокойно работают, никто их не собирается массово загонять в тюрьмы и лагеря, даже, гм, в колхозы. Но в партию вступать, это ж другое дело, тут надо тщательно взвесить.

Она победоносно и как-то по-отечески (по-матерински) обвела взглядом всех собравшихся. Дескать, вы, товарищи, туи несколько ошиблись. Но партия в моем лице во время сумела вас остановить и правильно повернуть. Как оно, товарищ Васильев?

Да ведь она очередная партийная болтушка. Работать не хочется, педагогика — дело муторное, а сейчас еще и опасное. А ну как беспризорники перо в бок сунут? А тут говори, болтай, только официальные берега ощущай, а то свои же пнут. А так, полная благодать, благоустроенная квартира, большая зарплата, опять же почтение и благодать.

Ну а что Васильев, как-то он действует странно. Попаданец никак его не мог и опять посмотрел на парторга вопросительно. Вроде бы тверд, и на язык боек, свою сферу держит и не собирается никого в нее запускать. Но и за пределы ни-ни.

О, вот опять пошел по очередному кругу, сталинский тезис мусолит «дворяне — это те же советские люди». Не надоело еще ему? Одно из двух — или он не одобряет идею Вождя о дворянстве, как очередной, пусть и второстепенной пока, но не чужой и, тем более, не враждебной Стране Советов социальной прослойке. Отрицать ее он напрямую не может, вот и проводит своего рода итальянскую забастовку. Партизан — подпольщик сволочной!

Или, что еще возможно, репрессии 1930-х лет так его напугали, что он твердо колеблется вместе с политбюро ЦК ВКП (б), а больше никак. Хорошая позиция, хотя и большевизмом здесь и не пахнет. Но, по-моему, необходимо партийную дискуссию эту прекращать, а то как-то она опять не туда пошла.

А их Вождь и мудрый Учитель отказался совершить решительный шаг. Можно было, конечно, напечатать в «Правде» дифирамбы о великом князе, что объективно означало бы приход его в партию. Или отправить директиву ЦК о его приеме в ВКП (б). просто и незатейливо. Но Сталин предложил сделать этот прием, как инициативу снизу. Дескать, народ захотел, а они лишь пошли на поводу. Кого он этим хочет обмануть? А рекомендацию все же дал, как от рядового коммуниста. Мудохайся здесь с ними, меняй курс.

В самом деле, официальный оратор наркомата Елизавета Петровна Задорнова потихоньку тянула к удобному всех решению — великому князю, в принципе, не отказывать, но пока от приема в партию отказаться. Пусть делом докажет, что он достоин.

Хороший ход. До следующего собрания великий князь что-нибудь сделает, а главное, парторг Наркомпроса успеет «посоветоваться» с товарищами в ЦК и уже стойко будет отстаивать свою (общую) точку зрения.

Все бы хорошо, но ему надо только сегодня. И И.В. Сталину твердо обещал, и выдвинутся на мировую сцену в качестве председателя Всеславянского Комитета ему необходимо не только великом князем, но и коммунистом. Потом менять статус будет сложнее, как у нас в стране, так и за границей.

Но, главное, вождь. Может попаданец и ошибается, но тот еще неуловимо колеблется. Дворянизировать коммунистический СССР или нет? Бонусов это дает немало, но и опасностей выкидывает немало. Эдакие вот подводные валуны, которые, вроде бы, не видны и поэтому не опасны, но судно сбивают с курса только так.

А ведь это опасно уже ему. В сталинском ведь СССР как? Любая смена курса происходит вместе с физической сменой носителей. И если небольшую группу дворян, которых сейчас снова репрессируют, а то и просто расстреляют, как в прежней реальности, очень жаль, то вот уничтожение нынешнего респондента — великого князя Сергея Александровича Романова — просто недопустимо. Ха-ха, это ведь смерть, не так ли?

Так что надо твердо и решительно сменить ход собраний ячейки. Иначе это долб... бестолковые наговорятся. И, прежде всего, необходимо врезать по функционерам. Надо показать, что секретарь ЦК ВКП (б) уже решил и им, как правильным членам партии следует лишь шагнуть в правильном направлении.

Незаметно, ну как незаметно, все ведь увидели и оценили, тихо прошел к председательствующему парторгу А.В. Васильеву, отдал с опозданием картонную папку с рекомендациями. Вообще-то их надо было отдать сразу. Этот как пропуск, а вдруг у него нету? И что он тут мозги компостирует? Или с самого начала они сегодня не собирались его запускать в партийные ряды? У-у, бюрократы!

— Ага, рекомендации, — в отличие от великого князя громко, в расчете на всех собравшихся, сказал Александр Васильевич, — так, Кормилицына, а это, гм...

Парторг, разумеется, знал, что вступающий в партию сталинский выдвиженец. Но их так-то немало было, сколько выбросили из аппарата в ходе массовых репрессий, столько и приняли других. Но что он окажется выдвиженцем именно самого И.В. Сталина... Так ведь это в корне меняло всю ситуацию. А Романов еще молчал, то ли сробел, то ли издевается, гад дворянский!

Укоризненно посмотрел в сторону великого князя, негромко сказал:

— Что же вы, товарищ? Вам выпала такая великая честь, а вы молчите, нехорошо, батенька, нехорошо!

Что мог на это ответить Сергей Александрович? Лучше всего ничего. А то вставать между секретарем ЦК и немалым партийным функционером было чревато. Ну его к богу или к черту!

В итоге лишь покаянно пожал плечами и смущенно улыбнулся. Мол, я не я, и гхм! Короче, решайте сами, а я вот тут, весь такой белый, смиренный и смущенный.

Васильев медленно встал. Делать было нечего, ситуацию надо немедленно менять, а то по башке получит первым он сам, а не этот дурак великий князь, что б ему в аду тысяче лет в огне гореть!

Солидно откашлялся и не спешно заговорил:

— Товарищи, все говорившие уже предлагали пока отложить принятие означенного вступающего, как великого князя, то есть из-за происхождения. Однако, предыдущие пленумы ЦК в 1930-е годы неоднократно отмечали устарелость такой догмы.

Мы, товарищи, большевики и гибко подходим к текущей обстановке. В годы Гражданской войны только пролетариат и, в меньшей степени, трудовое крестьянство были основой партии. Вот и приходилось, брать представителей пролетариата, с опаской бедноту и незаможных середняков, гневно отвергая наглые попытки мелкобуржуазных слоев и различных дворянчиков.

Но, товарищи, сейчас уже конец 1930-х годов, есть мощное, консолидированное советское общество трудящихся в виде союзных рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции. Нет антагонизма и паразитирующих слоев. А посему и классовый подход устарел.

Потом, посмотрите, товарищи, на этого, так сказать великого князя, гляньте на его мозолистые руки. Это руки, товарищи, рабочего металлиста, не белоручки. И что мы тогда маемся, пытаемся отгородиться?

Ведь, товарищи, партия нам уже правильно показала, назначив его председателем Всеславянского Комитета. Не поставить же на такой пост врага или колеблющего мелкобуржуазного элемента?

Поэтому, товарищи, я со своей стороны ввожу контрпредложение к выводу Елизаветы Петровны — избрать Романова-Советского Сергея Александровича членом великой Ленинско-Сталинской партии ВКП (б)!

Александр Васильевич немного подождал, ожидая реакцию от собрания на свое «радикального» предложение. Коммунисты же, в своей основе не зная, почему их обычно весьма осторожный и предусмотрительный парторг так решительно поддержал «скользкого» вступающего в партию. Но седьмым чувством, так помогающим в бюрократическом мире, они понимали, что предложение Васильева на этот раз единственно правильное.

А ответственные члены партии, уже успевшие увидеть рекомендацию самого И.В. Сталина, успели понять всю текущую обстановку и ужаснутся. Они, что же, колеблются, когда сам СЕКРЕТАРЬ ЦК поставил свою весомую подпись? В демократическую оппозицию решили поиграть, как троцкисты? Товарищи, мы с партией!

Избрание в партию прошло единогласно, все подняли руки, а когда председатель еще огласил единолично, уже для секретариата ЦК (читай, для И.В. Сталина) кто голосует ЗА твердо отдали свои голоса за Романова-Советского.

Что же, как сделали, так и получили. Но попаданец напоследок весомо щелкнул своим пролетарским и одновременно великокняжеским пальцем. Он сказал:

— Товарищи, мне в ЦК сказали, что в партийной ячейке Наркомпроса царствуют чуждые большинству партии течения консерватизма и начетничества. Предлагали пойти в другую ячейку. Но я все же рискнул и пришел к вам. и теперь готов сказать товарищам в ЦК, что их предосторожность была лишней.

Он так многозначительно кивнул головой вверх, что даже медлительным стало ясно, что хотел сказать новый коммунист. А парторг А.В. Васильев поспешил заверить, что, несмотря на всякие наветы, коммунисты Наркомпроса всегда будут идти только по дороге, намеченной ЦК.

Уже не торопясь, спустились. Ячейка еще заседала по другим вопросам, но Сергей Александрович, извинившись, ушел сам и увел своих коммунистов. Ему никто не возразил, и попаданец еще раз понял, какой мощный авторитет был у его патрона И.В. Сталина. Куда там его там сколькоюродному братцу Николаю II!

Сели в машине, в которой тосковал в одиночестве шофер. Только там и расслабились. Попаданец получил небольшой «подарок» — извинительный поцелуй от Алены. Ведь это из-за нее, что не говори, заразы, все и началось. Прошло бы медленно, он бы среагировал, вовремя дал рекомендации. Да чего уж там, после драки кулаками не машут!

Получил рукопожатие, тоже немного извинительное. Герман Николаевич совсем ничего не сказал, хотя и мог, и должен был сказать одобрительные слова. Все-таки член партии с Гражданской войны! Не сказал, а теперь пояснил:

— Виновата свадьба. И там выпили прилично и после еще, в итоге утром его можно было лишь в мясорубку, а не на собрание ячейки. Совсем ничего не соображал, лишь опасался, как бы не вырваться ненароком вчерашнее.

Но в целом все, это мероприятие уже прошлое, а жить надо настоящим или будущем, а как иначе? А ему надо спешить, ведь коммунист и великий князь это не только смешно и неудобно, как кисло-сладкий соус для наших предков, но еще и очень взрывоопасно. Рванет, и от тебя ничего не останется, а все окружающий будет контужены, если не более.

Но пока до завтрашнего времени он будет спокоен, потому как может отдыхать. Опять же, как отдыхать? Надо принимать уже отремонтированное и подогнать людей из-за неотремонтированного. Хватит уже, пусть причины объективные, но время торопит. Точнее, конечно, И.В. Сталин, а еще точнее напряженная международная обстановка.

Конечно, Всеславянский Комитет не МИД СССР, и, тем более, не наркомат оборонь СССР, но все же, с подачи великого князя, должен будет сыграть в этой реальности большую роль. Пусть Сергей Логинович только гуманитарный попаданец со слабой к тому же памятью, то есть формулу пороха он не подарит новой реальности, так же как и новые танки и иную технику. Зато, как и почти любой гуманитарий он почти политик и очень большой патриот. Так что потягаемся, господа-товарищи, мы еще, ого-го!

По приезде в свой (наш) особняк и в свою (на этот раз только свою, ну и, конечно, Алены) спальню, он быстренько пообедал уже в личной столовой на третьем этаж. При этом, к удивлению официанток он пришел туда в парадном наряде и заставил, именно, что заставил, а то дражайшая Алена Михайловна никак не понимала и не желала быть при параде.

Положение быстро прояснилось, когда он при первой смене блюд их председатель и великий князь, извинившись, объявил, что Комитет начинает работать, пока в учебном ритме. И что пусть еда будет не ахти, но официанты должны быть одеты с иголочке, а носить все, как трюфеля и черную икру.

Он оглядел официанток: — Понятно, товарищи?

То же самое оказалось у строителей. Великий князь, одетый в костюм-тройку и ослепительно-белую манишку и от этого очень похожий на дореволюционного барина, все построенное (отремонтированное) одобрил, все недостроенное приказал срочно доделать. К послезавтрашнему дню особняк должен быть отремонтирован!

Строители были шокированы. То никто их не торопил, даже тот же великий князь, то вдруг опочки, мы завершаем!

Сергей Александрович мог бы и объяснить, что, во-первых, завтра он будет у И.В. Сталина, где все прояснится и, скорее всего, Комитет начнет работать, а во вторых (или даже во-первых) он стал членом (пока кандидатом) и окончательно вошел в советскую структуру.

Так что работайте люди, барин ваш уже готов трудиться!

А потом пришел вечер и потихоньку Сергей Александрович с помощью жены Алены и, немного, домашней обслуги, начал собираться в Кремль. Вроде бы мелочь — одеться, почиститься, если надо подшить, прихорошиться, а вторую половину дня только этим и занимался.

Благо ведь если б только внешний вид! Еще больше председатель готовил аналитический отчет о положении в Комитете (материальная база, кадры, перспективы в ближайшее время и на будущее). Поневоле приходилось уходить в масштаб, когда касался таких тем, как Комитет и СССР, Комитет и окружающий мир.

Конечно, не только сам писал и рисовал картинки. Помимо Королева в Комитете появились еще несколько заместителей из НКВД и НКВД, пока в общих чертах — один занимался деятельностью Комитета в нашей стране, другой из дипломатов, в современном мире. И.В. Сталин, следя за развитием Комитета, на расстоянии корректировал формирование организации.

Теперь вот он, как председатель и как великий князь, уже сам ехал в Кремль с собственными видениями и представлениями.

А виделось ему очень вдруг многое. Как попаданец вообще и как председатель Всеславянского Комитета в статусе великого князя он, оказывается, уже много что умел!

С тем и приехал в Кремль. Он ведь не на безлюдном острове, любая его деятельность прямо или косвенно касалась теперь уже тысяч и миллионов (!) человек. В свою очередь и он сам зависел от многих людей. В первую очередь от И.В. Сталина и в меньшей степени от множества представителей его аппарата. С первым из них он должен был встретиться с соратником секретаря ЦК — все еще с председателем Совнаркома В.М. Молотовым. В прошлой реальности И.В. Сталин сделал его в 1939 году наркомом иностранных дел, а в 1941 году, наоборот, освободил от поста председателя СНК СССР.

Но это было в прошлой реальности, а этот мир, хотя и очень похож, но отнюдь не идентичен. Сам видел, как внезапно умер Ежов. Внезапно узнал, что, оказывается, здесь почти не было К.Е. Ворошилова. Погиб в Гражданской войне, как и Н.С. Хрущев. И если его отсутствие заметно сказалось уже в 1930-е годы, а гибель Хрущева уже после смерти Сталина, но ведь и то и это накапливалось и делало этот мир другим.

Не говоря уже о том, что в этой реальности был попаданец в лице великого князя Романова-Советского. Что-то он не слышал о таком в прошлой реальности. Вернее, о великом князе в СССР знали компетентные органы и совсем чуть-чуть историки. В итоге осталось немного информации, мол, жил когда-то, воевал в Великую Отечественную войну. Даже умер когда и от чего неизвестно.

Сергей Александрович только покачал головой. В этой реальности он оставит куда больший след, но тогда ведь и мир еще больше изменится. О-хо-охеньки! И, кажется, ему уже самому не вырваться. Хочешь — не хочешь, а вспоминаешь песню В. Высоцкого «Чужая колея» с весомой корректировкой — колея действительно чужая, но выбираться ему отсюда не хочется. И не потому, что здесь тепло и приятно, и даже не потому, что интересно. Нет, его деятельность здесь принесет стране много полезного, а, значит, он должен продолжать жить и работать!

Усмехнулся, вошел в помещение. Сейчас по коридору он попадет через несколько

помещений в приемную к А.Н. Поскребышеву, а потом к Самому. Как говорили все приближенные — к Хозяину. В принципе, действительно Хозяин.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! — поздоровался он с диктатором, войдя в его кремлевский кабинет. А уже потом, как всегда, увидел весь кабинет и всех остальных. Точнее, еще двоих — В.М. Молотова и В.П. Чкалова — председателя Совнаркома и наркома НКВД. Первый весьма известный, второй, как нарком, совсем неизвестен даже попаданцу.

В прошлой реальности И.В. Сталин тоже имел в виду, когда убирал с поста наркома НКВД Ежова (там пока перемещал на другой пост). Но там был жив Л.П. Берия, а В.П. Чкалов, наоборот, разбился и погиб. Так какой он будет — тоже подлец и негодяй или уже иной?

Во всяком случае, рука у него оказалась большая и теплая, когда здоровался. И протянул он ее заметно охотно, не боится пока, что посетитель придет с ножом или револьвером.

И.В. Сталин для рукопожатия руку не протянул, но ласково улыбнулся, что для него заменяло весь этот ритуал. В.М. Молотов тоже не спешил подойти к великому князю, но когда он сам подошел, руку пожал охотно.

— Рассказывайте, товарищ Романов, с какими проблемами встретились, как формируется перспективы Комитета? — предложил добродушно И.В. Сталин, дымя, как обычно, трубкой.

Что же он готов к этому вопросу.

— Товарищ Сталин, товарищи! — начал он торжественно, но потом продолжил уже обыденно, — материальная база Комитета сформирована, кадры готовятся, так что, я считаю, организация готова к активной деятельности.

— Да, — согласно кивнул И.В. Сталин, — мы тоже помогли, и людьми и материальными ценностями. И впредь будем помогать, в первую очередь со стороны НКВД и НКВД. Товарищ Чкалов здесь и согласен. Литвинов..., - он задумался, — нет, он наверное, не поймет. Вообще, такие лица, как нынешний нарком НКВД, уже вчерашний день. Приходится заменять его потихоньку Вячеславом. И вам советую, Сергей Александрович, не работайте с современным НКВД. Гнилая организация.

Попаданец задумался. Литвинов с его излишней ориентацией на англо-французский блок с учетом роли Германии действительно становится анахронизмом. Нет, он, конечно, не станет излишне опираться на фашистские страны, как одно время делал И.В. Сталин, но и Антанта слишком слабая и неустойчивая опора. А его национальность (еврей) не позволяла ему даже подходить к немецкому посольству.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — отрапортовал он перед Вождем и сразу понял, что сделал что-то не то. Собеседники увидели, он не согласился, а просто выполнил приказ. А что он будет делать сам?

— А каковы ваши политические взгляды на текущую международную обстановку? — вкрадчиво спросил Молотов.

О-оп, осторожно! Во-первых, ему не надо вставать между М.М. Литвиновым и В.М. Молотовым, это не его война. А во-вторых, пошли на фиг все эти западные политики. Они или очень скользкие или совсем чужие для СССР.

— Товарищ Молотов! — твердо сказал попаданец, опираясь на не только настоящее будущее в XX веке, но и в довольно далекое будущее XXI века, — среди западных стран у нас нет друзей. И, более того, ряд государств занимали и занимают враждебную позицию.

— Правильно, товарищ Романов, — удовлетворенно кивнул Молотов. Подозрительность

и неясная враждебность сразу у него исчезла.

И.В. Сталин еще раз решил уточнить:

— А как вы относитесь к доктрине коллективной безопасности, товарищ Романов?

Плохо он относился к ней даже без подталкивания его высокопоставленного собеседника. Запад и СССР (Россия), к сожалению, всегда были враждебными сторонами. При чем, Запад когда оказывался полностью негативно настроен, а когда частично. В любом случае наша страна должно постоянно сторожиться удара с Запада. Сказал, что искренне думал много лет:

— Коллективная безопасность сейчас — это просто неясная кажимость. Англия и Франция взяли на себя слишком большую ответственность и, в случае опасности, скорее всего, будут пассивны и не помогут жертвам.

— Гм, а что же нам делать? — логично подошел к важному в нашей стране вопросу Молотов, потом уточнил, смягчив его: — как вы думаете, товарищ Романов?

Ага, от него уже требуют не анализ текущей обстановки, а просто смотрят на его аналитические взгляды. Что же, он не против.

— Сложно сказать, товарищ Молотов, — сделал попаданец задумчивое лицо, — но, в любом случае, если даже мы и захотим встать на чью-либо сторону, нам это не позволят.

— То есть? — даже откровенно удивился И.В. Сталин, — что вы хотите этим сказать, товарищ Романов?

— А так, товарищ Сталин, — твердо резюмировал попаданец, — в рамках договора коллективной безопасности нас только будут придерживать рядом да около, но каких-то серьезных шагов англо-французские империалисты сделать нам не дадут, сразу будут отсекают от всех стран.

Ну а страны фашистского блока... они ведь с первых шагов четко обозначали советские, а я бы даже сказал, антироссийские настроения. Не буду сейчас излишне прогнозировать, слишком много неясных факторов, но мне кажется, что рано или поздно со всеми этими государствами — нацистской Германией, фашистской Италией и даже империалистической Японией — нам придется воевать. Причем первыми нападут они!

— Что же, — подытожил И.В. Сталин, — ваши мысли в целом сходятся с нашими. Ну а если в мелочах вы и ошибетесь, мы вас поправим, то без далеко идущих выводов. Не ошибаются только те, кто ничего не делает.

А теперь, товарищ Романов, все же вернемся к работе Комитета, а то Вячеслав, — он посмотрел на Молотова укоризной, но не сердито, — нас несколько увел в сторону. Что вы видите в работе самым важным?

Сергей Александрович заметно оживился. Или он хотя бы сделал вид, что оживился, ему надо было показать, что общеполитические вопросы он понимает, но не любит. Его уровень — конкретные проблемы и желательно в рамках сферы деятельности Комитета. Пусть понимают это.

Нет, он не то что не хотел бы поговорить, но выглядеть болтуном без четкой концепции и авторитета знатока, боже упаси! Лучше уж тогда выглядеть молчаливиком и даже скромником!

Так что поговорим о своем учреждении

— Товарищ Сталин, работа Комитета будет организоваться согласно предоставленному вам плану. При этом главное внимание выделяется:

А) пропагандистско-агитационной пропагандистской работе внутри страны.

Ближайшие конкретные мероприятия:

— Праздник Великой Октябрьской Социалистической Революции и

— День памяти полководца и князя Александра Невского.

Внешне великий князь сказал это невозмутимо и даже скучно, мол, рядовые и уже надоедливые акции, но внутренне сжался и замер. А как Вождь отреагирует на совсем разные праздники. Точнее, даже праздники враждебных лагерей. Двадцать лет назад, в годы Гражданской войны их сторонники, как правило, нещадно резали и вешали друг друга. И хотя историческая эпоха была уже другая, но это объективно, когда смотришь далеко, с расстояния XXI века.

А субъективно, с точки зрения И.В. Сталина? С его-то возможностями он сейчас делал то, что любая женщина только мечтала — превращал субъективное впечатление в объективную реальность. Разумеется, не все так было просто, природные (божественные) законы ни одному человеку не преодолеть. А вот мечтания и желания других людей и даже многочисленных социальных слоев он мог преодолеть и создавать реальность, как он хотел.

Так как? В монархическо-социалистической аллюзии или же нет? И он останется в физической форме или будет лишь в виде неясных воспоминаний? Попаданец Сергей Логинович тревожно, и, как ему казалось, незаметно, посмотрел на всемогущего диктатора.

И.В. Сталин все же перехватил его взгляд, усмехнулся, не торопясь подошел к великому князю и в упор глядя не мигающими глазами, сказал:

— Я, в принципе, конечно, «ЗА», но как отреагирует на это советское общество? Не отлетит ваша задница от такой реакции?

Фу-ух, первый, самый главный и очень опасный шаг сделан! Теперь еще немножечко шажочков и картина реальности будет воссоздана. Так, товарищ Сергей Александрович? Давай держай, все равно никто, кроме как тебе!

— Для смягчения реакции различных социальных слоев населения мы как раз и проводим эти праздники почти вместе. При этом упор делается на то, что не какой праздник, а против кого он. Против немцев и за наше Отечество! Таким образом, общая канва — патриотическое воспитание и большевистская идеология. Да здравствует Великий Сталин, ВКП (б) и Страна Советов!

— Ха! — удивился такому пассажиру И.В. Сталин, взял, наконец, трубку, сделал затяжку. Потом сделал вывод: — мне кажется, вы сделали правильный шаг, товарищ Романов. Или, вернее, так — вы сделали шаг в правильном направлении. А вот на сам шаг надо еще тщательно посмотреть. Но хорошо, мероприятия мы одобрим и поможем провести. За вашим Комитетом общее руководство. Теперь дальше...

Вождь выжидательно посмотрел, словно намекая, что председателю Всеславянского Комитета нужно договорить по плану. Попаданец охотно заговорил. Пока И.В. Сталин в этом настроении и одобряет, почему же нет?

— пункт Б) внешнеполитическая деятельность Комитета. Идеологическая база здесь такая же — большевистско-патриотическая. Мы будем прославлять Великого Сталина и нашу прославленную Родину. Конкретно же предлагается два главных направления:

— Деятельность с современными империалистическими государствами. Надо иметь в виду, что, с одной стороны, все эти режимы нам враждебные и радуются нашим недостаткам, горюют позитивным успехам. С другой стороны, империалистические противоречия отдельных стран, большие экономические возможности СССР заставляют их сотрудничать с нами. Не зря они вынуждены были прекратить дипломатическую блокаду и

работать с нами. Ненавидят, но сотрудничают. Так будет и дальше и нам обязательно это учесть.

В этом отношении СССР надо обязательно сближаться с Германией, но по-прежнему оставлять союзниками Англию и Францию.

— У вас хитрая позиция, товарищ Романов, — то ли похвалил, то ли обругал его Вождь. Хотя вроде бы все же похвалил...

— Работая с западными странами, мы постоянно должны иметь в виду, что все они, к сожалению, наши враги, кто больше, кто меньше. Но все эти страны держат против нас нож и готовы без промедления пустить его, если видят, что мы ослабели, — пояснил попаданец, — дружить нам с ними нельзя, все равно обманут, но сотрудничать, по возможности, необходимо и нужно.

— Правильно, товарищ Романов, — на этот раз точно похвалил его И.В. Сталин, — СССР — единственное социалистическое государство и нам не с кем в современном мире искренне дружить.

— Тем более, — подхватил Сергей Александрович, — наша страна и в прошлом ссорилась с Западом и, наверное, будет и в дальнейшем.

— Ха-ха, — негромко засмеялся кремлевский Хозяин, — правильно, товарищ Романов! Только так и никак иначе!

Он дружески ткнул его в плечо и сел за стол, радушно предложил:

— Пейте чай с закуской, товарищ Романов, а потом и время кушать придет, поедем.

Попаданец благодарственно наклонил голову. Все мысли, которые он изложил И.В. Сталину, им же были предложены миру, правда, в иной реальности. Казалось бы, если уж ты их знаешь, смело говори. М-да, только надо не только знать, но и помнить, что каждому овощу обязательно свое время. А вдруг Вождь еще не созрел до своих же мыслей?

Но, кажется, все пошло, как надо. И.В. Сталин, пусть немного и поколебался по поводу дореволюционной России, но согласился с патриотизмом. Ведь и в прошлой реальности он уже именно в 1930-е годы окончательно переменяет доктрину мировой революции на концепцию русского патриотизма. И с этого времени он становится все более откровенным и стойким сторонником русского империализма.

Сергей вежливо и очень интеллигентно отпил чай. Кажется, надо договорить о деятельности Комитета. А то все несказанное станет секретное и нехорошее.

— Товарищ Сталин, о другом направлении внешнеполитической работы мне бы хотелось с вами поговорить — белая эмиграция. Насколько широко и глубоко с ними надо работать?

Вождь кивнул. Белогвардейцы, хотя уже и разбиты, но в Европе еще играют существенную роль. Или нет?

— Вячеслав, а ты как думаешь? — посмотрел он на притихшего соратника, пьющего чай и о чем-то сосредоточенно думающем.

— Я как раз об этом и думаю. Белая эмиграция — это сейчас как нолик. Сама по себе она ничто, но любую страну заметно усилит. Опять же, товарищ Романов, у вас там много родственников и сторонников. Они просто вас не поймут. Мое мнение — с белоэмигрантами надо работать плотно и много. По возможности, сделать их друзьями или, хотя бы, сторонниками.

— Да, товарищ Романов, я тоже так думаю, — кивнул И.В. Сталин и поинтересовался: — вы правильно все поняли?

Великий князь Сергей Александрович почтительно качнулся головой. Он все понял, да и сам тоже так думал.

Что же, вот попаданец и ассимилировался в новой реальности. И даже очень, как никак вошел в головку сталинского руководства в СССР. Но расслабляться не надо, ведь около Хозяина, как около могучего медведя — засеваешься и останешься около руки, а то и головы. Работайте, Сергей Александрович, и Бог вам в помощь! Понятно, товарищ Романов?!

Конец романа!

Больше книг на сайте - Knigoed.net